

О · Г · И · П Р О З А ·

Андрей Геласимов

ГОД обмана

The book cover features a dark, atmospheric illustration. A large, glowing green moon is the central focus, with a small, dark, teardrop-shaped object hanging from its center. In the upper left, a crow with white eyes is perched on a tree branch. At the bottom, the silhouettes of two people are shown sitting on a grassy hill, looking towards the moon. The background is a deep blue night sky with faint outlines of trees.

PG
3491.94
E43
G63
2003

МОСКВА 2003

Андрей Геласимов
ГОД ОБМАНА

МОСКВА 2003

О·Г·И

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Г31

Автор идеи серии Д. Ицкович
Художественное оформление: А. Ирбит

ГЕЛАСИМОВ А.

Г31 Год обмана. — М.: ОГИ, 2003. — 264 с.

ISBN 5-94282-110-0

Роман «Год обмана» — вторая книга Андрея Геласимова (автора повести «Фокс Малдер похож на свинью», вошедшую в шорт-лист премии имени Ивана Петровича Белкина). Герой этой истории — обаятельный неудачник Михаил, мечтающий об успешной карьере и о возможности заработать миллион. Вся его жизнь состоит из забавных приключений и пустяковых неудач. Сложности начинаются, когда Михаил впервые влюбляется по-настоящему: очередной забавный случай оборачивается драмой, которая изменяет его жизнь.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 5-94282-110-0

© А. Геласимов, 2002
© ОГИ, 2002

Содержание

	Весна
7	Михаил
	Лето
83	Сергей
94	Павел Петрович
96	Илья Семенович
97	Елена Сергеевна
101	Сергей
	Осень
129	Михаил
	Зима
200	Михаил
245	Сергей
255	Маленький Миша
259	Павел Петрович

ВЕСНА МИХАИЛ

Потом я стал думать, у кого можно перехватить на недельку. Выходило, что ни у кого. Когда меня взяли в эту фирму, все очень легко давали займы. Солидное предприятие. Партнеры в Штатах и по всей Европе, навороченный офис, у босса — свой самолет. Кто знал, что грядут сокращения? Как теперь долги возвращать? Пнули, словно собаку под зад, а ты теперь сиди на бульваре, посреди этой раскисшей жижи, и мотай сопли на кулак. Пришла, блин, весна, открывай ворота!

* * *

После обеда посидел на Гоголевском бульваре, затем около храма Христа Спасителя, потом у памятника Достоевскому на ступеньках библиотеки, и, когда совсем замерз, перебрался в Александровский сад. Скамейки здесь были самые удобные. Мягкие, как пух, и даже как будто теплые. К этому времени мой зад уже мог легко отличить скамейку на Тверском от скамейки у кремлевских ворот. Не задница, а профессор. Жаль только, в МГУ таких не берут. Хотя, что они там получают, эти профессора.

— У вас не найдется, случайно, зажигалки?

Рядом откуда-то взялась дамочка. Будто из-под земли выскочила. Как это я ее не заметил? Должно быть, тоже скамеечка приглянулась.

— Пожалуйста. — Я круто щелкнул своей «Зиппо». Люблю реальные вещи.

Не похоже было, что ее с работы турнули. Вид счастливый, прикинута от Нины Риччи или от кого там? — я в последнее время как-то почти не слезу. Так что непонятно, зачем она по скамейкам шарахается.

Я поискал глазами ее жлобов. Рядом с такой счастливой обязательно должен какой-нибудь шофер вертеться.

Эта была одна.

— Сколько? — она наклонилась ко мне, и я подумал, что духи у нее баксов за двести.

— Сто, — говорю не задумываясь.

Просто так сказал. Пошутил. Я даже не знал, о чем она спрашивает.

Она открывает сумочку и тащит оттуда два раза по пятьдесят. Зелеными. Прямо как в кино. Сунула их мне в руку.

Я говорю:

— За что?

Она говорит:

— Ты знаешь.

Я посмотрел на нее немного и говорю:

— Не-е-т, я не хочу.

Она говорит:

— Мало, что ли? На еще пятьдесят.

Я говорю:

— Да не хочу я, не надо мне пятьдесят.

А она говорит:

— Ну, тогда давай за двести. — И толкает мне в руку другие баксы.

Я думаю, ну, блин, попал. Бешеная какая-то! А сам ее все время от себя отталкиваю.

Вдруг она говорит:

— Ты что, случайно на эту скамейку сел?

— Ага, — говорю. — На камне попа сидеть замерзла.

Она рассмеялась:

— Ну дай тогда еще раз прикурить. — Теперь уже нормальным голосом сказала.

Я снова щелкнул «Зиппо», она затянулась, и мы стали сидеть молча. Типа присели на лавочку и отдыхаем. Кому какое дело? Мимо прогуливались туристы. Их теперь много стало на Манежной, после того как под землей эту ерунду построили. Фонтанчики, зверушки — малышня любит.

Она вдруг тихо засмеялась:

— А ты чего все-таки отказался-то?

Я пожал плечами:

— Не знаю... За деньги как-то не так.

— И руку мою так серьезно отталкивал. — Она прыснула от смеха. — Застеснялся, что ли? Даже побледнел.

— Да нет, — сказал я. — Просто сначала не врубился, в чем дело.

— Ты правда случайно сюда сел?

— А что, здесь просто так посидеть нельзя?

Она затянулась поглубже:

— Ну, это специальное такое место.

— Да я уж понял.

— Догадливый.

Она замолчала и, щурясь от дыма, продолжала смотреть на меня.

— А может, я тебе не понравилась? Старовата, наверное, для тебя?

На вид ей было лет тридцать. Конечно, лучше бы помоложе, но и эта была ничего. Хорошая. Симпатичная, чего говорить. Возраст тут не помеха.

— Да нет, — сказал я. — Возраст тут ни при чем. Просто не могу за деньги.

— Ну, как знаешь.

Она откинулась немного назад и положила руку на спинку скамьи.

— Надо же, вот и весна пришла, — сказала она, глубоко вздохнув. — У тебя все в порядке?

— Да-да, все нормально. А как у вас?

— Чего ты тогда один тут сидишь? Посинел весь от холода.

— Так, ерунда. Просто времени много.

— У кого времени много, те в такую погоду на скамейках не сидят.

— А где они сидят?

— В разных хороших местах.

— Для таких мест бабки хорошие нужны.

Она бросила сигарету и улыбнулась:

— Ты теперь знаешь, где их достать.

— В принципе, конечно... — начал я.

— В общем, если надумаешь, позвони.

Она встала и протянула мне визитку:

— Ты славненький, только весь синий. Иди домой, а то совсем замерзнешь. Тебя как зовут-то?

— Миша.

Я держал визитку и думал, что, в принципе, надо было соглашаться. Это и были те бабки, о которых я думал с самого утра. Но как я теперь должен был за ней бежать? Типа — «постойте, давайте поговорим еще»? Вот, блин, всегда так! Вечно вовремя не сообразишь. В который раз одним местом прощелкал.

Я убрал визитку поглубже в карман и решил в самом деле пойти домой. А что еще оставалось?

* * *

На следующее утро выгреб из всех карманов что где лежало, и вышло не очень весело. Чтобы сильно не расстраиваться, я сбежал в булочную и гастроном. Наелся бубликов с маком. Хватило еще на молоко, но оно было вчерашнее. Утешало то, что его можно было растянуть на три дня. Холодильник пока работал. За вычетом пачки «Мальборо» и коробочки «Тик-так» у меня оставалось немного мелочи. Можно было два раза съездить куда-нибудь на метро. Желательно туда, где лежат бабки. Один раз туда и второй раз обратно. Хотя, если там действительно будут бабки, об обратном проезде можно не беспокоиться. Дело было за малым.

Я сел рядом с телефоном и стал думать. В голову не приходило ничего, кроме сердитых друзей и обиженных родственников. Они постоянно дулись на меня, а когда встречали на улице, то отворачивались или вообще заходили в какой-нибудь магазин. Что те, что другие считали меня дурным челове-

ком. Их раздражало то, что я плохо вел свои финансовые дела, что деньги у меня никогда не задерживались. А больше всего их раздражало то, что у меня не задерживались их деньги. От всех этих мыслей я снова почувствовал голод. Надо было что-то решать. «Вот бы американцы, — подумалось мне, — привозили бабки по телефону 911. В маленьких аккуратных стопочках, обернутых в золотую фольгу. Как в сказке. И пели бы тихими голосами: «Хэппи бездей ту ю».

Я вынул из кармана вчерашнюю визитку и уставился на нее. Нельзя, конечно, сказать, что я про нее забыл, но все-таки перехватить где-нибудь денюжат старым проверенным способом было бы как-то... Впрочем, плевать!

Я протянул руку к телефону, но он так резко вдруг зазвонил сам, что у меня чуть сердце не выскочило от неожиданности.

— Да?! — я почти заорал, схватив трубку.

— Приемная генерального директора компании «Ред Стар индастриз». Это квартира Воробьевых?

— Да, это я! — я закричал еще громче. — В смысле — не квартира... а Михаил Воробьев. Это я!

— Вам сегодня назначена встреча на двенадцать часов. Просьба приехать на пять минут раньше.

— Но... меня уволили по сокращению. Я уже расчет позавчера получил.

«И потратил», — сказал у меня в голове внутренний голос.

— Без пяти двенадцать. Пожалуйста, не опаздывайте. Всего хорошего.

— Подождите, подождите! — завопил я. — С кем встреча-то? Зачем?

— С генеральным директором. До свидания.

В трубке забипало, а я все еще продолжал держать ее у самого уха. За то время, что я проработал в компании, мне никого выше начальника своего отдела видеть не приходилось. Самого главного босса из наших вообще не видел никто.

Мною заинтересовались боги.

«Вот и пригодятся денежки на метро», — подумал я и наконец положил трубку.

В приемной кроме секретарши сидело еще человек шесть. «Тоже, наверное, сократили, — подумал я. — А теперь вызвали, как меня. Может, какая-нибудь ошибка. Вдруг вернут на работу!» Догадка была слишком хороша, чтобы в нее верить. Но я на всякий случай сделал в кармане фигу.

— Моя фамилия Воробьев... — начал я, как вдруг у секретарши на столе заговорил динамик.

— Воробьев не приходил? — спросил он.

— Только что подошел, Павел Петрович. — Секретарша посмотрела на меня.

— Пусть войдет.

— Хорошо.

— Зинаида...

— Я слушаю, Павел Петрович.

— Что у меня еще до обеда?

— Встреча с представителями совета директоров.

— Во сколько?

— В двенадцать тридцать.

— Отмени. Пусть придут завтра.

— До обеда?

— Сама разберись.

— Хорошо, Павел Петрович.

Динамик замолчал, и секретарша опять посмотрела на меня.

— Ну, что вы стоите? Идите — вас ждут.

— Ага, — сказал я.

Кабинет у босса был не очень большой. Не очень большой, но классный. Я бы от такого не отказался. Пол из белого пластика.

Босс поднял голову от бумаг и внимательно посмотрел на меня. Дольше всего он смотрел на моих «докторов». Я тоже опустил взгляд на ботинки. От этих говноступов на белом полу тянулась цепочка грязных следов.

У меня в голове мелькнуло, не сбежать ли к секретарше за тряпкой.

— Да, весна уже в самом разгаре, — задумчиво сказал босс. Помолчав, он встал из-за стола и подошел к окну. — А зелени еще нет.

— Скоро появится, — вставил я.

Он продолжал смотреть в окно. Мы оба молчали. Прошло, наверное, минуты две. Я уже начал думать, что он о чем-то своем загрузился.

— Сколько вам лет?

Он спросил так неожиданно, что я вздрогнул. Хорошо, что он стоял лицом к окну.

— Двадцать три.

— А сколько вы проработали у меня в компании?

— Четыре месяца.

— Недолго. — Он усмехнулся и наконец повернул голову от окна.

— Меня сократили.

— Да? А что так? — В его голосе прозвучало сочувствие.

Меня это воодушевило.

— Сказали, что я не справляюсь с работой.

— А вы?

— А я справлялся.

Он улыбнулся и покачал головой:

— Полтора месяца назад компания не выполнила своих обязательств перед итальянцами. Мы недопоставили им сырье. Кажется, ваш отдел этим занимался?

У меня упало сердце. Тут я в самом деле был виноват. Мы на два дня тогда загудели у одного барбоса на даче, и я не успел закончить пакет документов.

— Но они ведь не стали взимать с нас неустойку.

— Я подарил президенту компании катер для рыбной ловли.

На это я ничего не сказал и стал смотреть на свои ботинки. Вокруг них растекались черные лужицы.

— Две недели назад, — продолжал босс, — у нас возникли проблемы с правоохранительными органами.

Тут я был виноват по полной программе. На 23 февраля собрал бывших однокурсников прямо у себя в конторе. Никто ведь из нашего выпуска не смог устроиться так круто. Вечно, блин, охота подогнуть пальцы.

Когда в два часа ночи сработала сигнализация и вдруг приехали менты, наши почему-то начали отбиваться. Я пробовал их успокоить, но мне так звезданули под глаз, что я очухался только в ментовке. На следующий день, как мне потом рассказали, по всему отделу натыкались на лифчики. Один оказался в столе у заведующего.

— Вы ведь тоже тогда подрались с милиционерами?

— Они первые начали.

— Вообще, часто деретесь?

— Да не так чтобы...

— А все-таки? — Он, прищурившись, смотрел мне прямо в глаза.

— Бывает. — Я опустил голову.

— И пьете?

— Ага.

— И подруг у вас много?

Я понял, что сопротивляться бесполезно.

— Некоторые даже проститутки, — со вздохом признал я.

— Как видите, работник вы никудышный. Сколько я вам платил?

— Девятьсот долларов.

— Многовато за такую работу. — Он опять усмехнулся.

Мне стало ясно, что мой поезд ушел. Я глубоко вздохнул, и мы оба надолго замолчали.

Первым снова заговорил он:

— Хотите получать в два раза больше?

Я подумал, что он оговорился. Хотел сказать «в два раза меньше», а сам случайно сказал «в два раза больше». Но даже при таком раскладе для меня выходило просто класс. Четыреста пятьдесят баксов на дороге не валяются.

— Что, простите?

— В два раза больше.

Я на минуту потерял дар речи:

— А кто платит?

— Я.

Мне вдруг пришло в голову, что это сон. У меня иногда так бывает.

— За что?

— Это отдельная тема. Так хотите? Или я найду кого-нибудь еще.

— Нет-нет, я хочу! А что нужно делать?

— Не бойтесь, убивать никого не надо. Присаживайтесь, я вам кое-что расскажу.

Мы сели за стол, и он предложил мне такое, от чего у меня челюсть отвалилась до самого пола.

Так бывает у Плуто в диснеевских мультиках, когда он заходит куда-нибудь и видит какой-нибудь крайний беспредел: Микки Маус там чего-то затеял, или злобные бурундуки прибежали. В общем, не важно. Работа, короче, была по мне. Если честно, то просто «не бей лежачего».

Надо было присматривать за его сыном.

Я так понял, что босс серьезно расстраивался из-за сына. Пацан то ли «поехал», то ли вообще был со странностями. Короче, папочка боялся, не был ли у него сын голубым, или его, не дай бог, затащили в какую-нибудь секту. Не то чтобы вокруг вертелись конкретные какие-то педрилы, но мальчик все равно вел себя не вполне адекватно. То сидит целыми сутками дома, не общается со сверстниками, не тусуется, никаких девочек — один компьютер, чего-то там ищет, хрен его знает что, в своем Интернете. А то вдруг надолго куда-то уходит, но возвращается всегда трезвый и всегда один. Больше всего папочку волновало, что он возвращается трезвый. Для него это было самое подозрительное.

Короче, он хотел, чтобы я научил его пить.

Он хотел, чтобы я научил его драться.

Он хотел, чтобы я научил его ходить по бабам.

В общем, папа хотел, чтобы я сделал из него человека.

— Вот деньги на текущие расходы.

Он положил передо мной штук пятнадцать стольников. Зеленых, естественно.

— Они не будут вычитаться из вашего жалованья. Просто расскажете мне потом, на что вы их потратили.

Это был рай. Седьмой день творения. Все уже есть, но еще никаких проблем со змеем. Все яблоки висят на месте.

— Сейчас спускайтесь в гараж и выбирайте машину. У вас есть водительские права?

- Международные.
— Хорошо. Тогда поезжайте вот по этому адресу. Вас будут там ждать.
Я вскочил из-за стола и помчался к двери.
— Пойдите!
Я затормозил как гончий пес.
— Вы не спросили, как его зовут.
— Кого?
— Моего сына.
— Да? И как?
— Его зовут Сергей.
— Очень приятно!

* * *

Машины стояли в гараже как лялечки. Я мог взять любую. Просто показать пальцем, и мне тут же должны были дать ключи. «Форды», «бээмвухи», «Фиаты» и даже один «Мерседес».

До этой минуты я считал, что рай придумали попы. Теперь я видел — такого им не придумать.

— Вот эту, — наконец остановился я, не в силах двигаться дальше.

Это было просто чудо. Оно столько раз являлось мне во снах, что теперь, подобно Жанне Д'Арк, я отчетливо услышал голос с неба: «Мишка! Это твоя судьба! Помоги королю, пожалуйста!»

Огромный английский «Лэндровер» тускло мерцал в полутьме гаража никелированными частями. Это был настоящий зверь. Сухопутный авианосец. Их делают для сафари в Африке. Для настоящих богатых людей. Даже носорог не сразу перевернет такую машину. Лучше всего с нее охотиться на антилоп. Крейсерская скорость, как у гепарда, и никаких дорог не нужно.

— А бензин? — еле выдохнул я.

— Полный бак, — улыбнулся дежурный механик. — И еще сзади пара канистр.

Можно было отправляться за львами. Не хватало только старинной винтовки Гиббса калибра 0,505 или, на худой конец,

винтовочки «Спрингфилд». Зато вместо них справа от сиденья водителя в уютном кармашке лежал шикарный мобильный, а прямо перед ним — телевизор «Сони». Выходило, что мелочь на обратный проезд в метро и вправду была без надобности.

Я повернул ключ, и мотор сдержанно заурчал, как сытая кошка. Он тоже был рад, что мы наконец встретились. На выезде из гаража я с огромным наслаждением облил замешкавшегося идиота с папкой под мышкой, расплескав на него грязную лужу.

Настроение было замечательное. Солнце шпарило изо всех сил. Воробьи орали как угорелые.

«Весна!» — заорал я и врубил радио на всю катушку.

* * *

Дома у босса меня действительно ждали. Встретили, провели, объяснили. Хата была в стиле «зашибись». Люблю этот стиль. Евроремонт по сравнению с тем, что я там увидел, «отдыхает». Грустно стоит в уголке и сопит в тряпочку.

Пацан мой сидел у себя в комнате. Чего-то химичил на компике. Пацан как пацан. Нормальный такой. Сидит, смотрит. На вид лет семнадцать. Явно не гомосек. Хотя в последнее время хрен их разберет. Тоже как нормальные мужики многие стали.

— Привет, — сказал я. — Меня зовут Михаил.

— Архангел?

Я не врубился и говорю ему:

— Что-то я не врубился.

А он отвечает:

— Ты не грузись. Все будет нормально.

— Стопудово. — Я ему говорю.

И тут он предлагает мне садиться.

Я сел и изложил ему папочкину программу. Юноша этот бледный даже глазом не моргнул. Я закончил, а он говорит, ну, мол, давай, раз папа хочет, типа — с чего начнем? Я так удивился чуть-чуть, думаю — нормальный пацан, нечего сказать, эмансипированный. Ну и молодежь, на фиг, пошла! Я бы на его месте точно бы охренел. А он сидит, на меня очень серьезно смотрит.

— Ты, может, не понял, — я говорю, — чем мы с тобой должны заниматься?

— Нет, — говорит. — Все понятно. Когда начнем?

Я думаю, ну, сейчас я тебя удивлю. Посмотрим, какой ты непрошибаемый!

Достал вчерашнюю визитку и говорю ему:

— Где тут у тебя телефончик?

Он вынимает сотовый откуда-то из-за компьютера.

— Умеешь пользоваться? — Это он мне.

Я быстро набрал номер.

— Алло, — на том конце почти сразу ответили.

— Здравστε. Это я, Миша. Из Александровского сада. Помните, мы с вами вчера там разговаривали?

— А-а, славненький! Как у тебя дела?

— У меня все нормально. Я вам насчет вчерашнего звоню...

— А-а, так ты надумал все-таки? Ну, молодец. Сообразительный...

— Нет-нет. — Я быстро ее перебил. — Это не я. Это еще один человек. Он другой. Не я.

— Какой еще другой?

— Он хороший. Очень славный. Даже еще моложе.

Она помолчала.

— Сколько?

— На вид лет семнадцать.

— Я не об этом.

Теперь я помолчал.

— Стольника, наверное, хватит.

— Договорились. Привози его на то же место. Я заберу его через сорок минут.

— Отлично!

Я выключил телефон и повернулся к этому папиному сыну. Он спокойно смотрел мне в лицо.

Ну, ничего, посмотрим, что ты потом скажешь!

* * *

Через полтора часа она привезла его обратно. За это время я раз пять бегал греться в машину. День выдался ветреный.

Стоял дикий холод. По телику показывали убойный сериал. Если бы я не боялся их пропустить, так бы спокойно и сидел у себя в джипе.

В общем, я не заметил, когда они приехали. Наверное, она поставила машину где-нибудь в другом месте. Я их увидел уже на нашей скамейке. Фиг его знает, сколько они там просидели. Когда я подошел, они болтали о чем-то. И ладно бы просто болтали. Ощущение было такое, как будто тетя с племянником обсуждают, как у него дела в школе.

— А-а, Миша, — сказала она. — Присаживайся, мы сейчас.

С таким же успехом она могла бы сказать этим тоном: «Ну, надо же, какая милая собачка побежала!»

Я сел и стал слушать их как дурак.

— В общем, тебе надо было сказать ей сразу все, — говорила она. — Ты меня понимаешь?

Пацан мой кивнул.

— И сразу бы все стало ясно, — продолжала она.

«Что здесь происходит? — сидел и думал я. — Или это у меня крыша поехала?»

— Короче, тебе решать. — Она вздохнула и поднялась со скамейки. — Миша, ты чудо!

Она вынула из сумочки сто баксов. Пацан очень внимательно посмотрел на меня.

— А может, сам надумаешь как-нибудь? Ты такая лапа. Я все мучилась, на кого ты похож.

— И на кого?

— На Джонни Деппа. Такая лапочка.

— Нет, я пас, — сказал я, убирая деньги в карман. — Тем более, что я понятия не имел кто такой этот Джонни.

Пацан по-прежнему не отводил от меня взгляда. Дырку, видимо, хотел прожечь.

— Как знаешь.

Она нагнулась к нему, чмокнула его в щеку и потрепала левой рукой в перстнях по голове.

— Пока, Сережа. Подумай о том, что я тебе сказала.

— Хорошо, — ответил он, поправляя волосы. — Я подумаю. До свидания.

— Всего хорошего, мальчики.

Минут десять мы сидели молча как идиоты. Ноги у меня совсем замерзли.

— Ну, что будем делать с деньгами? — наконец спросил я.

— Сто баксов — это не деньги.

— Кому как.

— Давай их потратим, — сказал он.

— Давай. А на что?

— Сколько стоит проститутка?

Я понял, что мне его сегодня не удивить. Этот папин Сережа был особый случай.

* * *

В общем, девчонку звали Олеся. Наверное, откуда-нибудь с Украины. Теперь там, говорят, совсем жрать нечего. А может, красивой жизни захотелось. Их много, хохлушек, на Тверской околачивается. Нам попалась такая ничего себе, симпатичная. Правда, болтала много.

— Если хотите, могу сразу с двумя. Но это будет дороже.

— С двумя не надо, — сказал я.

— А с кем?

— Вот с ним.

— А может, лучше с тобой? Ты такой хорошенький.

— Нет, только с ним, — ответил я.

Пацан мой совсем нахмурился.

— А едем-то мы куда?

— Едем ко мне домой.

— Я по домам не езжу.

— Да ты посмотри на него. Он же пацан совсем. Его, что ли, испугалась?

— Нет, не его.

— Да я даже подниматься не буду. В машине вас подожду.

— Знаешь, какие эти пацаны противные? Чем моложе, тем хуже. Дай покурить.

Она жадно затынулась моей сигаретой.

— А может, лучше с тобой? А то он что-то молчит. У него точно все дома? Мне приключений на жопу не надо.

— Не бойся. Я сам прибегу, если что. Не бойся, чего ты! Человеку надо наконец с девственностью расстаться?

Этот Сережа посмотрел на меня волком.

Ну вот, думаю, я тебя и достал. А то сидит, будто принц датский. Россия, брат! Какие тут, на хрен, Гамлеты!

Получилось у них по-быстрому. Девчонка спустилась первая и попросила включить телик:

— По «ТВ-центру» сейчас мой любимый сериал показывают. Там как будто все про меня. Ты не смейся, если я буду реветь. Дай сигарету.

— А пацан-то мой где?

— Не знаю. Там остался. Говорит, хочет один посидеть. Странный какой-то. А квартира, знаешь, у тебя говно.

— Я знаю. Надолго он там?

— Ты у меня, что ли, спрашиваешь? Говорила тебе, лучше бы ты со мной пошел. С тобой я бы забесплатно трахнулась. Красивых мужиков знаешь в Москве как мало. То ли дело у нас!

— На Украине?

— С чего это? В Красноярске.

Ну что мне было на это сказать?

Я включил для нее телевизор.

* * *

После того как отвезли девчонку обратно, Сергей мой неожиданно заговорил:

— А ты от чего умрешь, как ты думаешь?

Я понял, что он решил удивлять меня до упора. Видимо, программу на сегодня еще не закончил.

— Посмотри лучше телевизор.

— Люди по разным причинам умирают, — не унимался он.

— Да? — я отозвался, лишь бы сказать хоть что-нибудь. —

Все-таки из-за него я получил такую работу.

— У Маяковского отец умер, после того как палец уколол булавкой.

— Правда?

— Крылов умер от обжорства. А Джордано Бруно сожгли живьем.

Тут я подхватил:

— И Жанну Д'Арк тоже.

— Точно. А Анакреонт подавился виноградной косточкой.

— Так бывает, — согласился я, притормозив у светофора и размышляя о том, кто такой Анакреонт. — У моих соседей ребенок задохнулся, когда бруснику ел. Родственники из Сибири прислали. Мать потом себе вены резала. Говорила, что ему там плохо без нее. Откачали.

— Вот видишь. — Он замолчал и уставился на меня.

— Что? Что «вот видишь»?

— У всех по-разному.

— Ну и что? Естественно, что у всех по-разному.

— А у тебя как будет?

— Тьфу ты! Никак у меня не будет!

Он отвернулся к окну и тихо сказал:

— Будет... Куда ты денешься?

Еще через минуту он добавил:

— Но ты не бойся. Умереть — это как вернуться домой. Знаешь, к бабушке в деревню. Большой деревенский дом. Вя-занные половики и утром парное молоко... Главное, чтобы не из-за какой-нибудь ерунды...

Я уже ничего не сказал. Просто прибавил звук в телеви-зоре.

Когда он вылез из машины около своего дома, я наклонил-ся над рулем и крикнул ему в спину:

— Завтра в десять утра заеду.

Он повернулся:

— Доложи отцу, что я вел себя так, как надо. Папа будет гордиться мной. Ну и тобой, конечно.

Он не сказал «козел», но я, в принципе, догадался.

* * *

На следующее утро ровно в десять я был у него. Сергей мой опять сидел у компьютера и чего-то химичил.

— Привет, — сказал я ему в затылок.

Он тут же обернулся и, увидев меня, сразу встал. Я по-смотрел на монитор, но он быстро все выключил.

«Начинается», — подумал я.

— Ты знаешь, — сказал он, — я почти всю ночь не спал.

— Заметно.

— Нет, я не о том. Просто я думал про наш разговор вчера в машине.

«Ну, давай, давай», — сказал я про себя, понимая, что он решил и дальше меня донимать.

Не то чтобы мне было совсем уж без разницы, но я, по крайней мере, знал, что мне за это платят. Пусть повыеживается. При его бабках можно.

Вернее, при бабках его отца.

— Я понял, что должен перед тобой извиниться.

— Что? — переспросил я.

— Ты можешь принять мои извинения?

— Что? — еще раз сказал я.

— Давай пожмем руки.

Он протянул свою белую ладонь, и я автоматически взял ее в правую руку.

— Ну вот и хорошо. Ты завтракал?

— Ну да.

— Тогда поехали. Чего еще ждать?

— Куда?

— Я тебе потом объясню.

* * *

Он болтал безостановочно всю дорогу. Сначала про переселение душ, потом про клонирование. Называл какие-то имена, какие-то термины. У него даже лицо покраснело. Как будто и не был с утра бледный как смерть. Надо все-таки запрещать нынешним пацанам шарахаться так много по этому Интернету. Запросто может у кого-нибудь крышу сорвать. Ладно бы они только порнографию там искали, а то читают всякую дребедень.

— Куда теперь? — спросил я, когда мы выскочили на Волгоградку.

— Прямо давай. Я скажу, где повернуть.

— Мы что, в Люберцы собрались?

— Скоро узнаешь.

В Кузьминках он велел свернуть за универмаг «Будапешт» и остановить машину.

— Теперь придется пешком. Пойдешь со мной?

— А как же, — сказал я. — Думаешь, я дурак, чтобы припереться в такую даль и не узнать зачем?

Впрочем, по нему было видно, что он хотел того же. Что-то ему приспичило мне показать. Видимо, за этим сюда и приехали.

Я закрыл машину, и мы пошли мимо рынка куда-то в глубь пятиэтажных «хрущевок». Грязь вокруг была непролазная.

«Нельзя, что ли, на машине было подъехать?» — подумал я.

В этот момент позади нас кто-то крикнул:

— Сережа!

Мой пацан остановился как вкопанный, и лицо у него стало растерянное, будто у настоящего пацана. Точь-в-точь как у маленького.

Он обернулся и дурацким голосом сказал:

— А, это ты, Марина.

Я тоже посмотрел и подумал: «Вот это Марина так Марина! Классная тетка. Мне бы такую — я бы не отказался!»

Эта Марина подошла и смотрит на нас своими глазами. Щеки у нее блестят. Улыбается. Такая классная. Брови черные, глаза хитрые. Я бы такую просто съел.

— Ты же вчера обещал приехать.

И голос у нее замечательный.

— Да ты знаешь... Вчера я был занят. — Мой Сергей начал запинаться. — Делал кое-какую работу... по дому... Мать поручила...

«Врет, — подумал я. — Папина была идея. Хотя и не совсем по дому...»

Марина тем временем глазками в меня начала постреливать. Ощутила. Они всегда это чувствуют.

— А это Михаил, — сказал он наконец. — Потом запнулся еще раз и добавил: — Не ангел.

«Это уж точно, — подумал я. — Скоро ты в этом до конца убедишься».

— Здравствуйте. — Я протянул ей руку. — Очень приятно.

— Мне тоже, — сказала она и на несколько секунд свою ручку в моей задержала. — А я собралась в институт. У наших мальчишек сегодня зачет по режиссуре. Думала посмотреть.

«Так мы, оказывается, актрисы», — догадался я.

— Не поеду, — улыбнулась она. — Все равно ни в один отрывок не попала.

Сергей мой как застыл столбом, так и продолжал стоять, пока я не вмешался:

— Ну так что, значит, в гости идем к вам, Марина? Или можно на «ты»?

— Конечно. — Глаза у нее чуть сверкнули. — Очень даже можно.

* * *

Квартирка у нее была неважнец, конечно. Прихожая тесная, потолочки низкие, темновато, ну и все такое в том же духе насчет благородной бедности. Непонятно, как это мой пацан сюда дорогу нашел. Райончик-то нельзя сказать, что престижный. Народец здесь — не самая навороченная компания для папиного Сережи. Чего это, интересно, ему здесь понадобилось? Медом, что ли, намазали?

— О, Сережа пришел! — Из комнаты появился, очевидно, папаша. Эти папаши, видимо, рождаются сразу в спортивках и в майках с длинными ляжками. Еще у них всегда пузо и щетина дня этак за два.

— Здравствуйте, Илья Семенович, — сказал этот Сергей.

— А мы тебя вчера весь день ждали. Маринка от окон не отходила. Даже в институт не пошла.

Я посмотрел на нее, но она ничего не сказала. Только глаза ее в темной прихожей чуть-чуть заблестели.

— А это... мой друг Михаил. — Пацан мой опять немного запнулся.

— Ну, проходите, будем пить чай, — отозвался папаша. — Как добрались? — продолжал он, после того как мы все уселись вокруг очень скромненького стола.

— Нормально, — ответил Сергей. — Как всегда, на метро. Я посмотрел на него, но он сразу же отвернулся.

Фиг его знает, зачем он врал. Но я решил посидеть, помолчать. Мне-то какое дело? Главное, чтобы платили. За бабки я мог подтвердить, что мы сюда доползли на карачках.

Марина тоже помалкивала. Сидела, глазами на нас смотрела. То на меня, то на Сережу этого.

— Долго пришлось идти? — не унимался насчет метро папаша.

— Да нет, — сказал Сергей. — Только грязно очень. Весна. Я все ботинки испачкал.

«Так вот, зачем он пошел пешком от универмага», — догадался я.

Однако, почему он врет, мне все равно было непонятно.

— Так вы на какой станции вышли? — настырно продолжал отец.

— Там, где всегда... — начал Сергей, но тот его быстро перебил:

— Так «Кузьминки» сегодня закрыты. У них там ремонт.

Я чуть не поперхнулся чаем.

— ...на «Волгоградском проспекте», — другим голосом закончил Сергей.

«Ну и рожа у него теперь! — весело подумал я. — Интересно, как он будет выкручиваться?»

— Я всегда оттуда хожу, — продолжал он. — Это очень полезно... и... и... главное...

Дальше он уже не нашел, что сказать. Видимо, совсем растерялся. Лицо у него стало просто жалким. Я уже еле удерживался от хохота. Тут еще папаша решил его докопать.

— Надо было на «Текстильщиках» выходить. Так было бы гораздо ближе. Перед «Кузьминками» — «Текстильщики». А «Волгоградский проспект» раньше!

Естественно! Откуда этот Сережа мог знать порядок станций на одной из паршивых веток нашего любимого метро? Это был разгром. Десять—ноль в пользу бедных.

— Я очень часто хожу пешком... по две-три станции...

Он еще пытался держать марку, но папаша уже повернулся ко мне:

— Михаил, вам еще чаю? — И рожа у него была хитрая-прехитрая.

Через десять минут я остался на кухне один. Марина утащила моего Сергея к себе в комнату, а папаша решил выскочить за сигаретами. От «Мальборо» он отказался: «Спасибо, жидовских не курим». Заявил, что предпочитает «наши». Больше всего уважает «Яву». Желательно «явскую». Ну что же, у каждого свои приколы. Я остался сидеть и ждать.

* * *

Через минуту примерно, после того как убежал этот папаша, где-то в квартире затопали быстрые шаги, и на пороге кухни появился заспанный карапуз. Он стоял, покачиваясь, напротив меня и тер лицо пухлыми кулачками.

— Ты кто? — наконец сказал он, зевнув розовым ртом.

— Я Миша. А ты кто?

— Это я Миша. А ты кто-то чужой.

— Я скоро уйду.

— Хорошо, — сказал он. — А где папа?

— Вышел за сигаретами. Сейчас придет. Сколько тебе лет, Миша?

— Пять. А тебе?

— Мне двадцать три.

— Ты уже взрослый. — Он опять зевнул и задрожал как котенок.

— Надо штаны надеть, — сказал я. — Где ты их снял?

— Марина сняла. Она всегда меня усыпляет.

— Сейчас она тоже придет. Хочешь чаю?

— С сахаром, — твердо сказал он.

Выпив, не отрываясь, целую кружку, он с интересом посмотрел на меня.

— Знаешь, почему у тебя борода?

— Почему?

— Потому что ты много рыбы ел. Косточки в горле застряли, а потом на лице вылезли.

— Ты думаешь?

— Конечно. У папы тоже всегда так.

Я решил поддержать беседу.

— А ты гречневую кашу любишь?

— С молоком не люблю, — ответил малыш. — Только с сахаром.

— А знаешь, из чего ее делают?

— Нет.

— Ее делают из греков. Ловят их маленькими, пока не подросли, и делают из них кашу.

— А кто такие греки? — спросил он.

Я понял, что проиграл.

— Два — ноль в твою пользу, Михаил. Но штаны все-таки надо найти.

Он спрыгнул с табурета и прошлепал из кухни. Через минуту вернулся по-прежнему без штанов, зато принес большую конструкцию, построенную из «Лего».

— Что это за мавзолей у тебя?

— Это дом.

— А кто в нем живет?

Он высыпал на пол штук пять или шесть пластиковых фигурок.

— Солдатики, — сказал я. — Тогда это у тебя не дом, а казарма.

— Это Геракл и Геркулес, — возразил он. — Они не солдатики, а сильняки. Как Шварцнеггер.

В эту минуту появилась Марина. Волосы у нее были растрепаны. Одной рукой она застегивала халат, другой прикрывала ворот у горла.

— Мы тебя разбудили? — быстро сказала она. — Пойдем, не мешай нашему гостю. Где твои штаны?

— Это не гость, а Миша, — громко сказал малыш. — Я хочу с ним играть.

— Ты не беспокойся, — улыбнулся я ей. — Мы тут управимся. Иди, иди, а то скоро отец придет.

Она внимательно посмотрела на меня и медленно улыбнулась. За ее спиной мелькнуло красное лицо этого Сергея. Он тоже заглянул в кухню, а потом заперся в ванной. Марина все улыбалась, не отводя от меня взгляда, и молчала.

— Не беспокойся, — повторил я. — У меня с детьми хорошо получается.

На следующий день я решил больше не выпускать инициативы из своих рук. Взятся за бизнес, так надо вести его по-настоящему. «Учиться, учиться и учиться», — как завещал великий вождь. Педагогика — вещь серьезная. Требуется глубокого научно-методического подхода.

— Сегодня учимся бухать, — сказал я своему воспитаннику, снова оторвав его от компьютера. — Чего ты там все время делаешь?

— Так, ерунду одну, — отозвался он. — А «бухать» я уже умею.

— Нет, — протянул я и загадочно улыбнулся. — Пару раз напиться на какой-нибудь наркоманской вечеринке — это не значит «бухать». С этого дня у тебя начинается новая жизнь. Радуйся, ты попал в руки профессионала. Я чемпион Москвы в полутяжелом весе.

— А почему не в тяжелом?

— Я над этим работаю. Но среди полутяжей мне равных нет.

— Хорошо, — сказал он с улыбкой. — Когда начнем?

— Сперва нужно пройти теоретическую подготовку.

— Да? Это как?

— Нужно ознакомиться с правилами для главбухов.

— Главбухи-то здесь при чем?

— Те, кто бухают не по науке, — это просто любители. Махровая самодеятельность. Главбухи, мой дорогой, — это уже элита.

— Понятно, — снова улыбнулся он.

— Правило номер один: бухать так бухать. Нельзя стать настоящим главбухом, если у тебя остаются сомнения. Главное, чтобы в сердце было искреннее желание стать маленьким пьяным поросенком. Воля здесь ни при чем. Надо по-настоящему захотеть. Тогда у тебя, может быть, получится. Сейчас настоящих мастеров почти уже не осталось — одни любители. Но я тебя научу.

Пацан мой улыбался до ушей, но молчал.

— Правило номер два: главбух должен быть художником. Без поэтического отношения к делу ничего не выходит. Ты любишь море?

— Да.

- Думай о нем, когда пьешь.
- Меня укачает.
- Тогда думай о женщине.
- О Марине?
- О ком хочешь. Лишь бы это была поэзия. Какие стихи тебе нравятся?
- Есенин.
- Отлично. Он тоже бухал. Надо распределить выпивку по поэтам. Есенин — пусть будет водка.
- Лучше рябиновая настойка.
- Молодец. Кто еще?
- Пушкин.
- Это шампанское. Еще?
- Байрон.
- Я не читал. Сам придумай.
- Наверное, коньяк...
- Ты должен быть уверен.
- Да, точно коньяк.
- У нас еще остались вина. Сначала красное.
- Он ответил не сразу.
- Может, Блок?..
- Откуда мне знать?
- Нет, Блок — это белое вино.
- А кто тогда красное? — спросил я.
- Франсуа Вийон... — Он опять подумал. — Да, точно! Франсуа Вийон.
- Венгр?
- Нет, француз. Его повесили за воровство и разбой.
- Хороший поэт. Дашь потом почитать. Кто у нас будет отвечать за портвейны?
- Я не знаю. Я портвейн не пил.
- Значит, есть пробелы. Ладно, будем ликвидировать. Вот тебе и домашнее задание. Сегодня — портвейн, а завтра ныряй в папины книжки.
- У него нет стихов.
- Ну, сходи в библиотеку. В общем, на этом пока все. Всякие виски-шмиски оставим на другое занятие. Нельзя мешать все в одну кучу.

— Больше нет правил? — разочарованно спросил он.

— Еще как минимум два. Но вначале контрольный вопрос. Кто был самый верный ленинец, на которого всем нам надо равняться?

Его лицо выразило сильное удивление. Потом он задумался и, наконец, улыбнулся.

— Бухарин?

— Пять баллов. Начинаешь улавливать суть. Следующее правило гласит: никогда не забывай про бухучет. Если ты перестал считать, ты уже не главбух, а просто бухарик. Надо всегда знать, сколько уже выпито. В этом случае ты способен мыслить стратегически и верно распределять остающиеся ресурсы. Это понятно?

— Как божий день.

— И наконец, золотое правило главбухов. Не блевать. Ни при каких обстоятельствах. Это унижает человеческое достоинство.

Обговорив с ним еще кое-какие детали, я сел на телефон и стал искать подходящую пьянку.

Вариантов, как всегда, было много. Две свадьбы, один мальчишник, встреча бывших одноклассников, презентация в туристической фирме, девичник и несколько попок без всякого повода. Все это было хорошо, но не хватало стиля. Требовалось внутреннее напряжение всей композиции.

Наконец я наткнулся на то, что искал. Пару месяцев назад четверых знакомых ребят выперли из института. Что-то они там напились и набедокурили. Сегодня их всех провожали в армию. Это было как раз то, что надо. Сдержанное мужское горе и проникновенное сочувствие товарищей.

* * *

Когда мы вошли, все посмотрели на нас с неодобрением.

Я представил своего ученика и вынул из пакета три бутылки водки «Финляндия».

Лица сидевших просветлели.

Вслед за этим Сережа достал из своей сумки большую упаковку пива «Карлсберг».

Глаза присутствующих затеплились уважением.

Наконец я сообщил, что в машине еще пять таких упаковок, и со всех сторон к нам потянулись крепкие мужские руки.

Поприветствовав всех собравшихся, мы получили место в углу дивана. Я пододвинул к себе початую бутылку водки, и началась практическая часть нашего занятия.

За столом обсуждалась проблема — как откосить. Двое призывников были уже настолько пьяны, что не принимали участия в дискуссии. Однако двое других живо прислушивались к советам бывалых людей. Громче всех выступал один неизвестный мне в стельку пьяный дембель. Он только что вернулся на гражданку и по привычке считал, что все должны его слушать. Армия портит людей, вселяя в них необоснованные иллюзии.

— Косить надо с умом, мужики, — выкрикивал дембель с таким напряжением, что у него покраснела шея и часть лица.

— Косить надо так, чтобы не было мучительно больно, — проговорил мой сосед слева, заедая водку зеленым луком.

— Саться и дуручку валять бесполезно, — продолжал орать дембель, не слушая никого. — Я вам как «дед» говорю. Врачи такие мастырки секут на раз. Отпиздят по-доброму в учебке, и перестанешь саться.

После четвертой рюмки моего Сережу повело на разговоры.

— Пойдем покурим, — ткнул он меня локтем в бок.

Когда выходили в коридор, я видел, как его качнуло.

— Нужно поддержать паузу, — сказал я ему.

— Все нормально, — ответил он и плюнул на пол.

— Тошнит?

— Нормально. Дай сигарету.

Мы закурили и постояли несколько секунд молча.

— Знаешь, зачем я тебя вчера с собой взял к Марине? — наконец заговорил он.

«Конечно, знаю, — подумал я. — Похвастаться захотел».

— Обычно за мной следят, — сказал он.

— Не понял, — прервал я его. — Ты что, на ЦРУ работаешь?

— Папочка меня без присмотра не оставляет. А когда ты рядом, никто поблизости уже не крутится. Тебя, наверное, достаточно. Я еще в первый день заметил.

«Да? — подумал я. — А в квартиру-то чего тогда потащил? Мог бы и в машине оставить...»

— Я не хочу, чтобы он про Марину узнал.

— Почему? — спросил я.

— Я ее тогда больше не увижу.

— Убьют? — я слегка усмехнулся.

— Не убьют, — серьезно ответил он. — Но спрячут так далеко, что фиг найдешь.

— Где это?

— Где угодно. В Сибири, в Европе, в Америке.

— В Штаты она бы, наверное, не отказалась поехать, — опять усмехнулся я.

— Скорее всего, — сказал он. — Поэтому я и взял тебя с собой.

— А чего это папа так взъелся?

— Хочет, чтобы я женился на одной итальянке.

— Богатая?

— У нее отец — известный политик...

В эту минуту дверь из квартиры открылась, и на пороге показался пьяный дембель.

— Мужики! — завопил он. — Вот вы где! А мы вас везде обыскались.

— Сейчас придем, — быстро ответил я. — Нам поговорить надо.

— Все нормально, мужики! Вы мне только скажите, где там у вас еще пиво лежало.

Я дал ему ключи и объяснил, где стоит наш «Лэндровер».

— Дверь только потом посмотри.

— Конечно, — заплетающимся языком сказал дембель и утопал вниз.

— А еще ее отец владеет заводами по переработке руды и двумя футбольными командами, — сказал мой Сергей.

— Какими?

— Не знаю. Кажется, из второй лиги.

— Ну все равно. — Я уважительно покачал головой. — Это же итальянский чемпионат. Женись. Чего ты раздумываешь?

— Я ее никогда не видел.

— Ну и что! Итальянки просто чума какие красивые.

— А Марина?

— Да хрен с ней, с Мариной! Ты что, дурак, что ли?

— Сам ты!..

Он оборвал себя на полуслове, но я видел, какого труда ему стоило удержаться.

— Пошел ты! — наконец выдавил он и пнул дверь ногой.

Хорошо хоть не меня.

Я остался один в коридоре.

Через минуту на лестнице запыхтел дембель. Он тащил все пять упаковок и был абсолютно счастлив.

— Клевая у тебя тачка! — заорал он. — Слышь, тебя как зовут-то? Я позабыл.

— Михаил, — отозвался я.

— А! Ну молодец, Михаил! Отличный из тебя получится воин.

Он, очевидно, решил, что это меня провожают в армию.

Дверь за ним хлопнула, и я снова остался один. Пора было возвращаться.

* * *

За столом все еще продолжался разговор на тему «как откосить».

— Ну и далеко там зашло? — примирительным тоном негромко сказал я, усаживаясь рядом с Сергеем.

— Где? — спросил он.

— В Италии.

Видно было, что он сначала не хотел отвечать, но потом все-таки снизошел:

— Мой отец подарил ее отцу катер.

Я даже ушам своим не поверил.

— Для рыбной ловли?

— Кажется, да, — ответил он. — Тот итальянец большой любитель. Тебе-то какое дело?

Я не знал, что ему сказать. Из-за этого катера, которым меня два дня назад попрекнул босс, теперь мне вдруг показалось, что я тоже замешан во всей этой истории с итальянской женьбой. Не зря же он выбрал именно меня. И тогда вышло, что вся эта ерунда насчет «сделать из мальчика челове-

ка» была просто отмазкой. А меня наняли, чтобы шпионить. Тем более, что они снимали наружное наблюдение, когда с пацаном был я. Наверное, они хотели, чтобы он начал мне доверять. А я потом должен был стукнуть папе.

Интересная выходила схема. Впрочем, я еще ни в чем не был уверен. История с итальянским катером могла оказаться простым совпадением. Папа ведь мог сказать о нем так, между прочим. Оговорился человек, с кем не бывает.

— Тебе-то какое дело? — повторил мой пацан.

— Да так, померещилось. Дай-ка мне бутылку портвейна. Пора заняться исследовательской работой. Водочка уже выветрилась.

В эту минуту дембель заорал громче обычного:

— Кончайте меня грузить! Никто из вас откосить не сумеет! Слушай сюда! Сейчас все будет конкретно. Сломаем руку и пиздец. Никакой армии!

Один из спавших за столом призывников проснулся и сильным голосом спросил:

— А кому тут пизды?

— Тихо! — рявкнул дембель. — Кто хочет конкретно на гражданке остаться?

— Я, — сразу ответил проснувшийся.

Глаза у него были совершенно осоловелые.

— Накати еще водки, — приказал ему дембель. — Тогда будет не больно.

— Меня вырвет, — предупредил призывник.

— Накати, говорю. Учись слушать старших.

— Понял.

Ему налили почти стакан, и он в невероятных конвульсиях выпил его до дна.

— Еще? — спросил кто-то из «ассистентов».

Дембель склонился над своим пациентом и, посмотрев ему в глаза, заявил:

— Хорош. Точно попали в дозу. Веди его в туалет.

— А что будем делать-то? — прозвучал недоуменный вопрос.

Дембель с усмешкой посмотрел на вопрошавшего.

— Руку его на унитаз положим, а ты на нее сверху прыгнешь.

— Я?!!

— Зассал? — сказал дембель. — Другану зассал помочь!

— Я прыгну, — предложил другой призывник.

— Тебе тоже ломать будем, — возразил дембель.

— Сначала ему, — ответил доброволец. — Надо посмотреть, как получится.

— Логично. — Дембель одобрительно хмыкнул. — Тащите первого в туалет.

Судя по его лицу, первый уже с трудом понимал, что с ним происходит.

Народ поднялся из-за стола. В комнате остались только мы с Сергеем и четвертый призывник, который спал на диване. Про него, очевидно, просто забыли.

Мы сидели, прислушиваясь к тому, что происходит в туалете. Я ждал, чем все это закончится, но, видимо, у них там не очень заладилось. До нас долетали звуки какой-то возни, негромкая матерщина и время от времени смех. Спящий на диване боец застонал и свалился на пол.

— А Марина-то знает? — сказал я.

— Насчет чего?

— Насчет итальянки.

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Да она вообще ничего не знает.

— Как ничего? В каком смысле?

— Она думает, что я из Калуги. Учусь в педагогическом. Мама преподает в техникуме. Папа живет с другой семьей.

— Да ты что! — я не сумел скрыть своего изумления.

— Да. А что?

— Да так, — улыбнулся я. — А на фига тебе это надо?

Он помолчал секунду.

— Ну, мне не хотелось, чтобы она сразу узнала... — Он замялся.

— Какие бабки за тобой стоят? — закончил я за него.

— Не в этом дело. Я хотел, чтобы у нее осталось право выбора. Если она будет все знать, вряд ли сможет освободиться от мысли...

— Что твои бабки гораздо круче, чем ты сам, — снова продолжил я вместо него.

— Ну, в общем, что-то в этом роде, — усмехнулся он.

— Понятно, — сказал я.

Теперь мне и вправду было понятно. Во-первых, стало ясно, почему он врал ее папаше насчет метро. Во-вторых — за чем прятался от телохранителей.

— Ну что, еще по портвейну? — спросил я.

— Да, пожалуй, хватит.

— Определился, какой писатель за него отвечает?

— Мы же о поэтах говорили.

— Ну, о поэтах, — я махнул рукой. — Определился?

— Думаю, да. Это, скорее всего...

В этот момент в туалете раздался дикий крик.

«Получилось, — подумал я. — Надо вызывать „скорую“».

* * *

В следующее мгновение в комнату внесли корчащееся тело. Оно издавало жуткие стоны и отборную матерщину. Тело принадлежало дембелю.

— Он сам решил прыгнуть, — объяснил один из «ассистентов». — Валерка уснул, пока мы пробовали, и рука с унитаза упала. А он как раз в этот момент прыгнул. Сказал, что покажет нам всем, как надо Родину любить.

После осмотра, во время которого дембель страшно ругался, мы пришли к выводу, что он сломал себе ногу. Всякий раз, как мы к ней прикасались, он дико выл и обзывал нас ужасными словами.

— Надо снять с него брюки, — предложил кто-то из «ассистентов».

— Пошел ты! — закричал дембель. — Я что, в больницу в трусах поеду?!!

— Тогда придется их резать, — сказал кто-то еще. — Вдруг там открытый перелом.

— Хотя крови вроде не видно, — отозвался третий.

— А вдруг она просто от шока не бежит. Так бывает. Сосуды сужаются.

— Снимайте их, блядь, скорее! — испугался дембель. — Хули вы встали? Подохну тут с вами, придурками!

Никто не знал, как стянуть с него штаны, не потревожив ногу. Посовещавшись, решили держать его на весу и тихонько стягивать. Для этого пришлось вынести из комнаты спавшего на полу бойца. Потом — все стулья. Потом стол. Когда выносили стол, бутылки с него попадали. Он никак не проходил через дверной проем.

— Тут совсем чуть-чуть не хватает, — сказал тот призывник, который вызвался прыгать первым. — Сантиметра два. Может быть, снимем дверь?

— Я подожду, пока вы ее снимете! — в ужасе закричал с дивана дембель. — Вызывайте «скорую»!

Мы оставили стол у двери и подняли дембеля с дивана. В горизонтальном положении стянуть с него штаны оказалось почти невозможно. К тому же здоровой ногой он очень ловко пинал нас в лицо. Кто-то предложил перевернуть его вверх ногами. Несмотря на то что где-то внизу он продолжал страшно ругаться, звенеть упавшими на пол бутылками и хватать нас за ноги, дело теперь пошло на лад. Вскоре он лежал на диване в сиреневых трусах и громко матерился. Нога у него распухла, как бревно, однако крови нигде не было видно.

— Слава богу, закрытый, — решили мы, но на всякий случай залили перелом водкой: кто-то сказал, что лучше продезинфицировать.

— Ну и как я буду теперь здесь лежать? — неожиданно тихо спросил дембель. — Диван, блин, насквозь мокрый.

Через полчаса приехала «скорая», и его увезли. Хорошо, что у них оказались с собой носилки.

* * *

Когда мы вышли на улицу, было уже почти утро. Солнце еще не появилось из-за домов, но птицы орали как угорелые. Ночью прошел дождь, и теперь асфальт блестел черными лужами. Сергей шумно втянул воздух и улыбнулся.

— Люблю, когда так пахнет. Свежестью. Москва утром — чистый кайф!

Я тоже вздохнул поглубже.

— Да уж. Особенно когда людей нет.

Он взглянул на меня и засмеялся:

— Ну и видок у тебя!

— Ты лучше на себя посмотри, — вяло огрызнулся я.

— Пойдем пешком, — предложил он. — Тут ведь недалеко.

— Кому как. Мне, например, еще через полгорода тащиться.

— Да пойдем. Останешься у меня ночевать. У нас две комнаты для гостей пустуют.

— Ну пошли. Все равно дома есть нечего.

— Я тебя накормлю.

— Пошли, пошли. Слушай, а что твоей матери скажем?

— Она живет в другой стране.

— Понятно.

— И приезжать не собирается.

— Я понял. Вопросов нет.

Утро действительно было чудесное. Воздух казался таким легким, что временами мне чудилось — вот-вот и я улечу. Впрочем, скорее всего, это было из-за сумасшедшей ночи.

«Нельзя так много курить, — решил я. — Или надо перейти на легкие сигареты».

— Смотри, — сказал Сергей. — Листья на деревьях появились.

— Точно, — отозвался я. — Теперь везде попрут. Весна, блин. Из-за поворота, позвякивая, выкатился трамвай.

— Ты смотри, как он рано. Ну и жизнь, должно быть, у этих трамвайщиков. Куда он едет в такую рань?

— А знаешь, как я познакомился с Мариной? — сказал Сергей.

— Как? — словно бы нехотя спросил я.

— В трамвае.

— Да ты что? — я разыграл притворное удивление.

Так иногда делаешь, чтобы ничего не сказать, но все-таки узнать, что будет дальше.

— Правда. Я убежал от своих охранников и прыгнул в трамвай. Он как раз трогался с остановки.

— Чего ты от них все время бегаешь?

Он запнулся и посмотрел на меня:

— А за тобой следили двадцать четыре часа в сутки, когда тебе было семнадцать лет?

Я на секунду задумался и вдруг очень ясно представил себе этот ужас.

— Наверное, ты прав. И что случилось в трамвае?

— Я не знал, как заплатить за проезд. Там были какие-то штучки на окнах, но я не понял, для чего они.

— Постой, ты, что, не знал, для чего нужен компостер?

— Нет. Откуда мне было знать? Я в трамвай попал первый раз в жизни.

— Что, никогда не ездил на трамвае? — Я даже остановился.

— Нет, — сказал он. — До этого случая — никогда.

— А на троллейбусе?

— Нет. Раза три на метро в детстве, когда с пацанами убежали с уроков, и все. В доме всегда был специальный шофер, который возил меня всюду, начиная с детского сада. Отец так решил.

«Ни фига себе, поколеньице подрастает», — подумал я.

— Ну-ну, и что дальше?

— Пришел контролер.

— И это оказалась Марина!

— Нет. Это был небритый дядька с плохим запахом изо рта.

— А Марина?

— Она стояла сзади и сунула мне в руку свой проездной.

А он ее тут же оштрафовал.

— «Есть женщины в русских селеньях...» Чего же она обратно свой проездной не взяла?

— Я не знал, как его передать.

— Застеснялся, — усмехнулся я. — Подставил девочку.

— Я потом ей деньги отдал, — сказал Сергей.

— Снова убежал от охраны и привез ей долг?

— Нет. — Он покачал головой. — После случая с трамваем от них уже трудно было убежать. Почти никогда не получалось. Только один раз, уже потом. А тогда меня привезли в Кузьминки, и я будто бы пошел в «Будапешт».

— Интересно зачем?

— Мало ли. Им все знать не положено.

— И долго так продолжалось?

— Два месяца.

— Понятно... А потом вдруг я подвернулся. Так, что ли?

Он посмотрел мне в лицо и ничего не ответил.

«Ну и пошел ты! — подумал я, неожиданно разозлившись. — Тоже мне крышу себе подыскал. Привык уже, что папа ему людей покупает».

В это время мы подошли к его дому.

— В общем, сегодня сделаем выходной, — сказал я. — А завтра с утра я к тебе заеду.

— Ты же хотел остаться.

— Это ты хотел.

— Но ты же сказал...

— Мало ли что я сказал. Тебе, может, тоже все знать не положено.

Я развернулся и пошел обратно за своим джипом. Дойдя до перекрестка, я посмотрел назад. Сергей все еще стоял там, где я его оставил.

* * *

Спать пришлось ложиться на голодный желудок. Поэтому, наверное, приснилась всякая дрянь. Сначала какой-то пароход на коньках, затем дикие лошади, потом почему-то Пушкин, а после него дуэль и стрельба. Потом я ехал на поезде туда, где родился, но мне было страшно оттого, что я не знал, на какой станции надо сходить. В итоге вокруг оказалось море высокой травы, из-за которой ни черта не было видно, и я бежал, задыхаясь, по узкой тропинке, а длинные стебли хлестали меня по лицу. Вдруг из этой зеленой чащи высунулась чья-то рука и схватила меня за горло. Я хотел закричать, но даже просто вздохнуть и то было невозможно. Из травы показалось темное лицо. «Собирайся, — сказала оно. — Мы пришли за тобой». «Я не хочу!» — подумал я в ужасе, но лицо встряхнуло меня как тряпку. «Собирайся! Времени нет».

— Собирайся! — ревел чей-то голос.

Я подскочил на кровати как ошпаренный.

— Собирайся, — повторил голос. — Хватит дрыхнуть! Люди ждут.

Я наконец сообразил, что это не сон и что я не один у себя в комнате.

— Давай поднимайся скорей, — сказал человек, который сидел на моей постели и тряс меня за плечо.

Второй стоял у шкафа и, раскрыв дверцу, перебирал мои вещи.

— Одевайся, — сказал он, бросая на кровать джинсы, футболку, рубашку и что-то еще.

— Давай-давай, — подхватил первый. — Времени совсем нет.

— Где у тебя обувь? — спросил тот, что стоял.

Я ничего не ответил.

— Кроссовки твои где? Оглох, что ли?

— Вы кто? — наконец спросил я.

— Дед Пихто, — ответил второй. — Где твои кроссовки?

— Я не ношу кроссовки.

— А что ты носишь?

— «Доктор Мартинз».

— Хорошо. Где твои «Доктор Мартинз»? — видно было, что он разозлился.

— В ванной стоят.

— Хрена ли ты их туда поставил?

— Хотел помыть.

— На том свете помоешь. Давай, быстро вскочил! Долго с тобой тут будем возиться?

Я откинул одеяло и встал.

— Ты что, без трусов спишь? — заржал первый.

— Слышь. — Он обратился ко второму, который вышел из комнаты. — Он без трусов спит! Дрожит, наверное.

— Отвяжись от него, — донеслось из ванной. — Пусть спит в чем хочет. У нас времени нет!

Я молча одевался и рассматривал своих гостей. Прежде всего, было непонятно, как они вошли. Я точно помнил, что запер дверь и даже закрыл ее на цепочку.

«Должно быть, порвали», — решил я.

Оба моих визитера были одеты в строгие темные костюмы. Белые рубашки и галстуки выглядели безукоризненно. Они были похожи друг на друга как близнецы.

«Тоже мне люди в черном», — подумал я.

— Собрался? — сказал главный, входя в комнату с моими ботинками. — Десять баллов! Теперь валим отсюда — и так уже столько времени потеряли!

Внизу мы сели в черный «БМВ» с тонированными стеклами, и я решил запоминать дорогу. По крайней мере, глаза мне не завязали.

— Ты почему стекло не протер? — спросил главный, едва мы отъехали. — Я же тебе вчера говорил, а ты опять ни хрена не слушаешь!

— Я протирал, — отозвался второй, переключая скорость.

— Когда ты протирал?! Смотри, сколько грязи! Слякоть везде, а ты не протираешь. Скоро не видно будет, куда едем! Когда ты протирал?

— Я протирал, — повторил тот.

— Когда ты протирал, я тебя спрашиваю?!

— Позавчера.

— А я тебе когда говорил?

— Не знаю.

— Я тебе вчера говорил! Сколько можно повторять одно и то же? Ты достал меня. С тобой невозможно работать!

— Слышь, — сказал второй, останавливаясь у светофора.

— Ну? — отозвался главный.

— Я же тебе говорил, что у меня весной руки болят.

— Чего они у тебя болят?

— Сам не знаю. Может, от воды. Они, наверное, весной в воду больше хлорки добавляют. Кожа сначала сохнет, а потом лопается. Я крем у своей взял, все равно не помогает. Больно так. Даже к рулю прикоснуться трудно.

— Тряпка-то мягкая. Не то что руль.

— А жидкость для стекла? Она знаешь как эти ранки разъедает!

— Сходи к врачу.

— Ходил уже. Говорит, ничего сделать нельзя. Надо ждать, пока весна кончится. Авитаминоз. Плохое питание. Прикинь! У меня — плохое питание! Придурак. Вода просто херовая. Может, минеральной мыть? Возьму ящиков пять, а из крана совсем не буду мыться.

— Ты лучше стекло протри.

— Я же тебе говорю — болят руки. Достала эта весна. На следующий год возьму в это время отпуск. На Кипре, как думаешь, хлорку в воду добавляют?

— Давай уже скорей! Мышьяк они добавляют. Тебе будет в самый раз.

Они оба замолчали, и тот, что сидел за рулем, обиженно сгорбил плечи. Через минуту машина остановилась у большого серого здания.

Это был офис моего босса.

— Дальше дорогу знаешь, — сказал главный, открывая дверцу с моей стороны. — И давай шевели булками. Там уже полчаса как ждут.

* * *

Внутри здания было пустынно. Все коридоры словно вымерли. Я шел по светлому пластику, и мои шаги отдавались эхом где-то в дальних комнатах. «Куда все подевались? — думал я. — Еще пяти нет. Война, что ли?» Двери некоторых кабинетов стояли открыты, но и там не было никого. «Что-то случилось, пока я спал», — решил я.

В приемной у босса я тоже никого не встретил. Ни секретарши, ни посетителей, ни уборщицы — никого.

— Воробьев? — донеслось из открытой двери кабинета. — Это вы?

— Я.

— Проходите сюда. Я вас давно жду.

Когда я вошел, он поднял голову от бумаг и устало откинулся на спинку кресла.

— Здравствуйте, Михаил.

— Здравствуйте... — начал я, но вдруг с ужасом понял, что не помню его имени-отчества.

— Павел Петрович, — усмехнулся он.

— Да, конечно, Павел Петрович. Здравствуйте, Павел Петрович.

— Садитесь вот здесь. Впрочем... хотите выпить?

Нельзя сказать, чтобы меня это совсем не удивило.

— Да я как бы... недавно проснулся...

— Я знаю, — улыбнулся он. — С утра не пьете?

— Какое уж тут утро...

— Тем не менее? — он вопросительно посмотрел на меня.

— А сока у вас нет?

— Минеральная.

— Хорошо, — сказал я.

Он кивнул мне на кожаный диван у стены, а сам открыл небольшой шкафчик.

— А я все-таки выпью чего-нибудь, — сказал он, вынимая бутылку виски. — Уверены, что не хотите?

Я помотал головой.

— Как хотите. Настоящий шотландский. У меня в Глазго есть один друг — продает мне элитные сорта. Дороговато, но я могу себе позволить.

— Хорошо, — сказал я сильным голосом.

— Что, простите?

Я откашлялся и повторил:

— Хорошо, налейте чуть-чуть.

— И минералки? — он улыбнулся.

— Чуть-чуть, — снова сказал я.

После того как мы выпили, он вынул сигареты и бросил их на диван.

— Ну как? — спросил он.

— Да-а, — протянул я.

— Вообще, конечно, виски надо пить в Шотландии. В уютном пабе с камином и за большим деревянным столом.

Я представил себе эту картину. В голове у меня зашумело.

— Классно.

— Что классно? — спросил он.

— Уже добежало.

— А что я вам говорил? Это не виски, а реактивный двигатель. Можно заливать в бак, и выиграешь любые гонки. «Формула-1», а не виски. Еще по одной?

— Давайте.

Теперь, я чувствовал, мне стало гораздо легче. Я совсем не ожидал, что босс окажется таким приятным человеком.

— Ну как? — снова спросил он, когда я проглотил вторую рюмку.

— Значительно лучше.

— Добежало?

— Давным-давно.

Он затянулся сигаретой поглубже, и на его лице появилась мечтательная улыбка.

— А мы в студенческие годы говорили «торкнуло».

— Сейчас тоже можно так говорить.

— А как еще?

— Еще? — я на секунду задумался. — Можно сказать: «Вставило».

— А еще?

— «Забрало».

— А еще?

— «Плющит».

— «Плющит» как-то тяжеловато, — поморщился он. — «Торкнуло» все-таки лучше.

— Вообще-то «плющит» говорят, когда анашу курят.

— Понятно, — протянул он, и лицо его стало задумчивым.

Мы замолчали.

— Еще по одной? — спросил он через минуту.

Я протянул ему свою рюмку.

— А почему на работе нет никого? — наконец спросил я о том, что меня встревожило в самом начале. — Еще ведь не поздно.

Вместо ответа он удивленно посмотрел на меня, залпом выпил свой виски и слегка задержал дыхание.

— Сегодня же воскресенье, — еле слышно произнес он на выдохе.

— Воскресенье? — повторил я.

— Ну да. А вчера была суббота. Тоже здесь не было никого.

Я понял, что потерялся во времени, и от этой мысли мне вдруг стало ужасно смешно. Я еле удерживался, чтобы не расхохотаться. Надо же, воскресенье! Рюмка у меня в руке дрожала как с большого похмелья.

— Пейте скорей, — сказал он. — А то сейчас прольете. Чего это вы развеселились? Даже лицо покраснело.

— Я не знал, какой сегодня день недели, — давясь от смеха, еле проговорил я.

— Так бывает. Я однажды забыл какой месяц... Пейте, а то весь диван мне зальете. Нормально?

— Да, спасибо, — сказал я, проглотив виски и вытирая слезы тыльной стороной руки. — Ужасно стало смешно.

— А куда вы ездили с Сергеем все эти дни? — неожиданно спросил он.

Я мгновенно насторожился, поняв, что наступает самое главное.

— Особенно никуда. Так... познакомил его кое с кем... Была одна красивая женщина... Вчера всю ночь просидели с моими друзьями...

— Как у него дела?

— Сергей — молодец... Кажется, понимает уже, что к чему.

— Как он отреагировал?

— Да нормально... Хорошо отреагировал... Как он еще мог отреагировать?.. Нормальный пацан...

— У него кто-нибудь есть?

Я понял, что папа спрашивает про Марину. Не то чтобы конкретно про нее, но, в принципе, про Марину. Откуда-то он про нее узнал. Я подумал: «Интересно, а сколько он вообще знает?» Ведь это могла быть ловушка. Он мог просто-напросто меня проверять. Для этого, может быть, и раскрутился на свою выпивку?

— Да нет вроде бы, — сказал я, решив сыграть вслепую. — Я ничего не заметил. Мы знакомы-то всего три дня.

— Ну, хорошо, хорошо. Ладно, — сказал он. — Ведь вы бы мне не солгали?

Он так внимательно посмотрел мне в глаза, что я чуть не отвернулся.

— Видите ли, в чем тут проблема, — продолжил он после небольшого молчания. — На самом-то деле меня очень волнуют все эти семейные дела.

Он глубоко вздохнул.

— Еще сигарету?

— Да, спасибо, — ответил я.

— Пока молодой, на это внимания особенного не обращаешь. А потом становится поздно. Поздно в том смысле, что уже ничего изменить нельзя. Прошлое ведь не изменишь. Вы понимаете? Его нельзя изменить.

— Понимаю, — сказал я. — Прошлое не изменишь.

— Это вы пока умом понимаете. А когда сердцем начнете понимать, то все уже в прошлом. Все, что хочется изменить. Это какой-то непонятный парадокс. Все на свете можно изменить, но только не то, что ты уже сам сделал. Никакие деньги, никакие связи не помогают. Полный тупик. Дорога назад отрезана.

— Да, — сказал я, понятия не имея, что бы еще такого сказать.

Он замолчал, и мы сидели так, наверное, целый час.

— Лет двадцать пять назад, когда я учился в институте, со мной произошла одна странная вещь. Мелочь, казалось бы, но я никак не могу ее позабыть. Живу с ней, как с неудобным соседом. Хотелось бы от нее избавиться, да вот все никак! Ничего, впрочем, серьезного... Так, семейный случай.

Он замолчал на мгновение.

— У меня мама жила тогда в Сибири, и вот как-то собралась на юг. Им тогда оплачивали проезд, тем, кто работал на железной дороге. Им самим и одному члену семьи. Мама взяла мою сестренку, она тогда в первом классе училась, и поехала на юг. Решила позагорать, отдохнуть немного. А пересадку они делали в Москве. У них здесь было часа два между поездами. Мы созвонились и договорились встретиться на вокзале. Я обещал показать им город, про свои дела рассказать. Мы тогда уже года два или три не виделись. В общем, это был хороший случай. Лето, тепло...

Он опять замолчал.

— Я их едва не пропустил. Все уже вышли из вагонов, и перрон почти опустел, и только потом я их заметил. Мама стояла с чемоданом чуть в стороне и держала мою сестру за руку. Наташка ела мороженое, а мама растерянно оборачивалась во все стороны. Она испугалась, что я не приду, а одной в Москве ей было страшно. Я в первую минуту даже не знал, как к ней подойти. Неловко как-то было.

Он затанулся сигаретой.

— Странно, как это не находишь верных слов для тех, кого любишь.

Я тихонько поставил рюмку на маленький столик возле дивана.

— В общем, мы переехали на другой вокзал, гуляли по площади, сидели в кафе, но я все никак не мог сказать того, что было у меня на сердце. Словно какой-то замок мне повесили. А она все смотрела на меня такими глазами, что мне казалось, я вот-вот умру. Чем дольше длилась эта мука, тем больше я понимал свое бессилие. Ломался как дурак, говорил какие-то плоские вещи и с каждой минутой острее чувствовал, что все — я больше не вынесу. До этого я даже представить себе не мог, как может быть тяжело рядом с человеком, которого так любишь. Не знаю, что тогда на меня нашло. В общем, я не дождался отправления их поезда. Объявили посадку, и я ушел. Наврал что-то насчет экзамена и просто-напросто сбежал.

Он прикурил вторую сигарету от первой. Я сидел молча.

— А потом, когда я уже спустился в метро, у меня вдруг в сердце как будто что-то оборвалось. Я вдруг подумал: «Это же моя мама!», и мне так стало стыдно, что я чуть не завыл на всю станцию. Я выскочил из вагона и побежал наверх. Поезд уже должен был отправляться. Я бежал вдоль него и молился, чтобы его задержали. У них вагон был в самом дальнем конце. Когда я заскочил в него, проводница уже никого не впускала. Я протиснулся мимо нее и побежал по коридору, заглядывая в каждое купе. Где-то в середине я их нашел. Какие-то люди заталкивали чемоданы на верхние полки, Наташка прыгала у окна, а моя мама сидела около самой двери и плакала. Никто на ее слезы внимания не обращал. Человек уезжает — мало ли...

Он смолк. Я поднял голову, и мне показалось, что у него самого в глазах... Точно, конечно, я не могу сказать, но мне так показалось. Хотя, скорее всего, я ошибся.

— Короче, все эти семейные дела, — наконец заговорил он, — сплошная мука. Теперь это все повторяется с Сергеем... Мне очень хочется... В общем, я не хочу потерять его. Надеюсь, вы мне поможете. Ведь вы бы точно не стали мне лгать? — Он снова посмотрел мне прямо в глаза.

— Конечно, — сказал я. — Конечно, я врать не буду. Какой смысл?

Домой пришлось возвращаться на метро. Естественно, эти жлобы на своем БМВ не стали меня дожидаться. Я ехал в пустом вагоне и смотрел на черное стекло прямо перед собой, в котором маячила только одна физиономия. Волосы торчат дыбом, белое лицо, черные провалы вместо глаз. Тень отца Гамлета. Причем покачивается, когда вагон трясет.

Я сидел и думал о том, что со мной случилось за эти последние три дня. В голове у меня все так перепуталось, что я соображал уже с очень большим трудом. Все эти отцы, деньги, пьянки и проститутки вертелись у меня перед глазами, и я никак не мог уловить в этой толкотне чего-то самого важного. То я начинал думать, что надо вернуть долги родственникам и друзьям, а то вдруг вспоминал сумасшедшего дембеля, или внезапно откуда-то выплывала дамочка со скамейки из Александровского сада, а следом за ней Сережин папаша со своими жлобами. Зачем он все это мне рассказал?

Я закрывал глаза и тряс головой, стараясь избавиться от этих назойливых мыслей, но они возвращались, лезли в мой череп, сплетались друг с другом и завершались всегда одним и тем же. Каждый раз из-за всей этой толкотни, совсем неизвестно почему, выплывало лицо Марины. Оно улыбалось мне глазами и хитро подмигивало. В принципе, ничего странного в этом, наверное, не было. Вот только я почему-то чувствовал, что мне это нравится.

В следующие две недели ничего нового не произошло. Мы продолжали ездить в Кузьминки, а я врал своему боссу насчет познавательных экскурсий по значным местам столицы. Всякий раз, когда мы приезжали к Марине, ее папаша снова убегал за сигаретами, а я играл с Мишей на кухне. Правда, бывали моменты, когда малыш не просыпался от того, что происходило в соседней комнате, и тогда я подкарауливал ее на пути в ванную и улыбался, а она улыбалась мне в ответ. Поправляла в полутьме волосы и улыбалась. Похоже, ей нравил-

ся этот наш небольшой секрет. Потом выползал юноша, возвращался с сигаретами заботливый папа, мы пили чай и уезжали. Все было просто чудесно.

Но вдруг этой сказке пришел конец.

* * *

Началось, впрочем, вроде бы ни с чего. Пустяк, сушая безделица. Я, как всегда, заехал за этим Сережей в десять утра, а он, как всегда, при моем появлении выключил компьютер.

— Ты спать-то ложишься хоть иногда? Или опять всю ночь просидел в своем Интернете?

— Я спал, — сказал он.

— На каком сайте?

— Правда, спал. Я только полчаса назад загрузился. Болтал с одним пацаном из Штатов.

— Чего говорит?

— Погода, говорит, отличная.

— Это где?

— Во Флориде.

— Купаются уже, небось?

— Легко. Там круглый год лето.

— А у нас дубак, — сказал я, падая в огромное кожаное кресло. — Заморозки ночью пришли. Даже лужи везде замерзли. Кончилась весна.

— Вот, блин! — чертыхнулся мой Сережа.

— Ты чего?

— Обещал Марине свозить ее кое-куда. Вместе с маленьким Мишкой.

— В другой раз съездим, — лениво протянул я в ответ. — Делов-то!

— Да я и так уже раза три откладывал. Сегодня пообещал сто процентов.

— Пообещай в четвертый раз. Главное, что ты не отказываешь. Скажем, что у меня нет времени. Машина-то, типа, моя. Ты у нас из Калуги!

Я засмеялся, но он продолжал стоять посреди комнаты с хмурым лицом.

— Ты чего, Серега? Да фиг с ним, с морозом! Поехали, если так. Куда собрались-то?

— Я сам все равно не смогу.

— А почему не сможешь?

— Отец только что позвонил. Говорит, чтобы ты меня к нему привез в офис.

— Значит, не поедем сегодня «чик-чик». Надолго?

— Говорит, на весь день. Он хочет, чтобы я сидел на его переговорах с итальянцами. Достал уже!

Он резко швырнул в стену теннисный мяч. Я еле увернулся, когда тот отскочил обратно.

— Блин! — заорал он изо всех сил.

Я раньше и не видел, чтобы он так заводился.

— Он достал меня! Что он ко мне лезет?!

Я молча сидел и смотрел на этого юношу. «Мне бы его проблемы», — мелькнуло у меня в голове.

— Ну давай я ее без тебя отвезу. Скажу, что ты заболел, а у меня как раз день свободный. Куда ехать-то?

Он неожиданно взял себя в руки. Сел в кресло напротив, зажал руки между колен и через минуту был уже в полном порядке.

«Папина школа, — отметил я про себя. — Далеко мальчик пойдет. Перебесится и пойдет, куда надо».

— Заберешь ее из института в двенадцать часов, а потом отвезешь в Лыткарино — она там на лошадях катается.

— Лыткарино? А где это?

— За Люберцами. Первый поворот направо. Там, кажется, написано «Чкалово» на указателе.

— Прикол! Ты-то откуда знаешь?

— Знаю! Ездил с ней на автобусе. Как-то еще один раз удалось удрать от охраны. На целый день. Больше уже не удавалось. Из Кузьминок идет триста сорок восьмой, и еще маршрутка. На автобусе — полчаса, на маршрутке — минут двадцать.

— Уау, — протянул я. — Впечатляет! Мы уже, оказывается, знакомы с жизнью народа. Прикинь, что любовь с людьми делает. Тебя скоро и вправду от нормального человека нельзя будет отличить!

— Перестань, — поморщился Сергей. — Не забудь, в двенадцать у нее кончается зачет по танцу. — Он на мгно-

вение задумался. — Как думаешь, что лучше надеть для переговоров?

* * *

Приехав в театральный институт, я немного растерялся. Полутемное фойе, обклеенное афишами, было до отказа забито народом. Меня со всех сторон толкали, мяли, тянули и стучали. Поплыв по течению вместе с толпой, я очутился где-то в подвале. Вскоре выяснилось, что это буфет. Выбравшись оттуда, на лестнице между первым и вторым этажом я нашел расписание. Разобраться в нем самому оказалось просто невозможно. Какая-то добрая девушка объяснила мне, где находится танцкласс. У девушки были в джинсах такие ноги, что я даже чуть-чуть растерялся. Приглядевшись, я понял, что тут почти у всех такие ноги. Это место начинало мне нравиться. Правда, вели они себя как заполошные. И гомосеков было хоть отбавляй.

В танцклассе их тоже оказалось полно. Ходили вдоль стен, делали ручки и отставляли попы. Народу, вообще, тусовалось порядочно. Какие-то пузатые дядьки с бородами и в пиджаках кричали друг на друга, размахивая руками. У входа, куда я втиснулся через обшарпанную дверь, столпилось человек двадцать. Половина из них держали видеокамеры. Впрочем, там было что снимать.

Я, наверное, приехал слишком рано, и зачет у них еще не закончился. Видимо, это был перерыв. Так вот, в дальнем углу, там где было больше всего зеркал, как раз и тусовались все эти девчонки. Одни стояли с прямыми спинками, другие раздвинули ножки и уселись прямо на полу, третьи подняли ножки на эти перила и гнулись так, что дух захватывало. Некоторые, как лошадки, просто стояли на месте и переступали с ноги на ногу. На всех были одинаковые черные купальники, какие-то тапочки и ленты вокруг головы. «Ну что же, — подумал я. — Выходит, не зря приехал».

Один из бородатых мужиков кинулся к ним и начал что-то объяснять. По ходу он так увлекся, что начал лапать одну за другой. Сначала вроде бы незаметно, а потом уже в полный

рост. Девчонки хихикали, но терпели. Наверное, это был какой-нибудь танцевальный босс. А может, им это нравилось. Так или иначе, он точно был опытный козел.

— Так, все приготовились! — закричал вдруг один из голубых. — Начинаем!

Откуда-то вынырнула старушка в мужском костюме. Погасив сигарету, она уселась перед роялем. Девчонки вспорхнули с места, и в этот момент я увидел Марину.

Она стояла, как лапочка, во втором ряду и, сморщив лоб, смотрела прямо на меня. Я улыбнулся, поднимая руку, но в этот момент заиграла музыка.

«Интересно, как это человек может быть до такой степени не похож на самого себя, — думал я, глядя как она танцует. — Вот ведь всего-то — одень купальник, убери волосы — и совсем другая Марина! Такая новая, строгая и чужая. Откуда только что взялось? И главное, как хорошо она танцует».

Я вдруг поймал себя на ощущении, что мне не нравится присутствие всей этой толпы зрителей. Переступив с ноги на ногу, я будто нечаянно толкнул стоявшего слева пацана с камерой.

— Осторожней! — зашипел он.

— Простите, пожалуйста. Я случайно.

— Я ведь снимаю!

— Конечно, конечно, — прошептал я и снова наступил ему на ногу.

Пока мы так перешептывались, старушка закончила играть. Все оживились. Бородатый опять бросился к девчонкам, а я воспользовался неразберихой и нашел себе местечко на скамейке возле стены. Едва я присел, решив подождать, пока все закончится, как из этой толкотни вынырнула Марина.

— А где Сергей? — спросила она, склоняясь ко мне и хмурия брови.

От нее повеяло таким теплом, что я задержал дыхание. На лбу у нее блестели капли пота.

— Где он?

— Он... заболел... — медленно сказал я, обалдев от ее запаха.

— Заболел?

Она прикусила нижнюю губу и сморщила лоб.

— Не расстраивайся... — начал я, но она резко выпрямилась и исчезла в толпе.

— ...на фига он нам вообще нужен? — договорил я в пустоту.

Правда, это был скорее риторический вопрос. Несчастный Сережа явно нужен был нам обоим.

* * *

В машине она еще некоторое время хмурилась, о чем-то думая и постукивая ботинками в пол. Наконец встряхнула головой и посмотрела на меня:

— Тебе хоть понравилось?

— Да я поздно приехал. Не видел почти ничего.

— А то, что видел?

— То, что видел, понравилось. Только голубых многовато.

— Они не все голубые. Некоторые просто так выглядят.

— Да? А зачем?

— Ну, не знаю. Сейчас модно. У нас в институте некоторые мальчишки специально прикидываются.

— Педерастами?

— Да. А чего ты удивляешься? Сейчас модно. Элтон Джон — голубой, Джордж Майкл — голубой, Киану Ривз — тоже. Рикки Мартин. У них там сейчас все голубые. Поэтому у нас тоже считается круто.

— Нет уж, спасибо, — сказал я, выворачивая руль до отказа.

На дорогах был такой гололед, что машину то и дело бросало в стороны. Хорошо хоть, у меня все колеса были ведущие.

— А что с ним все-таки приключилось? — спросила она.

— С кем? — я как-то не сразу врубился.

— С Сергеем. Почему он не пришел?

— Он... — Я понял, что она застала меня врасплох. — Он... плохо себя почувствовал... Сегодня утром... Я заехал, а он лежит.

— А где он живет?

— Где живет? Ну, как тебе сказать...

Мне даже пришлось сбавить скорость.

— А ты разве сама не знаешь?

— Нет! — она с вызовом посмотрела мне в лицо.

Хорошо, что мне надо было смотреть на дорогу.

— Он меня к себе ни разу не приглашал.

В ее голосе звучало явное возмущение.

— Да там ничего интересного нет, — пробормотал я, усиленно переключая скорости. — Так, снимает квартиру с мамой... Однокомнатную... Без ванны... и без туалета...

— И без воды? — зло добавила она.

— Да, кажется, воды тоже часто не бывает... Отключают...

— Ну надо же, какой бедненький!

Она засмеялась, откинув голову, а я не знал, что и подумать. Похоже, на этот раз пронесло. Или нет?

Она тем временем перестала смеяться, потерла пальцем стекло и вдруг очень серьезно сказала:

— Ты ведь не врешь мне, Миша?

Я чуть не потерял управление. Машину повело боком, и мне пришлось газануть, чтобы не удариться о высокий бордюр.

— Конечно, я тебе не вру. С чего ты взяла?

Она ничего не ответила. Просто отвернулась к окну.

* * *

Когда подъехали к ее дому, она вышла из машины, ничего не сказав. Даже не кивнула, как будто меня и на свете не было. Хлопнула дверцей и вошла в подъезд. Я даже засомневался — надо ли ее ждать. Может, она решила вообще никуда не ездить.

Тем более неожиданной оказалась в ней та перемена, которая случилась, пока я сидел как дурак в машине и не знал, то ли домой поехать, то ли еще подождать. Ее не было минут двадцать, но для нормального человека столько времени явно не хватит, чтобы настроение поменялось так сильно. Она даже напевала, когда подходила к машине. А возле самого джипа остановилась, присела на корточки перед маленьким Мишкой, поправила ему шапочку, что-то шепнула и сама же рассмея-

лась во весь голос. Я слышал, что Мишка пытался ее перекричать, но смех у нее был слишком звонкий.

— Принимай хомяка, — еще задыхаясь от смеха, сказала она мне, открывая заднюю дверцу.

— Привет, Михаил! — сказал я.

— Привет, — сердито буркнул тот, заползая в машину.

— Ты должен называть дядю Мишу на «вы», — сказала ему Марина.

— Сама называй, — огрызнулся малыш.

— Какой ты противный!

Она захлопнула дверцу и пошла вокруг машины. В зеркало я видел маленького Мишку, который сердито скрестил на груди ручки и нахмурил лицо. У Марины в институте, я вспомнил, было точно такое же.

— Чего ты надулся, Михаил? — спросил я.

В этот момент Марина постучала пальцем по стеклу с моей стороны.

— Открой-ка, пожалуйста.

Я открыл дверцу, а она отступила на шаг назад и распахнула куртку.

— Посмотри, у меня вот тут на свитере было пятно. Сильно заметно? Я так-то вроде бы отстирала.

Она поворачивалась передо мной из стороны в сторону в своем абсолютно белоснежном свитере, который так плотно обхватывал ее тело, что я едва удержался как бы не протянуть руку и не потрогать эту упругую белизну.

— Ну что? Что-нибудь видишь?

Она продолжала вертеться, все выше поднимая куртку и открывая обтянутый джинсами зад. Передо мной вращалась попа такой красоты, что я слова не мог сказать.

— Ну что ты молчишь? Там есть что-нибудь? Мне ведь самой не видно.

Я вдруг подумал, что, может, она играет со мной. Если так, то это были опасные игры.

— Миша, проснись!

— Нет, — наконец сказал я. — Никакого пятна не видно.

— Отлично, — улыбнулась она. — Надо же, как хорошо отстиралось.

Когда она села рядом со мной, я ощутил запах духов, которыми она раньше не пользовалась. Во всяком случае, при Серее от нее всегда пахло иначе.

* * *

Поплутав немного в окрестностях этого Лыткарино, мы наконец нашли нужную дорогу, и дело вроде бы пошло на лад. До лошадей, по словам Марины, оставалось минут десять — пятнадцать. Она почти всю дорогу молчала и время от времени чему-то загадочно улыбалась. Мишка на заднем сиденье уснул. Завалился в угол к окну и теперь громко сопел. Вскоре мы подъехали к очень крутому подъему. Я притормозил.

— Чего ты остановился? — спросила Марина, очнувшись от своих грез.

— Я здесь не заберусь. Дорога подмерзла. Сплошной лед. Есть тут какой-нибудь объезд?

— Да нет, кажется. Только прямо. Здесь вокруг одни деревья.

— Сам вижу. Ладно, попробуем.

Я сдал назад и, разогнавшись, заскочил до середины горы. Потом мы плавно соскользнули обратно.

— Как на коньках! — чертыхнулся я.

— Давай еще раз.

Я снова попробовал, но опять безрезультатно.

— Придется возвращаться, — сказал я.

В это время проснулся маленький Мишка.

— Попробуй скажи это ему, — усмехнулась она.

— В смысле?

— Он сейчас такой скандал устроит, что мы сами эту машину затолкаем наверх.

— Такой крутой?

— Ты даже не представляешь.

— Миша, — протянул я вкрадчивым голосом. — Хочешь в Макдоналдс?

— А когда на лошадаках пойдем кататься? — сонным голосом сказал малыш.

— Хорошо, — сказал я Марине. — Тогда пойдем пешком. Сколько еще осталось?

— Да, вообще-то, далековато. Полчаса, может быть. Или больше.

— Но зато по лесу. Никогда не был так рано весной в лесу. Она посмотрела на малыша и нерешительно пожала плечами:

— Ну, ладно, пошли. Только он устанет.

— Он же сам хотел кататься на лошадях. Правда, Михаил?

— Да! — закричал малыш и запрыгал на сидении.

* * *

— Надо же, как холодно, — сказала Марина, когда мы все выбрались из джипа.

— Если быстро пойдем, то согреемся.

— Мы быстро не сможем. Мишка медленно ходит.

— Если что, я его на руках понесу.

— Вот так, да? Любим носить детей на руках?

Я даже немного растерялся от ее слов.

— Ну... не знаю... Я так просто сказал...

— Короче, пошли, — махнула она рукой. — А то мы тут совсем замерзнем.

Я, в самом деле, раньше не был весной в лесу. Только летом, на шашлыки с друзьями. Сейчас здесь все было как-то не так.

— Ты чувствуешь, какой воздух? — сказала Марина, взяв меня под руку и заглядывая мне в лицо.

Я молчал. Гораздо сильнее я чувствовал, как она ко мне прижимается.

— Смотри, вон там уже трава зеленеет.

— Ага, — сказал я, принаравливаясь к ее шагу.

Маленький Мишка тем временем убежал далеко вперед.

— Надо было надеть шапку, — сказала она, встряхнув головой. — Уши замерзли.

От ее волос исходил такой чудесный запах, что у меня то ли от него, то ли от свежего воздуха закружилась голова.

Через полчаса мы действительно были на месте. Марина с ясным лицом и сияющими глазами подвела меня к какому-то одноэтажному бараку, наверное, в сто метров длиной. Мишка был уже там и с хитрым выражением на лице выглядывал из окошка.

— Пойдем, я тебя с ними познакомлю.

Внутри оказалась небольшая комната, в которой за столом сидели две молодые женщины. Они приветливо поздоровались. Марина вынула из своей сумки большой пакет.

— Вот. То, что заказывали. Правда, маленьких уже не было. Пришлось взять две больших.

— Спасибо тебе. Садитесь вот сюда. Кофе только что сварили.

Это были волшебные слова. Ничего приятнее я в своей жизни не слышал. Так как ни перчаток, ни шарфа я уже недели две не носил, то после этой прогулки в морозном лесу отгреть меня мог только горячий кофе.

Над огромным кофейником посреди стола поднимался густой пар. Чашка, которую мне вручили, источала такой аромат, что голова моя опять закружилась.

«Заболею, на хрен, менингитом, — подумал я. — Какой тогда будет смысл во всех этих деньгах?»

Марина с красными щеками держала свою чашку возле лица и поглядывала на меня из-за ее края.

«Надо же, как ей идет вся эта ерунда. — продолжал я размышлять. — Свитерочки, мороз, джинсы в обтяжку. Щеки от холода горят. Просто взял бы да съел, как волк Красную Шапочку — бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие глазки? От удивления, внученька, от удивления. А зубки тогда тебе на фига такие?»

Сегодня она была особенно хороша. И видимо, она это знала. Сидела, улыбаясь, хитренько на меня поглядывала.

— Ну что, Михаил, — наконец обратилась она ко мне. — Поедем на конях кататься? Или ты не умеешь?

В ее голосе звучал явный вызов.

— Да, конечно, не умеет, — отозвалась одна из хозяек. — Откуда ему, городскому, уметь-то?

— Городские некоторые хорошо ездют, — подала голос вторая.

— Ну почему, не умею... — с изумлением услышал я свой собственный голос.

— Тогда седлайте ему Рыжика, — весело сказала Марина, поднимаясь из-за стола. — Я на белой поеду. А маленький пусть катается во дворе на своей тележке.

— Я с вами хочу! — закричал Мишка.
 — Будешь орать, сразу — домой! Понял?
 Я отметил, что она умела говорить решительным тоном.

* * *

Через десять минут я оказался один на один с коричневым гигантом, который явно возненавидел меня, как только его вывели из теплой конюшни. «Это, наверное, гибрид со слоном», — грустно подумал я. В голове у меня зашевелились нехорошие предчувствия.

Марина тем временем легко взлетела на симпатичную белую лошадку, сделала несколько кругов вокруг меня и весело крикнула:

— Смотри, как она красиво несет голову!

Я оторвался от созерцания своего коричневого чудовища.

Честно говоря, мне больше нравилась всадница. Впрочем, лошадь тоже была ничего. Насколько я в этом разбираюсь.

— Ну, что ты? Давай садись, — снова крикнула Марина. — Ему нельзя долго стоять на морозе. Он должен двигаться.

Из ее слов я заключил, что в нашем дуэте ключевым звеном был конь. Обо мне тут не беспокоились.

Я задрал левую ногу едва не выше своей головы, вставил ее в стремя и, ухватившись за седло, полез на эту громадину. Конь тревожно переступил с ноги на ногу и обернулся, наверное, чтобы посмотреть, что это такое по нему ползет. Поняв, что это всего лишь я, он сильно завернул голову и щелкнул зубами у самого моего колена. «Кусается, блядь, — тоскливо подумал я. — В собачьем питомнике вырос, что ли?»

— Сел? — сказала Марина, подъезжая ко мне. — Ну, тогда поехали. Здесь такие красивые места! У тебя дух захватит.

Я хотел сказать, что ужехватило, но она, развернув лошадь, быстро умчалась по дороге в лес. Я дернул поводья, и мой гигант не спеша тронулся следом за нею. Судя по его шагу, он хотел показать мне, что делает огромное одолжение. На мои манипуляции с поводьями он явно чихал с высокой башни. Просто он шел туда, куда убежала его лошадка. Фиг его знает, может, у них тут была любовь.

Я сидел на самом верху этого чудовища и озирался в поисках Марины. Даже стука копыт нигде не было слышно. «Вот ускакала! — подумал я. — Носится как угорелая».

Неожиданно этот Рыжик перешел на рысь. Меня начало трясти как мешок с картошкой, и, чтобы не упасть, я ухватился за выступ седла. Через минуту этой утрамбовки мне пришло в голову, что я теперь буду заикаться всю свою жизнь и подпрыгивать при ходьбе, а если к тому же свалюсь сейчас с такой высоты, то навсегда останусь хромым калекой. «Долбаный Сережа! — мелькнуло у меня в голове. — Сам бы приезжал сюда и подпрыгивал! Ой, блин, как жопу больно!»

Из-за того что увеличилась скорость, стало заметно холодной. Перчаток-то у меня не было. Откуда-то вдруг подул ветер, и через пять минут мои руки, которыми я цеплялся за седло, покраснели и скрючились, как паучьи лапки. «Хрен теперь отцеплюсь, — тоскливо подумал я. — Ну надо же было в такую херню подписаться! Аристократ долбаный! Интересно, куда эта зверюга бежит?»

После того как я проклял всех любителей верховой езды, из-за деревьев показалась Марина. Вихрем промчавшись нам навстречу, она развернулась у нас за спиной, и через секунду ее смеющийся рот вынырнул откуда-то сзади возле самого моего лица. Я лично поворачивать головой уже не мог. Конь этот мой сразу остановился. Только этого, наверное, и ждал, скотина.

— Ну, ты где? — закричала она. — Я уже вокруг озера обскакала!

От ее лошадки поднимался пар. Она сама говорила задыхаясь. Волосы разлетелись. Лицо горело от счастья.

— Ты как? — спросила она, уловив очевидно что-то в моих глазах.

Ее лошади явно не стоялось на одном месте.

— Если хочешь, поедем обратно. Скоро уже стемнеет. Стоять!

Она укоротила поводья своей танцующей кобылки. Та крутнулась вокруг себя и встала на дыбы.

— Да нет, — сказал я. — Когда еще выпадет такая возможность?

— Тогда давай наперегонки!

— Наперегонки?!!

— Галопом!

— Галопом?!!

Я понял, что надо было соглашаться, когда она предлагала вернуться назад. Теперь было уже поздно. Впереди меня ждала трагическая смерть.

— Когда он перейдет на широкий шаг, — говорила она тем временем, — ты должен привстать на стременах и ни в коем случае не садиться.

— Не садиться, — повторил я.

— Иначе ты сломаешь ему спину.

— Ему. — Мой голос звучал как эхо.

— Ты должен все время стоять на полусогнутых коленях, позволяя ему свободно двигаться у тебя между ног.

— Между ног.

— Ты будешь как будто висеть над ним. Но помни, что скорость очень большая.

— Какая?

Она на секунду задумалась.

— Километров сорок — пятьдесят.

«Будет больно», — мелькнуло у меня в голове.

— И как только он перейдет в галоп, — продолжала она, — начинай делать движения тазом.

— Какие? — поинтересовался я.

— Как какие? — она неожиданно смутилась. — Тазом. Я тебе говорю — движения тазом.

— Вот так? — я привстал и повилял задницей из стороны в сторону.

— Да нет! — разозлилась она и показала. — Вот так!

— Какие интересные движения, — протянул я.

Надо же, у меня еще оставался юмор в этой ситуации. Впрочем, движения и в самом деле были замечательные.

— Ты понял или нет?!!

— Я все понял. А скажи... Я где-то читал, что женщинам нравится верховая езда потому что... ну, это... вроде как секс?

— Ну и что?

— Так это правда?

Она подъехала вплотную ко мне и улыбнулась:

— Правда.

— А скажи... — начал я.

— Догоняй!

Она рывком развернула лошадь и с места умчалась прочь.

— Подожди! А за что тут держаться?!!

Впрочем, я запоздал с этим вопросом. Подо мной вдруг ожил вулкан.

Огромными прыжками это чудовище бросилось за Мариной, а я начал взлетать в воздух, как воздушный шарик, размахивая руками и пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь. Мои инстинкты искали руль, но кроме небольшого выступа на передней части седла они находили лишь пустоту. Я в полном смысле слова летел. Парил над землей как беркут. Скромный, испуганный до смерти беркут, который машет руками и беззвучно разевает рот.

Наконец я уцепился за гриву. Ощущение было такое, как будто схватил кого-то за волосы. Мне даже стало на мгновение неловко. Однако я тут же вспомнил, как эта зверюга обошлась со мной, и впился ему в загривок как клещ. Ему это, видимо, не очень понравилось, поэтому он прибавил ход. Седло стало колотить мою задранную вверх задницу. «Вот, блин, собака! — подумал я. — Специально меня по жопе бьет!»

Впрочем, я не сдавался. Движения, которые показала Марина, в самом деле, оказались тут к месту. Очень скоро я почти приноровился и довольно сносно начал двигать задницей взад и вперед. Хотя на секс это точно не было похоже ни капельки. Проще было бы трахать работающий экскаватор, чем ерзать по этому зверю на таком ходу.

«Убьюсь! — думал я, пытаюсь разобраться, куда мы несемся. — Точно, на хрен, убьюсь!»

О том, чтобы управлять этим монстром, не могло быть и речи. Он мчался туда, куда считал нужным. Сегодня был его праздник.

Очевидно поняв, что так легко от меня не избавиться, он вдруг прижался к линии леса, которая с бешеной скоростью улетала назад слева от нас. Неразделимая стена деревьев нависла над моей головой темной массой. Самые длинные ветки начали хлестать меня по лицу. «Вот сука!» — чертыхнулся я,

выплывавая изо рта прошлогодние листья. Некоторое время мне еще удавалось уворачиваться от крупных веток, но конь оказался хитрее.

Я увидел этот огромный сук одновременно с ним. В принципе, если бы я мог рулить, все было бы нормально. Но главным тут был не я. Заметно прибавив ходу, он еще сильнее прижался к деревьям, и я понял, что сопротивление бесполезно. Единственное, что мне оставалось, — как можно сильнее изогнуться вправо и надеяться, что эта дубина не треснет меня по башке. Собрать после этого было бы уже нечего. Я представил свои мозги, развешенные по деревьям, и в тихом ужасе закрыл глаза. Конь догадался, что жить мне осталось совсем недолго, поэтому наддал еще сильнее.

Удар пришелся в левый бок. Меня как обухом саданули по ребрам, и я взмыл в воздух.

«Лечу! — молнией пронеслось у меня в голове. — Я лечу, мама!»

Это было ужасно долго. Мне казалось, я парил целую вечность.

«Все!» — запищало у меня где-то внутри, и я тяжело рухнул на землю.

* * *

Вокруг была полная тишина. Я открыл глаза, потряс головой, но все равно не услышал ни звука. Ни стука копыт, ни шелеста ветра, ни крика птиц — ничего. Только глухими ударами, как барабан, билось мое сердце. Я лежал без движения, открыв глаза, и видел перед собой какие-то корни, куски замерзшей земли, прошлогоднюю траву, мертвые засохшие ветки. Дышать вдруг стало неимоверно больно. Я закрыл глаза и проглотил слюну. В ушах колоколом било сердце. Меня затошнило. Я застонал и снова открыл глаза. Рядом появились ноги моего Рыжика. Потом подбежали ноги белой лошадки. Спрыгнули Маринины ноги. Потом появилось ее лицо. Лицо было бледное. Огромные черные глаза и белое как снег лицо. Она открыла рот и что-то сказала.

— Я упал, — сказал я, но сам себя не услышал.

Она еще что-то сказала, но я слышал только, как бьется сердце.

Она закричала, а я старался вздохнуть поглубже. Ноги Рыжика и белой лошадки подошли друг к другу. «Вот этого они и хотели, — подумал я. — Надо было дать им побыть вместе».

Марина склонилась ко мне и продолжала что-то кричать. Я видел, как у нее напрягалась шея. На висках выступил пот.

И вдруг я ее услышал.

— Дыши! Дыши! — повторяла она. — Старайся дышать! Ты меня слышишь?

— Я тебя слышу, — ответил я. — Чего ты орешь? Я тебя очень хорошо слышу.

Она на секунду застыла, а потом без сил опустилась на землю рядом со мной. Легла и затихла. Мне показалось, что она плачет.

Я глубоко вздохнул и почувствовал в боку боль.

Марина приподнялась на локте.

— Ты такая красивая, — прошептал я. — Весь день хотел тебе сказать.

— Не болтай. Лучше лежи спокойно.

— Знаешь, я обманул тебя насчет Сергея.

— Я знаю. Лежи, не вставай. Это может быть опасно.

— Как знаешь?!!

— Лежи, я тебе говорю. Знаю, и все. Лежи, не дергайся.

Я хотел еще о чем-то ее спросить, но вдруг позабыл о чем. В ушах у меня зазвенело, перед глазами завертелись яркие точки, и я, наверное, отрубился.

* * *

Когда я открыл глаза, Марина стояла на коленях, склонившись надо мной, и пыталась убрать падавшие ей на лицо волосы. Я понятия не имел, сколько прошло времени и что тут происходило, пока я валялся без сознания. Самое первое, что я увидел, был ее белый свитер. Прямо перед моим лицом.

Больше я уже не мог сдерживаться. Я не виноват, что она так удобно склонилась. Обняв ее, я припал к ее губам, чего она явно не ожидала. Я почувствовал, как она вздрогнула всем телом, однако оттолкнуть меня не решилась.

Она на мгновение замерла, а потом я ощутил, что она мне отвечает. Я подумал, что не зря все это затеял.

— Так ты прикидывался, что потерял сознание? — сказала она, отрываясь от меня и чуть-чуть задыхаясь.

— Попробовала бы сама так полетать. — Я скривился от боли.

— Лежи, не шевелись. Вдруг у тебя сломан позвоночник. Я приподнялся на правом локте:

— Чтоб он сдох, этот твой Рыжик! Пристрелите его. Или отправьте на живодерню.

— Подожди, не вставай! Я лучше кого-нибудь приведу.

— Да пошли они все!.. Вместе со своими конями!

— Не вставай, говорю тебе! Что ты делаешь?!!

Я оперся на дерево и медленно выпрямился во весь рост.

— Миша!

— Тебе за меня страшно? — улыбнулся я и тут же сморщился от резкой боли.

— Где болит? — быстро спросила она.

— Вот здесь, — я показал на свой левый бок.

— А спина или шея?

Я повертел головой:

— Вроде бы нормально. Только вот лоб...

— У тебя там ссадина и еще шишка.

— Большая?

— Ничего себе.

Я тихонько вздохнул, проверяя, не станет ли больно, и потом медленно опустился вдоль дерева на землю.

— Дурак ты, — сказала Марина. — Это, правда, могло быть очень опасно.

— Не опаснее, чем летать с твоего Рыжика.

— Он что, сбросил тебя?

— Нет, я сам с него соскочил. Кстати, ты мне скажи, лошадей едят или нет?

— Не знаю... Я не ем.

— А я теперь, кажется, буду. Интересно, у нас в Москве можно достать жеребятины?

— Перестань. — Она улыбнулась и опять склонилась ко мне. — Не злись. Обошлось ведь, слава богу.

Она снова заправила непослушную прядь за ухо и, встав передо мной на колени, сама поцеловала меня.

— Ого, — сказал я, когда уже все кончилось. — С чего бы это?

— Приз победившему на скачках.

— Ни фигя я не победил.

— Как знать. Не всегда нужно приходиться первым... Ты сам-то сможешь идти? Или я подсажу тебя на кого-нибудь из них? Хочешь, на мою садись.

— Я лучше на четвереньках поползу!

— Не будешь больше на конях ездить? — усмехнулась она.

— Если захочется вдруг покончить с собой, я лучше прыгну с девятиэтажки. Во-первых, быстрее. А во-вторых, наверняка.

— Я слышала, один мужик свалился с двенадцатого этажа и только сломал ногу.

— Может, его тоже потом кто-нибудь целовал.

— А ты что, специально для этого с коня прыгнул?

— Нет, не специально. Но получилось здорово.

— Ладно, пора идти, а то скоро стемнеет, — сказала она. — Обопрись на меня. Как-нибудь дохромаем.

Всю обратную дорогу обе лошади бок о бок шли сзади нас. Когда мы останавливались, чтобы передохнуть, они клали головы на спину друг другу и смотрели на нас коричневыми глазами. Я видел, как в их зрачках отражались деревья и небо, Маринино лицо и моя разбитая физиономия. Им нравилось смотреть на нас. Когда мы целовались, они одобрительно всхрапывали и трясли гривами.

* * *

Я проснулся от яркого света, который лился мне прямо в лицо. Открыв глаза, я чуть не ослеп. Передо мной что-то искрилось, переливалось и слепило меня такими потоками света, что у меня на глаза навернулись слезы. Прищурившись, как только мог, и закрыв глаза рукой, я разглядел большое зеркало, в котором отражалось солнце. Его лучи падали на срез зеркала, и от этого оно горело всеми цветами радуги, разбрасывая по комнате оранжевые, фиолетовые, синие и зеленые зайчики.

Я некоторое время тупо смотрел на всю эту радость, пока не сообразил, что у меня такого зеркала в доме нет. Есть одно небольшое, но оно в ванной. Я перед ним бреюсь.

Комната тоже, по ходу, была не моя. Я повернул голову и увидел под своим одеялом Марину. Впрочем, одеяло тоже было не мое. Это, вообще, был чужой дом. Я проснулся в чужом доме.

«Так-так, — подумал я. — Угораздило меня в эту постель забраться. Чего я теперь скажу маленькому Сергею? А его папе? Вот, блин, симпровизировал... Но какая она красивая!»

Марина лежала, закинув левую руку под голову, и солнечные зайчики дрожали у нее на груди и на лице. Странно, но они совсем не мешали ей спать. Очевидно, она привыкла. На окнах даже не было штор.

Я понятия не имел, сколько сейчас времени. Наверное, очень рано. Солнце едва взошло. Комната при свете выглядела совсем иначе. От утренних лучей солнца она как будто светила. Стены были выкрашены в мягкий сливочный цвет. Даже ковер на полу был бледно-желтый.

Лежа в этой кровати рядом с Мариной, разглядывая ее комнату, куда я раньше никогда не входил, я чувствовал себя очень странно. Как будто мир вокруг сошел со своего места и тихими шагами перебрался на другое. Не так чтобы очень далеко, но, в принципе, на другое.

«А ему-то здесь нельзя ночевать, — злорадно подумал я. — Папочка не велит. Отругает и поставит в угол».

— Мне нравится солнце, — неожиданно заговорила Марина.

Я вздрогнул и повернулся к ней. Фиг ее знает, сколько времени она уже так на меня смотрела. Я, например, не слышал, как она проснулась.

— Что?

— Я люблю солнце, — повторила она. — Специально жду весну каждый год, чтобы оно меня по утрам будило. А сегодня ты на моем месте лежал.

— Я чуть не ослеп.

— Я всегда ложусь на тот край. Каждое утро как праздник.

— Это когда солнце?

— Да. Только в последние годы оно бывает уже не так часто. В детстве было почти каждый день. Даже такое ощущение, что зимой. Теперь как-то намного меньше.

— А я чуть не ослеп сегодня.

— Надо не торопиться открывать глаза.

— Как это? — спросил я.

— Сначала подставляешь лицо свету, чтобы он проник внутрь головы. Лежишь и ждешь, пока веки станут как бы прозрачными. Потом открываешь узкие щелочки.

Она показала как.

— Потом снова зажимаешься изо всех сил, так чтобы искорки побежали, а после этого...

— Открываешь глаза, — договорил я за нее.

— Нет, залезаешь под одеяло, — рассмеялась Марина.

Мы помолчали немного.

— Как-то у нас странно все с тобой получилось, — сказал я.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Разве? — она пожала плечами. — По-моему, нормально. Ты же сам все время за мной подглядывал.

— Я? Когда я за тобой подглядывал?

— В коридоре. Каждый раз, когда приезжал со своим Сережей.

— Он не мой.

— А чего ты с ним все время таскаешься? Нянька, что ли?

Я молчал.

— Молчишь? Ну ладно... Давай вставать. Скоро отец вернется. У него ночь любви тоже подошла к концу. Вставай! Чего развалился как король?

Я уже хотел встать, как вдруг увидел на ковре свои трусы. Не знаю почему, но мне стало неловко. Не то чтобы я раньше перед женщиной голым никогда не ходил... Так-то вроде ходил... И в общем, не один раз... Но тут как-то не по себе стало. Типа — встану с голым задом, за трусами пойду... Короче, затормозил.

— Ну, ты встаешь или нет? — сказала она и ткнула кулаком прямо в бок.

Больно, блин, ткнула.

Я сказал:

— Чего ты так больно бьешь? Меня туда веткой вчера знаешь как садануло?

— Прости, — ответила она. — Я не хотела. Просто время идет. Мне в институт пора. У тебя, наверное, тоже работа. Ты ведь работаешь где-нибудь? Или все время со своим Сережей болтаешься?

— Он не мой.

— Я уже слышала. Так, где ты работаешь, если не секрет?

— Секрет.

— Дурак ты. У голых мужчин не бывает секретов от голых женщин. Ты встаешь? Скоро маленький Мишка проснется.

— Да-да, — говорю. — Уже встаю. Сейчас вот... только...

А сам лежу как дурак.

— Что только?

— Полежу чуть-чуть...

— Слушай, ты точно больной. Я тебе говорю, вставать надо. Сейчас отец придет.

— Мне нельзя... это... резко вставать... Я должен так чуть-чуть полежать сначала...

— Почему?

— Врач сказал.

— Да? — она посмотрела мне прямо в глаза. — Какой врач?

— Врач?.. Ну... этот...

— Какой?

— Ларинголог.

— Ухоларинголог?

У нее в глазах уже прыгали такие смешные чертики.

— Ну. Именно этот.

— Или горлоларинголог?

Я понял, что она меня расколола.

— Носоларинголог, — сказал я.

— Ты что, меня стесняешься, что ли? — улыбнулась она.

— Да нет. Чего я буду стесняться? Не маленький уже. Просто мне хочется полежать.

И в это время раздался звонок в дверь.

— Доприкалывались, — сказала Марина. — Папа пришел. Теперь мы с тобой точно попались.

— Может, я спрячусь под одеялом? А потом, когда он к себе в комнату уйдет, я потихоньку отсюда выберусь.

— Перестань.

Она откинула одеяло и, ничуть не стесняясь, пошла через всю комнату за халатом. За тем самым, в котором выходила отсюда, когда я с Сережей к ней приезжал. Я смотрел на ее спину как замороженный. По дороге она подхватила с пола мои трусы и, не оборачиваясь, кинула их мне.

— Ты ведь разулся в прихожей. Твои бахилы на самом виду стоят. Думаешь, он дурнее паровоза? Одевайся! Придется все объяснить.

Я сел на кровати.

— И знаешь, — сказала она, поворачиваясь ко мне, все еще голая. — Насчет того, что у нас с тобой все получилось странное. Ничего странного. Главное, не бери в голову.

Она накинула халат и быстро застегнула пуговицы.

— Понял? Вот так.

— Думаешь, не брать в голову? — задумчиво сказал я, но дверь за нею уже закрылась.

* * *

Я слышал, как она прошла в прихожую, и потом щелкнул замок. Кто-то заговорил. Должно быть, ее отец. Интересно, что она ему скажет? Я быстро одевался и все время старался услышать, о чем они говорят. Напрягал слух, двигался как можно тише. Все впустую. Ни фиги не было слышно. Я понятия не имел, что делать дальше.

Помотавшись бесшумно по комнате, я наконец приткнулся на край незастеленной кровати и стал ждать. Нет, можно было, конечно, выйти. Типа: здрастье, Илья Семеныч, я тут с вашей дочкой перепихнулся. Но меня как-то ломало. Вроде мужик этот был мне абсолютно до пуговицы, детей с ним не крестить, и все-таки было как-то не совсем удобно. Потом, фиг его знает, начнет орать, руками размахивать.

Короче, я присел пока на кровать. В квартире вообще все затихло.

«Может, лучше было вчера не ездить на этих лошадях кататься? — подумал я. — Покрутились бы по городу, сводили бы в Макдоналдс малыша... Ничего бы и не было... И бок бы так не болел».

Я осторожно пощупал ребра.

«Хрен его знает, а вдруг сломал? Надо еще этому Сереже наврать чего-то. А вдруг Илья Семеныч решит меня спалить? Потеряю, на фиг, работу. Такие бабки на халяву ведь получал! Вот идиот... Тоже мне подгулял, называется... Девочек столько вокруг — нет, надо было к этой, блин, именно в кровать забраться! Ну, что там они притихли? Умерли, что ли, все?!!»

Я тихонько поднялся с кровати и на цыпочках подошел к двери. Снаружи не доносилось ни звука. Может, они там знаками разговаривают? Как немые. Вертят, блин, пальцами друг перед другом, а я тут прислушиваюсь, как фиг знает кто. Хоть бы маленький Мишка проснулся, что ли!

Я прижал ухо к двери, но все равно ничего не услышал. Зато увидел, какие книжки она читает. Рядом с дверью висела книжная полка. Все про театр. Станиславский. Немирович. Толстоногов какой-то. Ну и фамилия! Еще увидел за книжками спрятанные фотографии. От Сережи, наверное, убрала. Он в этой комнате довольно часто бывает. Раз не от меня, значит, можно. Я посторонний человек, меня стесняться не надо.

На фотографиях везде была Марина. Какие-то еще девчонки, какие-то мужики. По-моему, одного я узнал. Это был тот козел из ее института, который вчера крутился вокруг студентов во время зачета. Еще узнал одну девчонку с длинной косой. Она вчера стояла с Мариной в одном ряду. Кажется, слева от нее. Больше ничего интересного не было.

Я снова прислушался к тому, что происходило снаружи. Во всей квартире стояла абсолютная тишина. «А может, они ушли? — мелькнуло у меня в голове. — Может, Марина догадалась вывести его из квартиры, чтобы я тихонько выбрался отсюда после них?» Эта мысль показалась мне настолько убедительной, что я решил приоткрыть дверь и выглянуть из комнаты.

В коридоре никого не было. Может, они сидели на кухне?

Я повертел головой, стараясь заглянуть за угол, откуда падал свет, но в то же время пытался не упустить из виду сосед-

нюю дверь. Кто его знает, вдруг они резко выйдут оттуда, а я тут стою с вытянутой шеей посреди их квартиры, как фашистский шпион. Такой маленький домашний Штирлиц. Типа свой домовой. «У вас барабашки в доме не водятся? А Штирлиц? Он славный и почти ручной. Любит ласку, но немного балует. Его можно часто встретить в постели молодых девушек. Отзывается на „кис-кис“, „вот, возьми себе немножко денег“ и на русское имя Миша».

В квартире по-прежнему стояла полная тишина. На всякий случай я решил вернуться назад в комнату. В руках у меня все еще были Маринины фотографии.

«Надо же, какое иногда у нее бывает интересное лицо, — подумал я, опуская взгляд на один из снимков. — Вот здесь такие же большие глаза, как вчера. Когда спрыгнула с лошади. Она, наверное, подумала, что я там совсем убится. Перепугалась».

И тут вдруг я вспомнил, что там в лесу, лежа на земле среди переступавших вокруг меня лошадиных ног, среди всего этого замерзшего мусора, ужасной боли, страха и сердцебиения, я неизвестно почему проболтался насчет Сережи. В том плане, что я про него наврал. Но главное было даже не то, что я проболтался. Мало ли что — может, я думал, что мне конец, может, я думал, что жить-то осталось всего минут десять — нет, дело было не во мне. Дело было в Марине. Что она там сказала?

— Я знаю.

«Ни фига себе, — подумал я. — То есть как это — „я знаю“? Чего она знает? Откуда?»

Эта мысль поразила меня до такой степени, что мне даже пришлось опереться спиной на дверь. Не в том смысле, что я хотел там забаррикадироваться, спрятаться и чтобы никто не входил, а в том смысле, что меня вчера сбросила лошадь и может, даже ребра сломались, а мне тут в голову приходят такие вещи. Да еще с этой Мариной на кухне (или где там она?) происходит черт знает что.

«Откуда она может знать? Кто ей сказал? Может, она имела в виду, что знает насчет того, что он вчера заболел? Вернее, наоборот, не заболел, а это я ей насвистел, что ему резко вдруг стало плохо. Может, она это имела в виду? Или она все-таки

догадалась, что он ее „лечит“ насчет своего пролетарского происхождения? Неужели она знает насчет его папы? Что там она спрашивала меня о моей работе? С кем-то меня сравнила... Никкак не могу вспомнить с кем...»

У меня вообще появилось такое странное чувство, как будто я здесь оказался не совсем случайно. Точно такое же, как после разговора об итальянском катере. Как будто вокруг меня что-то происходит, и я даже принимаю в этом участие, но вот что происходит и что, собственно, я тут делаю — это оставалось загадкой.

— Не бери в голову.

Так она, кажется, мне сказала. Интересный, вообще, подход к любви. А как же тогда Сережа?

В этот момент дверь в комнату резко открылась и треснула меня по спине. Я зашипел от боли.

— Прости, — сказала Марина, отбирая у меня фотографии. — Я не думала, что ты так близко будешь стоять.

Я молча следил за тем, как она снова прячет их за книжки.

— Пойдем завтракать, — обернулась она. — А то твой омлет остынет. Ты чай с сахаром пьешь или без?

Я не знал, что ей сказать на это.

* * *

После разговора с Ильей Семеновичем пришлось ехать к Сереже. Бывают такие дни. Начинаются паршиво, а продолжают еще хуже. Совершенству нет пределов. Причем — в оба конца. Это касалось, кстати, и самого Ильи Семеновича. Я даже не предполагал, что такое бывает. Читал, может быть, в старых книжках или по телику видел, но думал всегда, что это литература из школьной программы. Иудушка Головлев — «прореха на человечестве». Так, кажется, нас учили? Или это был какой-то другой приколист? Плюшкин? Короче, все они — пацаны из одной команды. А капитаном у них Илья Семенович. Флагман и рулевой. Загрузил меня по полной программе.

И вот я поехал от него прямо к Сереже. А куда мне деваться? Бабки-то получаю. Надо было отчитаться, как покатались на лошадях.

Классно покатались.

Но бок все еще болел. Даже скорость переключать было больно. Может, все-таки лучше к врачу?

— А что у тебя с лицом? — сказал Сережа, выключив свой компьютер. — Впрочем, не важно. Пойдем со мной. Отец, наверное, еще дома.

Хорошо, что он не спросил про Марину. Фиг его знает, что бы я мог ответить. Настроение было паршивое. Я даже придумать ничего не успел.

— Что с вашим лицом? — спросил Павел Петрович, как только мы вошли к нему в кабинет.

— Он упал с лошади, — сказал Сережа.

Догадливый, блин. Шерлок Холмс. А я тогда кто?

Во всяком случае, не доктор Ватсон.

— С лошади? Может, вам надо к врачу?

— Ни к какому врачу ему не надо. Мы пришли поговорить с тобой.

Интересно, что он имел в виду под этим «мы»?

— Хорошо, я вас слушаю.

Павел Петрович немного напрягся. Его, видимо, тоже прикололо Сережино «мы».

— Сколько ты платишь Михаилу за то, чтобы он за мной шпионил?

Немая сцена. В прямом смысле. Стоим и смотрим друг на друга.

Молчание ягнят, часть вторая.

— Две тысячи долларов, — наконец оживает Павел Петрович. — Но кто сказал, что он должен... шпионить?

— Я.

У Сережи голос немного срывается. Подросток еще. Половое созревание, все дела. Пубертатный период.

— Мне кажется, Сергей, ты несколько драматизируешь ситуацию...

— Перестань говорить свои дурацкие слова! Ты все время говоришь слова, которые совсем не к месту. Сейчас не надо так говорить!

Тут я понял, что Сергей мой завелся. Или уже был заведен к тому времени, как я пришел. Может, у них вчера что-нибудь произошло? На этом их совещании.

Слава богу, что он еще не знал про мои подвиги.

— Я говорю вполне нормально. Но если тебе не нравится мой тон, можешь говорить сам. Я тебя слушаю.

И тут этот Сережа поворачивается ко мне:

— Скажи ему, что ты от него уходишь.

Молчание слонят. Ягнята не актуальны.

— Что?

— Скажи ему, что ты увольняешься.

— Увольняюсь?!!

— Сергей, послушай... — попытался вмешаться Павел Петрович.

— Не перебивай!

Он почти орал уже. Этот подросток.

— Скажи ему!

Мы снова молчим. Смотрим друг на друга. Теперь уже молчание слонов. Настоящих, больших, пыльных. Замешательство.

А у меня еще совесть. Марина рядом со мной, под одним одеялом. Облом.

— Скажи ему!

— Хорошо. — У меня голос немного хриплый, пришлось откашляться. — Павел Петрович, я увольняюсь...

Павел Петрович вздыхает, как бегемот, и садится. Мне бы тоже куда-нибудь сесть, но стульчиков рядом нету. Впрочем, теперь все равно. Чего тут рассиживаться?

— Отлично, — радостным голосом говорит этот Сережа. — А раз ты свободен, то теперь я хочу тебя нанять.

Вот сейчас мне бы стульчик.

— Он платил тебе две тысячи — я буду платить две с половиной. Ты согласен?

Я поворачиваюсь к Павлу Петровичу. Кто тут из них рулит, в конце концов?

— Подожди, Сергей, — говорит он. — Что за цирк? Чем ты ему будешь платить?

— Долларами. Мама оставила мне сто тысяч. Ты ведь их не потратил? Она доверяет тебе.

— Она просила вложить их в твое образование...

— Вот мы и вложим. Михаил — великолепный учитель. Педагог с большой буквы.

— Послушай, Сережа...

— Хватит! — он вдруг по-настоящему закричал. — Хватит, папа! Я не могу больше это терпеть! Не могу! Ты понимаешь? Я устал! Устал от всего, что ты делаешь!

Павел Петрович молча смотрит ему в лицо. Только глаза потемнели.

— На этой планете живет шесть миллиардов человек. — Сережа продолжает каким-то странным захлебывающимся голосом. — Шесть миллиардов человек, которым нет до меня никакого дела. Пять миллиардов девятьсот девяносто девять тысяч и еще сколько-то там людей! И еще есть ты. Единственный мой отец. У меня никого больше нет. Мама из своей Швейцарии даже не пишет. Может, она умерла там давно. Или новых детей нарожала. Но у меня есть ты. У меня есть отец. И я хочу любить своего отца. Понимаешь? Я имею на это право. Я хочу любить своего отца! Почему ты мне все время мешаешь?

— Но, послушай, Сережа... Я ведь тоже хочу...

— Ничего ты не хочешь! Ты просто не понимаешь, что значит «сын». Нельзя бесконечно нанимать людей, чтобы они за мной следили! Неужели ты меня так ненавидишь? Из всех этих шести миллиардов ты выбрал меня, чтобы возненавидеть? Одного-единственного меня?

— Подожди, Сергей...

— Да перестань! Ты даже сейчас меня не слышишь!

— Я слышу тебя. Я очень хорошо тебя слышу.

— Да?

Он вдруг остановился. Как санки, которые скатились наконец с огромной горы.

— Тогда отпусти Михаила. Пусть он работает на меня.

Павел Петрович посмотрел в мою сторону:

— Может, нам у него надо спросить?

Сережа повернулся ко мне. Глаза у него блестели.

Теперь они оба ждали, что скажу я.

— Да мне как-то... Я не знаю...

Вот попал!

— Ты согласен? — Сережа не отводил от меня глаз.

— Ну, в общем... да. А почему нет?

Он кивнул и посмотрел на отца. Тот раскладывал на столе какие-то бумаги. Теперь была его очередь что-нибудь сказать. Важный момент. Ежу понятно. Они, наверное, не часто так разговаривали.

— Может, вам все-таки сходить к врачу, Михаил? Как вы думаете? У вас ничего серьезного?

* * *

— Ну как? — спросил меня Сережа, когда мы вернулись к нему в комнату.

— Круто, — ответил я. — Только предупредить надо. Я ведь не знал, что ты задумал.

— Да я не об этом. Я насчет Марины. Не сердилась она?

— Марина?

— Ну да, Марина. Кто же еще? Ты ездил с ней вчера?

Мне нужно было немного времени. Он снова застал меня врасплах. Поспеть за этим подростком было непросто.

— Ну так-то, вообще-то, ездили... Катались на лошадях...

— Отлично. Она не злилась?

— Из-за чего?

— Слушай, ты тормозишь. Из-за меня. Из-за того, что я не поехал. Что с тобой? Ты ночью нормально спал?

— Я? Вроде нормально... А что?

— Ничего. Просто ты странный какой-то. Головой, что ли, ударился?

— Ну да. Думал, что вообще насмерть убьюсь.

— Ладно. Как там Марина?

— Она не злилась. Только в начале немного... Но я потом объяснил.

— И что она?

— Нормально. Вроде бы успокоилась.

— Спрашивала про меня?

— Что?

— Как что? Почему не поехал, какие дела.

— Да нет вроде бы...

— Не спрашивала? А что говорила?

— Да ничего такого не говорила... Показывала как на лошадях надо ездить.

— Да? — Он немного нахмурился. — А в чем была одета?

— Одета? В таком белом свитере... в джинсах и в куртке.

— Классно. Видел, как она катается?

— Видел.

— Я люблю смотреть, когда она ездит на лошадях.

— Понятно.

— У нее такое лицо... Знаешь... Как у Одри Хепберн.

— У кого?

Он махнул рукой:

— Это актриса такая. Американская. Давно умерла.

— А-а. Я не знал.

— Не важно. Ты мне скажи, почему тебя ночью не было дома?

Не нравились мне его переходы. Нельзя так резко тему менять.

— Дома? Да я вроде бы... был.

— Не ври. Я тебе звонил восемь раз. Никто к телефону не подошел.

— Я... я... к травматологу ездил.

— Так поздно? Я тебе последний раз в два часа ночи звонил.

— Они круглые сутки работают.

— Правда?

«А я-то откуда знаю?» — мелькнуло у меня в голове.

— Конечно, — это я сказал вслух. — Позвони в любую больницу. Там тебе скажут.

— Я звонил.

— Ну и что?

— Они работают до десяти вечера.

— Ты в какую больницу звонил? Откуда ты знаешь, в какую травматологию я поехал?.. Подожди... А на фига ты вообще в больницу звонил?

Сережа ответил не сразу:

— Ты знаешь, иногда так плохо становится. Как будто предчувствие... Как будто кто-то умрет... Я вчера почему-то вдруг испугался. Даже у компьютера сидеть не мог. Звонил тебе, звонил, а у тебя никто не отвечает. Чуть телефон об

стенку не треснул. И главное — Марине позвонить нельзя. Там этот Илья Семенович... Как разведчик... — Он внимательно посмотрел мне в глаза. — Ты ведь мне не врешь? Вчера ничего не случилось?

Я преданно смотрел ему в лицо. Только моргнул два раза.

— Я тебе не вру. Вчера ничего не случилось. Правда...

— Что?

По его лицу пробежала волна страха. Настоящая волна. Он в самом деле вчера испугался.

— Марина все знает.

— Как?!!

Он был ошеломлен. Вот этого он не ожидал точно.

— Что она знает?

— Все.

— Вообще все?

— Абсолютно.

— Перестань. Откуда она...

И тут я ему рассказал все то, что считал нужным.

Во-первых, про Марину. Во-вторых, про Илью Семеновича. Я рассказал ему о том, что они оба давно знают, кто он на самом деле. И о том, что им известно о его папе. Вернее, о его деньгах. Так что понтоваться насчет бедного родственника из Калуги больше не имеет смысла. Они просто прикидываются, когда он им парит мозги насчет однокомнатной квартиры, насчет папы в чужой семье и насчет мамы из техникума.

— Но откуда?..

— Где-то ты прокололся. Дерьмовый из тебя Штирлиц. Не рассчитал. Помнишь, какой у него был в Швейцарии знак провала? Горшок с цветами на подоконнике. Можешь его выставить. Ты под колпаком у Мюллера.

Но всей правды он, разумеется, от меня не услышал. У него бы пиджак загнулся от всей правды.

Потому что у меня лично он загнулся.

Не надо было этому юноше знать, что Илья Семенович устроил на него охоту, и что в этой охоте Марина играет роль приманки, а я должен загонять на нее дичь, и что папа Илья собирает целое досье на модных женихов, и что несчастный Сережа в этом досье давным-давно стоял под первым

номером — фамилия-то в Москве известная. Папа Илья хотел от Сережи внуков. Он хотел марша Мендельсона и Павла Петровича рядом с невестой.

«А ну-ка, сват, давай еще по одной!» — вспомнил я его отвратительный голос.

А я не хотел потерять работу. Илья Семенович это понял и решил, что я буду ему помогать. И я знал, что буду. Если не хочу, чтобы кое-кто узнал о том, где я провел ночь.

— И что мне теперь делать?

Голос у Сережи стал вдруг растерянный, как будто он догадался о подлинных планах Ильи Семеновича.

— Да ты не бойся. Все будет по-старому. Собирайся, поедем в Кузьминки. Они тебя ждут.

ЛЕТО СЕРГЕЙ

1 июня 1998 года

День защиты детей. Отец сказал, что скоро поедем в Италию. Жениться. Выпускные экзамены буду сдавать досрочно. Жену зовут Паола. Такое итальянское имя. Мою жену будут звать Паола. А не Марина. Отцу плевать на День защиты детей. Он крутой. Как сказал, так и будет. А я его сын. Но не такой крутой. Как ему кажется.

Подождем.

4 июня 1998 года

Не поеду. Завтра скажу ему, что не поеду. Пусть сам женится. Мама ему давно разрешила.

5 июня 1998 года

Завтра скажу.

7 июня 1998 года

Скажу завтра.

8 июня 1998 года

Воробьев говорит, что можно взять с собой Марину. Сво-лочь он, но идея хорошая. Скажет отцу, что это его девушка. Все равно теперь я за него плачу. Поедем втроем в Италию на мамины деньги. Там хватит.

А папа пусть целуется со своей Паолой. По фамилии Пануччи. Пануччи — дерьма три кучи.

11 июня 1998 года

Получил письмо от мамы. Первое за три года Видимо, не любит писать. Просит, чтобы я не показывал его отцу. Так и так бы не показал. Странная она какая-то. Пишет, что я дебил. И что я занимаюсь дебильными вещами. Может, и так. Но мне от них бывает прикольно. Еще говорит — если не хочешь жениться, то не женись.

12 июня 1998 года

Завтра летим во Флоренцию. Воробьев с Мариной приедут туда поездом. Женильба Фигаро. Ненавижу оперу.

Какой дурак заказал билеты на 13-е число?

12 июня 1998 года (поздно ночью)

Читаю старый дневник. Неужели это был я? Уайльд говорил, что в дорогу надо обязательно брать с собой что-нибудь интересное почитать. Поэтому он брал свои дневники.

Вот мой (я хуже, что ли?):

14 марта 1995 года 16 часов 05 минут (время московское)

Сегодня проснулся оттого, что за стеной играли на фортепиано. Там живет старушка, которая дает уроки. Играли дерьмово, но мне понравилось. Решил научиться. Завтра начну. Теннисом заниматься больше не буду.

15 марта 1995 года

И плаванием заниматься не буду. Надоело. Все равно пацаны ходят только для того, чтобы за девчонками подглядывать. В женской душевой есть специальная дырка.

Ходил к старухе насчет фортепиано. Согласилась. Деньги, сказала, — вперед. Она раньше была директором музыкальной школы. Потом то ли выгнали, то ли сама ушла. Рок-н-ролл играть не умеет. В квартире воняет дерьмом. Книжек много.

Посмотрим.

17 марта 1995 года

Как меня все достали. В школе одни дебилы. Что учителя, что однокласснички. Гидроцефалы. Фракийские племена. Буй-

ный расцвет дебилизма. Семенов лезет со своей дружбой. Может, попросить, чтобы меня перевели в обычную школу?

18 марта 1995 года

Отец не дает денег на музыкальную старуху. Говорит, что я ничего не довожу до конца. Жмот несчастный. Говорит, что тренер по теннису стоил ему целое состояние. А может, я будущий Рихтер? Старухе надо-то на гречневую крупу. Жмот. Но он говорит — дело принципа. Сначала надо разобраться в себе.

Было бы в чем разбираться.

А ты сам в себе разобрался? — хотел я его спросить.

Но не спросил. Побоялся, наверное.

19 марта 1995 года

Опять не дали уснуть всю ночь. Ругались. Сначала у себя в спальне, потом в столовой. Мама кричала как сумасшедшая. Может, они думают, что я глухой?

20 марта 1995 года

Старуха дала какой-то древний черно-белый фильм. Сказала, что я должен посмотреть. Без денег учить отказывается.

В школе полный мрак.

«Да будет свет, сказал монтер

И яйца фосфором натер».

Яйца, разумеется, были куриные. Тихо лежали в углу и светились во мраке системы просвещения.

Учителей надо разгонять палкой. Пусть работают на огородах. Достали.

23 марта 1995 года

Интересно, сколько стоит хороший автомат? Мне бы в нашей школе он пригодился. Ненавижу девчонок. Тупые дуры. Распустят волосы и сидят. Каким надо быть дураком, чтобы в них влюбиться? Воображают фиг знает что.

Дома тоже автомат бы не помешал. Опять орал всю ночь. Они что, плохо слышат друг друга?

24 марта 1995 года

В школу приходил тренер по теннису. Сказал, что я, конечно, могу не ходить, но денег он не вернет. Козел. Я спросил, не научит ли он меня играть на пианино.

Берешь автомат и стреляешь ему в лоб. Одиночным выстрелом.

25 марта 1995 года

Антон Стрельников сказал, что влюбился в новую училку по истории. Лучше бы он крысиного яду наелся. Такая же тупая как все.

Переводишь автомат на стрельбу очередями и начинаешь их всех поливать. Привет вам от Папы Карло.

25 марта (вечер)

Прикол. Снова приходил Семенов. Уговорил меня выйти во двор. Предложил закурить, но я отказался. Сказал, что теннисом занимаюсь. Он начал спрашивать, где и когда. Я сказал, что ему денег не хватит. Тогда он уронил свою сигарету, а я взял и поднял. Он подошел очень близко и поцеловал меня в щеку. Я не знал, что мне делать. Постоял, а потом треснул его по морде. Он упал и заплакал. Я сказал, что я его убью. У меня есть автомат. Не знаю, почему так сказал. Просто сказал, и все. Достал он меня. Тогда он сказал, чтобы я не пересаживался от него в школе. Сидел с ним, как раньше, за одной партой. А он мне за это денег даст. Я спросил его — сколько, и он сказал пятьдесят. У него откуда-то взялись пятьдесят баксов. И я сказал — покажи. У него правда были пятьдесят баксов. Я их взял и снова треснул его по морде. У него пошла кровь, и он сказал, что я все равно теперь с ним сидеть буду. Я врезал ему еще раз.

26 марта 1995 года

Старуха взяла деньги Семенова и сказала, что ее зовут Октябрина Михайловна. Ну и имечко. В квартире воняет кошачьим дерьмом. Как она это терпит? Спросила — посмотрел ли я ее фильм.

А я даже не помню, куда засунул кассету. Не дай бог мама ее куда-нибудь зашвырнула. Она вчера много всего об стенку расколошматила. Может быть, ей купить автомат?

28 марта 1995 года

Достали меня все. И этот дневник меня тоже достал. А не пойдешь ли ты в жопу, дневник? А?

30 марта 1995 года

Нашел кассету Октябрины Михайловны. Валялась под креслом у меня в комнате. Вроде бы целая. Неужели придется ее смотреть?

1 апреля 1995 года

Сказал родителям, что меня выгоняют из школы. Они позабыли, что не разговаривают друг с другом почти неделю, и тут же начали между собой орать. Потом, когда успокоились, папа спросил — за что. Я сказал — за гомосексуализм. Он повернулся и врезал мне в ухо. Изо всех сил. Наверное, на маму так разозлился. Она опять закричала, а я сказал — дураки, сегодня первое апреля, ха-ха-ха.

2 апреля 1995 года

Водил на улицу котов Октябрины Михайловны. Ей самой трудно. Они рвутся в разные стороны как сумасшедшие. Мяукают, кошек зовут. Я думал — у них это только в марте бывает. Пять сумасшедших котов на поводочках — и я. Соседние пацаны во дворе ржали как лошади.

Ухо еще болит.

Октябрина Михайловна опять спросила про фильм. Его наверняка снимали в эпоху немого кино. Все-таки придется смотреть. Жалко ее обманывать.

3 апреля 1995 года (почти ночь)

Пацаны во дворе помогли мне поймать котов. Я запутался в поводках, упал, и они разбежались. Один залез на дерево. Двое сидели на гараже и орал. Остальные носились по всему двору. Пацаны спросили меня — чьи это кошки, а потом помогли их поймать. Они сказали, что Октябрина Михайловна классная старуха. Она раньше давала им деньги, чтобы они не охотились на бродячих котов. А потом просто давала им деньги. Даже когда они перестали охотиться. На мороженое — вообще на всякую ерунду. Когда еще спускалась во двор. Но теперь давно уже не выходит. Пацаны спросили — как она там, и я ответил, что все нормально. Только в квартире немного воняет. И тогда они мне сказали, что если хочу, то я могу поиграть с ними в баскетбол.

Вечером в комнату приходил отец. Сидел, молчал. Потом спросил про уроки. Они опять с мамой не разговаривают.

Может, он хотел извиниться?

4 апреля 1995 года

Вот это да! Просто нет слов. Я кассету наконец посмотрел. Называется «Римские каникулы». Надо переписать себе обязательно.

5 апреля 1995 года

Октябрина Михайловна говорит, что актрису зовут Одри Хепберн. Она была знаменитой лет сорок назад. Я не понимаю — почему она вообще перестала быть знаменитой. Никогда не видел таких... даже не знаю как назвать... женщин? Нет, женщин таких не бывает. У нас в классе учатся женщины.

Одри Хепберн — красивое имя. Она совсем другая. Не такая, как у нас в классе. Я не понимаю, в чем дело.

6 апреля 1995 года

Снова смотрел «Каникулы». Невероятно. Откуда она взялась? Таких не бывает.

Сегодня играл с пацанами во дворе в баскетбол. Высокий Андрей толкнул меня, и я свалился в большую лужу. Он подошел, извинился и помог мне встать. А потом сказал, что не хотел бить меня два года назад, когда все пацаны собрались, чтобы поймать меня возле подъезда. Они хотели сломать мой велосипед. Отец привез из Арабских Эмиратов. Андрей сказал, что не хотел бить. Просто все решили, а он подчинился. Я ему сказал, что не помню об этом.

Мне тогда зашивали бровь. Бровь и еще на локте два шрама.

А завтра идем играть против пацанов из другого двора. С нашими я уже со всеми здороваюсь за руку.

Отец приходил. Сказал, что я сам виноват в том, что случилось первого апреля. Не надо было так по-дурацки шутить. Я сказал ему — да, конечно.

7 апреля 1995 года

Мама говорит, что я достал ее со своим черно-белым фильмом. Она не помнит Одри Хепберн. Она мне сказала — ты что, думаешь, я такая старая? Смотрел «Римские каникулы» в седьмой раз. Папа сказал, что он видел еще один фильм с Одри — «Завтрак у Тиффани». Потом посмотрел на меня и добавил, чтобы я не забивал себе голову ерундой.

А я забиваю. Смотрю на нее. Иногда останавливаю пленку и просто смотрю.

Откуда она взялась? Почему за сорок лет больше таких не было?

Одри.

9 апреля 1995 года

Октябрина Михайловна показала мне песню «Moon River». Из фильма «Завтрак у Тиффани». Кассеты у нее нет. Когда пе- ла — несколько раз останавливалась. Отворачивалась к окну. Я тоже туда смотрел. Ничего там такого не было, за окном. По- том сказала, что они ровесницы. Она и Одри. Я чуть не свалил- ся со стула. 1929 год. Лучше бы она этого не говорила. Еще сказала, что Одри Хепберн умерла два года назад в Швейца- рии. В возрасте 63 лет.

Какая-то ерунда. Ей не может быть шестьдесят три года. Никому не может быть столько лет.

А Октябрина Михайловна сказала: «Значит, мне тоже пора. Все кончилось. Больше ничего не будет».

Потом мы сидели молча, и я не знал, как оттуда уйти.

12 апреля 1995 года

Я рассказал Октябрине Михайловне про Семенова. Не про то, конечно, откуда у меня взялись для нее деньги, а так — во- обще. В принципе, про Семенова. Она дала мне книжку Оскара Уайльда. Про какой-то портрет. Завтра почитаю.

Через две недели у меня день рождения. Думаю позвать пацанов из двора. Интересно, что скажет папа?

Он приходил сегодня ночью. Я уже спал. Вошел и включил свет. Потом сказал: «Не прикидывайся. Я знаю, что ты не спишь».

Я посмотрел на часы — было двадцать минут четвертого. Еле глаза открыл. А он говорит: «Вот видишь». И я подумал — а что это, интересно, я должен «вот видеть»?

Он сел к моему компьютеру и стал пить свое виски. Прямо из горлышка. Минут десять, наверное, так сидели. Он — у компью- тера, я — на своей кровати. Я подумал — может, штаны надеть. А он говорит — с кем я хочу остаться, если они с мамой будут жить по отдельности? Я говорю — ни с кем, я хочу спать. А он го- ворит — у тебя могла быть совсем другая мама. Ее должны были звать Наташа. А я говорю — у меня маму зовут Лена. А он гово- рит — шлюха она. А я ему говорю — мою маму зовут Лена. Он по- смотрел на меня и говорит — а ты уроки приготовил на завтра?

15 апреля 1995 года

Вчера всей толпой ходили драться в соседний двор. Те про- играли нам в баскетбол и не хотят отдавать деньги. Уговор был

на двадцать баксов. Наши дней пять собирали свою двадцатку. Трясли по всему району шпану. Тех, у кого есть бабки. Раньше бы и меня трясли. Короче, высокий Андрей сказал — надо наказывать. Мне сломали ползуба. Теперь придется вставлять. Все заглядывали мне в рот и хлопали по плечу. Андрей сказал — с боевым крещением.

В школе все по-прежнему. Полный отстой. Антон Стрельников влюбился в другую училку. Алгебра на этот раз. Придурок. Про Одри Хепберн он даже не слышал. Хотел сперва дать ему фильм, но потом передумал. Пусть тащится от своих теток.

16 апреля 1995 года

Семенов пришел в школу весь в синяках. У меня тоже верхняя губа еще не прошла. Опухла и висит, как большая слива. Нормально смотримся за одной партой. Антон говорит, что Семенова папаша отделал. Примерно догадываюсь, за что. Но Антон говорит, что он его постоянно колотит. С детского сада еще. Они вместе в один детский садик ходили. Говорит, что папаша бил Семенова прямо при воспитателях. Даже милиция приезжала. Но он откупился. Раздал бабки ментам и утащил маленького Семенова за воротник в машину. Там, говорит Антон, еще ему добавил. А Семенов оттуда визжал как поросенок. «Нам тогда было лет шесть, — сказал Антон. — Мы стояли вокруг машины и старались заглянуть внутрь. Окна-то высоко. Слышно только, как он визжит, и посмотреть охота. А воспитательницы все ушли. Семеновский папаша им тоже тогда денег дал. Да и холодно было. Почти Новый год. Чего им на улице делать? Ну да — на следующий день подарки давали — елка там, Дед Мороз».

17 апреля 1995 года

Дома больше никто не орет. Они вообще не разговаривают друг с другом. Даже через меня. Мама два раза не ночевала дома. Папа смотрел телевизор, а потом пел. Закрывался в ванной комнате и пел какие-то странные песни. В два часа ночи. Интересно, что подумали соседи?

Октябрина Михайловна говорит, что у детей проблемы с родителями оттого, что дети не успевают застать своих родителей в нормальном возрасте. Пока те еще не стали такими, как сейчас. В этом заключается драма. Так говорит Октябрина Михайловна. А раньше они были нормальные.

Она говорит, что помнит, как мой папа появился в нашем доме: «Он был такой худой, веселый. И сразу видно, что из провинции».

Оказывается, у мамы уже был тогда парень, почти жених. Октябрина Михайловна не помнит его имени.

Сегодня специально ходил по улицам и смотрел, сколько женщин походит на Одри Хепберн.

Нисколько.

Промочил ноги и потерял ключи. Жалко брелок. Если свищишь, он отзывается. Посвистел во дворе немного — бесполезно. Где-то в другом месте, видимо, уронил.

18 апреля 1995 года

Октябрина Михайловна вспомнила, как папа (только он тогда был еще не папа, а просто неизвестно кто) однажды пришел на день рождения к маме в костюме клоуна. Шел в нем прямо по улице, а потом показывал фокусы. В подъезде и во дворе. Все соседи вышли из своих квартир. Она говорит — было ужасно весело. Все смеялись и хлопали.

Дочитал книжку Оскара Уайльда. Круто. Может, позвать Семенова на день рождения?

Ходил свистеть на соседнюю улицу. Губа почти не болит, но из-за сломанного зуба свистеть как-то не так. Брелок не нашелся. Вместо него появились те придурки, с которыми мы дрались на прошлой неделе.

Еле убежал.

19 апреля 1995 года

Сегодня приходил милиционер. Оказывается, высокий Андрей сломал одному из тех придурков ключицу. Теперь его родители подали в суд. Я видел, как Андрей тогда схватил обрезок трубы, но милиционеру ничего не сказал. Я там, говорю, вообще не был. А он смотрит на мое разбитое лицо и говорит — не был? Я говорю — нет.

Во дворе мне сказали — ты нормальный.

Я не предатель.

Вчера приснилось, что это меня затащил в машину отец. Бьет изо всех сил, а я не могу от него увернуться. Только голову закрываю. Руки маленькие — никак от него не закрыться. Он такой большой, а у меня пальто неудобное. С воротником.

И руки в нем плохо поднимаются. Я уже забыл о нем, а теперь вдруг во сне увидел. Бабушка подарила, когда мне было пять лет. А в окно машины заглядывает Антон Стрельников. Но почему-то большой. И целуется с учительницей алгебры.

Потом приснилась Одри.

20 апреля 1995 года

Я умею играть «Moon River» на пианино. Одним пальцем. Октябрина Михайловна смеется надо мной и говорит, что остальные девять мне не нужны. Со мной и так все ясно.

Посмотрим.

Папа сказал, что костюм клоуна ему одолжил один приятель из циркового училища. Он говорит, что у него не было денег на нормальный подарок тогда: «Какие подарки? Вообще не было денег. Пришлось корчить из себя дурака. Чуть от стыда не умер. А ты откуда узнал?»

Я говорю — от Октябрины Михайловны. А он говорит — ты где для нее деньги нашел? Я говорю — секрет фирмы.

Мама опять не ночевала дома.

21 апреля 1995 года

Семенов сказал, что знает настоящее имя Одри. А я ему говорю — я думал, что Одри — настоящее. А он говорит — ни фига. Ее звали Эдда Кэтлин-ван-Хеемстра Хепберн-Рустон. Я ему говорю — напиши. Он написал. Я говорю — а ты-то откуда знаешь? Он говорит — я в детстве любил прикольные имена запоминать. Первого монгольского космонавта звали Жугдэрдемидийн Гуррагча. Я говорю — врешь. А второго? Он говорит — второго не было. Можешь проверить. А первого звали Гуррагча. Сам посмотри в Интернете. Там и про Одри Хепберн до фига всего есть. Я говорю — например? Он говорит — ну, она дочь голландской баронессы и английского банкира. Снималась в Голливуде в пятидесятых годах. А до этого — в Англии. Я говорю — а ты зачем про нее смотрел?

Он молчит и ничего мне не отвечает. Я ему снова говорю. И он тогда пальцем показывает на мою тетрадь. Там четыре раза на одной странице написано: «Одри Хепберн».

24 апреля 1995 года

Снова рассказал Октябрине Михайловне про Семенова. Она сказала — все дело в том, что мы все в итоге должны уме-

реть. Это и есть самое главное. Мы умрем. А если это понял, то уже не важно — голубой твой друг или не голубой. Просто его становится жалко. Независимо от цвета. И себя жалко. И родителей. Вообще всех. А все остальное — не важно. Утрясется само собой. Главное, что пока живы. Она говорит, а сама на меня смотрит и потом спрашивает — ты понял? Я говорю — понял. Только Семенов мне как бы не друг. А она говорит — это тоже не важно. Вы оба умрете. Я думаю — спасибо, конечно. Но так-то она права. Она говорит — потрогай свою коленку. Я потрогал. Она говорит — что чувствуешь? Я говорю — коленка. Она говорит — там кость. У тебя внутри твой скелет. Настоящий скелет, понимаешь? Как в ваших дурацких фильмах. Как на кладбище. Он твой. Это твой личный скелет. Когда-нибудь он обнажится. Никто не может этого изменить. Надо жалеть друг друга, пока он внутри. Ты понимаешь? Я говорю — чего непонятного? Скелет внутри, значит, все нормально. Она улыбается и говорит — молодец. А вообще умирать не страшно. Как будто вернулся домой. Как в детстве. Ты в детстве любил куда-нибудь ездить? Я говорю — к бабушке. Она в деревне живет. Она говорит — ну вот, значит как к бабушке. Ты не бойся. Я говорю — я не боюсь. Она говорит — умирать не страшно.

2 мая 1995 года

Высокого Андрея арестовали. Не за ключицу. За нее, видимо, будет отдельный срок. Все получилось из-за Семенова. Семенов у меня на дне рождения без конца рассказывал всякую чепуху про черных рэпперов и хип-хоп. А пацаны из двора слушали его с раскрытыми ртами. Папа мне даже потом сказал — он, что, из музыкальной тусовки? Я объяснил ему насчет Интернета. Но пацаны про Интернет не в курсе. Только в общих чертах. Они не знали, что Семенов меня заранее спросил — кто будет на дне рождения. Высокий Андрей мне на кухне сказал — классный парень. Он, что, типа, из Америки приехал? А я говорю — просто читает много. Интересуется. Короче, они ушли вместе с Андреем и потом, видимо, где-то напились. Я не знаю, как у них там все получилось, но к утру джип семеновского папаши сгорел в гараже. Плюс еще две машины какого-то депутата. Он их от проверки там прятал. В Думе те-

перь шерстят за лишние тачки. Папаша бил Семенова ножкой от стула. Сломал ему несколько ребер и кисть левой руки. Наверное, Семенов этой рукой закрывался. Но от милиции откупил. Арестовали одного Андрея. Пацаны во дворе ходят груженные. В баскетбол перестали играть. Со мной не разговаривают.

11 мая 1995 года

Приходила мама. Сказала — можно поговорить? Я сказал — можно. Она говорит — ты какой-то странный в последнее время. У тебя все в порядке? Я говорю — это я странный? Она говорит — не хаами. И смотрит на меня. Так, наверное, минут пять молчали. А потом говорит — я, может, уеду скоро. Я говорю — а. Она говорит — может, завтра. Я снова говорю — а. Она говорит — я не могу тебя взять с собой, ты ведь понимаешь? Я говорю — понятно. А она говорит — чего ты заладил со своим «понятно»? А я говорю — я не заладил, я только один раз сказал. Сказал и сам смотрю на нее. А она на меня смотрит. И потом заплакала. Я говорю — а куда? Она говорит — в Швейцарию. Я говорю — там Одри Хепберн жила. Она говорит — это из твоего кино? Я говорю — да. Она смотрит на меня и говорит — красивая. Я молчу. А она говорит — у тебя девочка есть? Я говорю — а у тебя когда самолет? Она говорит — ну и ладно. Потом еще молчали минут пять. В конце она говорит — ты будешь обо мне помнить? Я говорю — наверное. На память пока не жалею. Тогда она встала и ушла. Больше уже не плакала.

14 мая 1995 года

Октябрина Михайловна умерла. Вчера вечером. Больше не буду писать.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

Привет, дорогая!

Удивилась, когда получила это письмо? Могу представить, как ты брала его в руки. Не морщилась хотя бы, нет?

Как там у тебя дела? Надеюсь, что все в порядке. Ужасно глупо чувствую себя перед листом бумаги, но не станешь ведь диктовать такое письмо секретарше, чтобы потом отправить его по факсу.

Надо же, почти разучился писать. Прости за отвратительный почерк.

А как твои дела? Нет-нет, об этом я уже спрашивал. Ты ведь, кажется, снова выходишь замуж. Не злись на меня, за то что я надоедаю тебе во время медового месяца. Тем более что они ведь бывают у тебя в последнее время довольно часто. Как только доберешь их числом до двенадцати, можно будет говорить о целом годе медовых праздников. Тебе всегда нравилось сладкое. Год — подумать только!

Нет, конечно, это я был плохой, а ты была исполнена благородства. Я помешался на деньгах, а ты оставила Сереже все, что у тебя было, и умчалась на крыльях любви к бедному швейцарскому художнику. Наверное, он рисовал для тебя Альпы. В день по скале. Когда живешь в такой красоте, денег, разумеется, уже не надо. Это я понимаю. Тем более что и в глазах Сергея ты выглядела в гораздо более выгодном свете, нежели противный и жадный я.

Но, ты знаешь, это мне приходится его воспитывать.

Слушай, как глупо, что за все три года мы так ни разу и не обменялись письмами.

Я не испытываю ненависти к тебе. Если не веришь — мне все равно. Правда.

А теперь тебя потянуло на ученых. Он ведь физик, не так ли? Бедный швейцарский физик. Или химик? Разумеется, тоже бедный. Химичит в своей богемной квартирке где-нибудь на чердаке в Цюрихе, и, конечно, он гений. Так ведь? Видишь, как я тебя понимаю. Любовь творит чудеса.

Начинаешь понимать даже тех людей, к кому больше не испытываешь ненависти.

Только ведь я хорошо плачу своим людям за информацию, дорогая моя. Бедность твоего гения не стоит ломаного гроша. Прости за игру слов. Как там его фамилия? Шварценпуппер? Или Моргенхрюккер? Не важно. Главное, что еще несколько людей с такой же фамилией входят в советы директоров самых крупных швейцарских банков. Или ты не знала об этом? Или ты думала, что это его однофамильцы? Милые, случайные однофамильцы с родовыми замками по всей Европе. Кажется, на этот раз твой бунт против богатых сыграл с тобой злую шутку.

Или ты правда думала, что он ходит с тобой в ресторан в одних и тех же джинсах, потому что ему нечего больше надеть?

Ты знаешь, я вчера совершенно случайно открыл твою книгу, которую ты бросила во время своего торопливого бегства три года назад (или лучше сказать — отступления?). Это Паскаль — любимый философ всех твоих бородатых, плохо одетых друзей. Там у тебя красным карандашом подчеркнута мысль под номером 103: «Нашему уму от природы свойственно верить, а воле — любить, поэтому, если у них нет достойных предметов для веры и любви, они устремляются к недостойным».

Ты, очевидно, меня имела в виду?

Твой Павел.

P. S. За то, что карандаш был красный, а не простой, рискну обратиться к тебе с небольшой просьбой. Это нужно Сереже, а не мне. Мы через две недели отправляемся в Италию, чтобы решить вопрос о его помолвке. Свадьба, разумеется, не скоро. Не раньше, чем им обоим исполнится двадцать один год. Однако договориться обо всем мы планируем уже этим летом. Будущего тестя зовут синьор Пануччи. Он родственник председателя совета директоров одного из тех банков, где вращаются «однофамильцы» твоего гения. Поговори с ним насчет Сережи. Он ведь и твой сын. Пусть гений там поспособствует. Нам нужен этот брак. В конце концов, я не вечный. Кто-то должен будет заботиться о нашем сыне. Ему самому, кажется, вообще на все наплевать. Помоги мне. Ты же умная девочка. Целую тебя.

Надеюсь, еще можно?

ИЛЬЯ СЕМЕНОВИЧ

— Але! Але! Это Николай Николаевич? Але! Это я — Илья Семенович. С рынка возле универсама «Будапешт». В Кузьминках. Здравсьте, Николай Николаевич... Вы простите, что беседую с вами через автоответчик, но живьем вас никак по телефону застать не могу. Вот... Николай Николаевич, я,

собственно, насчет чего вам звоню... Ой, подождите, а я правильно начал говорить? Там сказали — после третьего сигнала. А я, кажется, не дождался. Сколько их там было, сигналов-то?.. Ладно, начну сначала... Здравствуйте, Николай Николаевич... Или перезвонить?.. Ладно, еще раз... Здравствуйте, Николай Николаевич. Вас беспокоит Илья Семенович с рынка возле универмага «Будапешт». Я хотел, собственно, переговорить с вами насчет сроков возвращения долга. Вот... То есть вы зря абсолютно волнуетесь по поводу денег. Деньги будут. Во-первых, магазин мой работает совершенно исправно. Просто сейчас возникли некоторые трудности, но деньги я вам верну. Все до копейки. Нервничать вам не надо. И ребят своих вы присылаете зря. А во-вторых, я ведь вам уже говорил, что скоро обстоятельства должны измениться. В лучшую сторону. В самую лучшую, Николай Николаевич. Вы меня слышите? В самую лучшую. У меня дочка скоро выходит замуж. Марина моя. Я же вам говорил. Помните? Сами знаете за кого. Ну а свадьбу как отыграем, я не только долги вам верну. Мы же с вами такие дела завернем вместе! Сами потом будете радоваться. Вы ведь помните, кто у моего будущего зятя отец? Вот так вот. Там такие возможности, Николай Николаевич, — дух захватывает... Надо только чуть-чуть подождать. Самую малость. Может, до осени. Или до зимы. Марина как раз со своим женихом в Италию собирается. Можете проверить, если хотите. По своим каналам. Люди они заметные. Вот... В Италию. Отдохнуть там... Повеселиться... Может, подождете чуть-чуть, а, Николай Николаевич? Я вам больше верну. Гораздо больше. Первоначальный процент мы можем пересмотреть. После свадьбы для нас это ведь уже будут не деньги. Смех один, а не деньги. Мы с вами такие дела завернем! Вот... Ну, всего вам хорошего. Спасибо за внимание...

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

Здравствуй, дорогой мой Сережа!

Вчера получила письмо от твоего отца и потом всю ночь не могла уснуть. Думала о тебе, вспоминала тебя совсем малень-

ким. Под утро даже всплакнула чуть-чуть. Ты ведь теперь, наверное, совсем большой.

Я не хочу отвечать твоему отцу. Не говори ему, что я тебе написала. Если он увидит письмо, просто соври ему что-нибудь. Ты, кстати, научился врать? Раньше совсем не умел. По тебе сразу все было видно. Ты был такой неуклюжий, смешной, когда пытался что-нибудь скрыть от меня. А я всегда про тебя все знала. До определенного возраста. Потому что потом ты изменился. Дети растут, Сережа. И это ужасно.

Я помню свой страх и растерянность, когда я поняла, что ты становишься другим. Все тот же милый Сережа — те же глаза, те же пухлые ручки. Но за этим уже как будто стоял кто-то другой. Мой сын. Я очень любила тебя. В самом начале обожала таскать тебя на руках. Носила до четырех лет. Мама говорила — отпусти, надорвешься. Но мне нравилось. Знаешь, такое удивительное ощущение. Ты был похож на младенцев с картин итальянских мастеров. Ангельское существо по имени «путти». Мне всегда хотелось взять их на руки. Пыхтел, карабкался изо всех сил. Потом засыпал, зажав в кулачке мои волосы. У тебя была невероятно нежная кожа. Можно было часами держать твою ручку в ладони, пока ты спишь. И гладить. Мне нравилось гладить тебя.

Но потом все переменялось. Все стало гораздо сложнее. Нельзя было просто взять тебя на руки и усыпить. У тебя появилась какая-то жизнь вне меня. Без меня. И даже против меня. Появились какие-то плечи. Ты ими стал без конца пожимать. Ты помнишь, когда у тебя возникла эта привычка? Пожимать плечами. Как будто закрывать дверь в свой подвал. Действительно, ты словно переехал в другое место. Перестал приходить ко мне в спальню по ночам. Неужели ты больше не просыпался? Да я ни за что не поверю. А значит, лежал там в темноте и боялся, но все-таки упрямо не шел ко мне. Упрямо.

Когда ты перестал слышать меня?

Милый Сережа, я так любила тебя, а ты уходил от меня все дальше. Может, надо было родить второго ребенка? Мама все время спрашивала меня об этом, но твой отец не хотел. Он говорил — надо вырастить хотя бы одного человека нормально, мы ведь не кролики, чтобы плодиться как на опушке леса.

А я думала — что в этом плохого? Быть белым кроликом на опушке среди цветов. Любить друг друга и слушать как жужжат пчелы. Тебе всегда очень нравилось ловить кузнечиков. Присаживался неуклюжей попой в траву и терпеливо сопел, вытягивая ладошку. Но твой отец говорил — мы не кролики.

А я, наверное, рожала бы и рожала. Мне нравилось смотреть на тебя.

Потом ты стал все больше походить на него. Вот этого я не ожидала. Я растерялась, потому что думала, что ты сам по себе. Я — это одна история. Твой отец — другая. А ты — совсем третья. Но оказалось не так. Я всегда думала, что Бог доверил нам тебя на время, потому что ты нуждаешься в помощи. Пузатый смешной незнакомец, заглянувший в мою жизнь на несколько лет. Возможно, самых счастливых. А потом, думала я, ты будешь свободен. От меня и от своего отца. От любых обязательств быть похожим на кого-то из нас. Я думала — ты будешь походить на себя. Только на самого себя и не на кого больше.

Но ты стал похож на него.

Со временем это становилось все заметней. Очевидно, это нравилось твоему отцу и поэтому он не хотел новых детей. Наверное, боялся, что больше такого сходства не будет. У меня иногда бывает ощущение, что он относился к тебе, как фотограф к удачному снимку — повезло со светом, с натурой, и пленка проявилась отлично. К чему напрягаться и делать все заново?

Потом начались твои бесконечные увлечения, которые ни к чему не вели. Отец поощрял их, но, кажется, даже он в конце концов стал раздражаться. Он боялся, что из тебя не выйдет ничего серьезного. Вот чего он хотел — серьезности. Просто так иметь сына он не хотел. Просто сына ему всегда было мало. Ты должен был отличиться. Что означало — ты должен был стать таким же, как он. Нормальная мания величия. Даже у самого глупого, самого неудачливого, самого неталантливого мужчины ее всегда хоть отбавляй. Вторичный половой признак. Прилагается к адамову яблоку и волосяному покрову на лице. Мужчинам не нужны сыновья. Им нужно большое зеркало. И чтобы никто не мешал смотреть в него без конца.

Что там у тебя было? Гимнастика, каратэ, плавание, теннис и, кажется, даже музыка. Это ведь не полный список. Зачем ты учился играть на фортепиано? У тебя же нет слуха. Я пыталась объяснить тебе, но ты пожимал плечами. Иногда вообще занимался абсолютной бессмыслицей. Скачивал картинки из Интернета и сортировал их по темам. Автомобили, пейзажи, карикатуры. Часами просиживал у компьютера, занимаясь этой чепухой. Я спросила тебя однажды — зачем, а ты сказал — может быть, пригодится. Или вдруг начинал следить за тем, чтобы на столе лежало одинаковое количество предметов. Никогда не могла понять, зачем ты считал эти вилки, тетради, резинки, и потом обязательно что-нибудь убирал, если результат не совпадал с какими-то твоими цифрами. Я не понимала тебя. Мне и сейчас кажется это полным бредом. Может быть, следовало почитать книжки по психологии подростков? Интересно, пишут ли там о поступках, совершаемых без всякой видимой цели?

Потом эта одежда. Ты даже слушать меня не хотел, когда я предлагала обсудить твой гардероб. Носил какие-то невысказанные шапки в виде кармана на голове. Это было ужасно. Я стеснялась выходить во двор рядом с тобой. Какие-то рваные джинсы. Вечно горбился как верблюд.

Потом даже просто поговорить с тобой стало для меня настоящим мучением. Ты перестал отвечать на вопросы. Нечленораздельно мычал. Издавал междометия. Ты не хотел смотреть мне в лицо. А мне так нужна была твоя помощь. Ты запирался у себя в комнате и без конца смотрел какой-то черно-белый фильм. Я не понимаю, как можно смотреть кино больше одного раза. Это же смертная скука. Тем более что фильму было уже пятьсот лет.

Наверное, все-таки мне надо было родить второго ребенка. И третьего. И потом еще. Ты знаешь, всю жизнь хотела родить девочку.

Твой отец пишет, что хочет женить тебя где-то в Италии. Не слушай его, если тебе не хочется. Слушай свое сердце.

Я очень люблю тебя.

Твоя мама.

12 июня 1998 года (2 часа ночи)

До самолета в Италию осталось двенадцать часов. Надо бы спать. Но я сижу и читаю, как это все получилось. Вот опять мой старый дневник.

2 февраля 1998 года

Ну вот, а говорил — не буду писать. Три года прошло. Быстро. Я даже не заметил.

Сегодня убежал от охраны. Давно хотел, но получилось только сейчас. Достали они меня. Ходят и ходят. Зачем отцу это нужно? Боится, что меня похитят? А может, так было бы даже лучше. Всем нам. Перестали бы делать вид, что мы друг другу родня. Отец с сыном. Еле здороваемся. Кому это надо? Он же ненавидит меня. Он думает, что мама из-за меня от нас уехала. Делать ей больше нечего.

Когда убежал от охраны — прыгнул в трамвай. А там меня поймал контролер. Где, говорит, ваш билетик? А я говорю — нигде. А он говорит — вот вы и попались. Я думаю — да плевать на тебя, и тут чувствую — мне сзади кто-то в руку что-то кладет. Я посмотрел — а там проездной билет. И на нем написано — «Единый». Я не понял, что значит «Единый», но контролер отошел. Ему уже было все равно. Я повернулся посмотреть, кто это мне проездной свой дал, а там стоит девушка. С таким знакомым лицом. Я посмотрел внимательно — а она похожа на Одри Хепберн. Я думаю — ни фига себе. Три года искал. И тут вдруг в трамвае. А контролер ей говорит — где ваш билетик? Я хотел ей проездной обратно отдать, но она мне глазами показала — не надо. Вынула деньги и заплатила штраф. Через две остановки мы с ней вышли, и я вернул проездной. Она говорит — вы что, в первый раз на трамвае едете? А я говорю — ну да. Она говорит — почему? А я говорю — я из Калуги. У нас там трамваев нет. Даже сам не знаю, почему так сказал. Наврал почему-то. Неудобно было про отцовского шофера ей говорить. А она говорит — ну, до свиданья. Я говорю — подождите, я должен вам деньги вернуть. Вы же штраф из-за меня заплатили. Она стоит и смотрит на меня. Глаза как у Одри Хепберн. Ждет, когда

я ей деньги верну. А я ей говорю — только у меня с собой денег нет. Она засмеялась и говорит — что же вы тогда про них заговорили? Я говорю — я вам потом верну. Где вас найти? Она мне телефон написала. Я потом посмотрел в компьютере — это должно быть где-то в Кузьминках. Одри Хепберн живет в Кузьминках. Прикольно.

А как, интересно, ее на самом деле зовут?

3 февраля 1998 года

Отец сказал, что наймет мне нового репетитора. Я его достал. Кто-то ему позвонил из школы. Придурки. Берешь осколочную гранату и кидаешь ее в учительскую. Кто не спрятался — я не виноват.

Отец говорит — через год надо ехать в Оксфорд, а я, типа, полный дебил.

Может, сказать ему, чтобы он пошел в жопу со своим Оксфордом? А я пойду в Красную армию. Попрошусь в «горячую точку», и пусть меня там убьют. Из гранатомета в голову. Или в сердце. Во славу российского оружия. Блин, ну и достали же меня все.

А насчет репетитора — это он зря. Я уже знаю все эти его приколы. Последний явно был нанят, чтобы просто на меня стучать. Ни фига он меня не учил. Тоже мне доцент МГУ. Женатый. Достал меня разговорами про свою жену. Я же не рассказывал ему про свои порнографические журналы. Но скоро стало понятно, что он «стучит». Отец несколько раз проговорился. А я потом специально через этого придурка запустил ему чепуху. И он на нее отреагировал. Гомосексуализм, говорит, это тупиковое поведение извращенных людей. А я говорю — ну не знаю. И тогда он говорит — я тебе в ухо дам. Вежливости как не бывало. А я говорю — ты уже один раз давал. Помнишь, три года назад? Когда вы еще с мамой ругались. Он смотрит на меня и молчит. Я говорю — я с тех пор этим ухом почти не слышу. Вот даже тебя сейчас еле слышно. Подожди, я к тебе другой стороной повернусь. Что ты сказал насчет тупикового поведения?

Доцент МГУ после этого вылетел как пробка. Я купил пару презервативов и положил их ему в портфель, а жене его по телефону сказал, чтобы она туда заглянула. Типа не ясно куда

это ваш муж ходит после лекций в университете. У нас он больше не появлялся. Видимо, она нашла ему занятие дома. Лысый козел.

4 февраля 1998 года

Одри Хепберн зовут Марина. Я сегодня ей позвонил. Взял у нее адрес. Это совсем рядом с универмагом «Будапешт». Надо ухитриться передать ей долг. Снова придется убежать от охраны. Не хочу, чтобы отец про нее узнал. Ни за что.

Марина — тоже красивое имя.

5 февраля 1998 года

Сегодня встретил Семенова. Он теперь учится в другой школе. Говорит, что высокого Андрея скоро освобождают. Он к нему ездил не так давно. Интересно, о чем они разговаривали? Еще говорит, что его отца скорее всего посадят. Прокуратура чего-то там у него нашла. Возбудили уголовное дело. Связи с бандитами, типа того. Короче, Семенов доволен. Говорит, что пока папаша на зоне, он все его денежки спустит коту под хвост. Я говорю — он же тебя убьет потом. Он смеется, говорит — пусть сначала поймает. Я так понял, что он куда-то за границу решил свалить. В принципе, если он знает, где отцовские деньги лежат, ему там плохо не будет. Лет на пятнадцать хватит наверняка. Он говорит — ты-то как? От матери что-нибудь есть? Я говорю — да нет, все нормально. Он говорит — ну, я как-нибудь забегу. Я говорю — смотри сам. Забегай, если хочешь. И потом говорю ему — а ты знаешь, на что я твои пятьдесят баксов тогда пустил? Он говорит — какие пятьдесят баксов?

6 февраля 1998 года

Отец привел нового репетитора. Сказал — это Александр Сергеевич. Я говорю — Пушкин? А репетитор говорит — всегда так все говорят. И смеется. Я думаю — ну и придурок. Что тут смешного? Отец говорит — ну, вы тут знакомьтесь. А я говорю — знакомы уже. Я Пушкина почти всего прочитал. А он говорит — Сергей, возьми себя в руки. Я говорю — не могу. Я не виноват, что я так много читаю. Он говорит — извините, Александр Сергеевич, сын у меня сегодня не в духе. А Пушкин говорит — не проблема. Мы быстро найдем с ним общий язык. Я думаю — ну давай попробуй.

7 февраля 1998 года

Никак не могу уехать в Кузьминки. Отец приказал охране глаз с меня не спускать. Догадался он, что ли? Надо что-то придумать. Нельзя, чтобы он про нее узнал.

8 февраля 1998 года

Снова разговаривал с Мариной по телефону. Она учится в театральном, на первом курсе. Будет актриса. Как Одри Хепберн.

9 февраля 1998 года

Номер с презервативами не пройдет. У Пушкина нет жены. Гомосексуалист, видимо. Сразу заметно, как у него глаза блестят.

10 февраля 1998 года

Сказал отцу, что Пушкин ко мне приставал. Он говорит — слушай, ты надоел мне. Я говорю — я знаю. Он говорит — в каком смысле ты знаешь? Я говорю — что я тебе надоел. Он говорит — перестань. Я говорю — нет, я правда про это знаю. Он смотрит на меня и молчит. И я молчу тоже. Потом он говорит — иди занимайся. Я говорю — а Пушкина уберешь? Он говорит — нет, иди занимайся. Я говорю — он гомосексуалист. А он говорит — иди занимайся.

Надо что-нибудь другое придумать.

11 февраля 1998 года

Сегодня сказал отцовскому шоферу, что мне надо в Кузьминки. Он говорит — А Павел Петрович? Я говорю — ему не надо. Это мне надо. А он говорит — я понимаю, но мы должны сообщить. Я говорю — я потом сам сообщу. Вечером. Он говорит — ладно, тогда поехали. А куда? Я говорю — в универмаг «Будапешт». Мне там одну вещь купить надо. Больше нигде нет. Только в этом универмаге. Он говорит — а что за вещь? Я говорю — зафигайзер. Он говорит — а. Я думаю — знать бы еще самому, что это такое. Но он не спросил. Типа образованный. Люблю я таких людей.

Возле «Будапешта» сказал ему подождать, а сам пошел к Марине. Там народу много на рынке. Он не заметил, что я мимо магазина прошел. У Марины дома сидел какой-то мужик. Сказал, что ее отец. Я спросил — где Марина? А он сказал — много вас тут таких ходит, чтобы перед каждым отчитываться.

Я сказал — я деньги принес. Он говорит — где? Я говорю — вот. А он говорит — маловато. Я говорю — это долг. Я принес долг за трамвайный штраф, который Марина из-за меня заплатила. А он говорит — непонятно, но все равно давай деньги сюда. Я говорю — меня Сережей зовут. Вы передадите Марине? А он говорит — деньги? Я говорю — нет. То, что я приходил. Он говорит — сколько угодно. Я говорю — можно я свой телефон оставлю? А она мне потом позвонит. Он говорит — ручку не дам. У меня ее уже десять раз такие, как ты, уносили. Я говорю — может, какой-нибудь карандаш? Он говорит — нет. И ждет, когда я уйду. А я говорю — подождите, я сейчас у соседей попрошу. Он говорит — некогда мне ждать. И закрыл дверь. Я взял у соседей ручку и опять к нему позвонил. Он открыл и говорит — не ушел еще? Я говорю — вот мой телефон. Только передайте, пожалуйста. А он говорит — иди, иди, не волнуйся.

12 февраля 1998 года

Марина не позвонила.

13 февраля 1998 года

Сегодня англичанка сказала, чтобы я принес из учительской журнал. У нее башка дырявая. Она забывает. Я вышел из кабинета и пошел на первый этаж. В учительской никого не было. И в кабинете директора тоже. Я взял журнал и пошел в туалет. Какой смысл торопиться обратно? Мы там всегда тусуемся, когда уроки идут. Хотел войти, но вдруг услышал голос Антона Стрельникова. Он вообще на английский не ходит. И я слышу, как Антон говорит — поэтому отец ему без конца репетиторов нанимает. Я думаю — про меня, что ли? И не стал входить. А Антон говорит — может, вообще его в психбольницу закроют. Класнуха сказала, что у него тараканы в голове. Я стою рядом с туалетом и думаю — ни фиги себе. А Антон говорит — у него точно башню снесло. С тех пор как его мамаша от них уехала. Крышу сорвало. Она тут в России трахалась со всеми подряд. Потом за границу свалила трахаться. Мать вчера со своей подругой на кухне эту тему перетирали. Они с ней в институте вместе учились, или типа того. В общем, знают ее давно. Прикинь? А Серега от этого ходит такой странный. Короче, папаша скоро определит его к докторам.

Я постоял возле туалета, а потом ушел. Отнес журнал обратно в учительскую. Отец дома сказал — что так рано? Я говорю — а ты? Он говорит — у меня обеденный перерыв. Я говорю — у меня тоже.

14 февраля 1998 года

Марина звонила. Сказала, что звонит второй раз. Спросила — кто это брал трубку? Мужской голос. Я подумал и сказал — никто. Это никто. Просто хозяин квартиры. Мы с мамой у него снимаем две комнаты. Дорого, но что делать? Сводим концы с концами. Она говорит — мой папа тебе нахамил? Я говорю — нет, все нормально. Можно с тобой увидеться? Она говорит — приезжай. Я говорю — ты знаешь Одри Хепберн? Она говорит — я ее обожаю, а что? Я говорю — ничего. Я скоро приеду.

15 февраля 1998 года

Пушкин меня достал. Решил серьезно научить меня алгебре. Говорит — сегодня будем заниматься интегралами. Я говорю — последний репетитор тоже так говорил. Он говорит — какой репетитор? Я говорю — тот, который был перед вами. Он говорит — хорошо. Не отвлекайся. Я говорю — последний репетитор тоже так говорил. Он говорит — что? Я говорю — он говорил: «Не отвлекайся». Пушкин смотрит на меня и говорит — может, начнем заниматься? А я говорю — последний репетитор тоже так говорил. Все время. И тогда он говорит — почему ты без конца про него вспоминаешь? Ты мешаешь мне объяснять интегралы. А я говорю — просто я его очень любил. Он был хорошим человеком. И тоже любил объяснять. Пушкин говорит — почему «был»? Я говорю — возникли проблемы. Он говорит — какие проблемы? Я говорю — не надо вам про это знать. А он говорит — нет уж, пожалуйста. И тогда я ему говорю — этот последний репетитор случайно увидел, как к моему отцу входит в кабинет один человек. И замолчал. А Пушкин смотрит на меня и ждет продолжения. А я молчу. И тогда он говорит — ну и что? А я говорю — ничего. Не надо было ему видеть этого человека. Пушкин говорит — почему? Я говорю — а вы разве не знаете, что за моим отцом следит прокуратура? Он говорит — в смысле? Я говорю — связи с организованной преступностью. Вы что, телевизор не смотрите? Вчера

рассказывали по НТВ. Он говорит — нет. Я говорю — надо было смотреть. Последний репетитор тоже был неосторожный. Тот человек, которого он увидел, не хотел, чтобы его видели у моего отца. Слишком высокое положение. Пушкин говорит — ну и что? В итоге-то что? Я говорю — в итоге я остался без репетитора. А он так хорошо мне все объяснял. Пушкин говорит — чепуха какая-то. Я говорю — чепуха? Вы, наверное, смелый человек. Я уважаю смелых. Впрочем, простите, что перебил вас. Вы, кажется, начали что-то об интегральном исчислении?

16 февраля 1998 года

Сегодня отец приехал из своей конторы намного раньше и сказал — зайти ко мне в кабинет. Обычно мы разговариваем с ним где угодно. Там, где на него найдет. Не обязательно в кабинете. Я говорю — а что за дела? Он говорит — ты почему в школу не ходишь? Ты думал — я не узнаю? Я говорю — ничего я не думал. Просто школа — дерьмо. Он говорит — ты знаешь, сколько она стоит? Это самая лучшая школа в Москве. Я говорю — да плевать мне сколько она стоит. А он говорит — ты как со мной разговариваешь? А я думаю — начинается. Он говорит — надо закончить школу. У тебя год выпускной. А я говорю — я лучше буду с Пушкиным заниматься. Тогда он говорит — а что за ерунду ты ему наплел насчет твоего последнего репетитора? При чем тут бандиты? А я говорю — Пушкин сам любопытный. Выспрашивал про тебя. Кто к тебе ходит. Кто о чем говорит. Может, он из налоговой? Или из ФСБ? А он смотрит на меня и молчит. А потом говорит — все-таки ты какой-то странный. А я говорю — я знаю. Хочешь к психиатру меня отвести? В психбольницу? Там, говорят, хорошо кормят. Он говорит — с чего ты взял? Я говорю — ты сам сказал, что я странный. А он говорит — я не это имел в виду. Просто ты ведешь себя как-то странно. Никуда не ходишь. Друзей у тебя нет. Теперь зачем-то ездил в Кузьминки. Я говорю — мне кое-что надо было купить. А на улицу я не хожу, потому что у меня арбуз продувает. Он говорит — что? Я говорю — арбуз. Он говорит — я понял. Только я не понимаю, что такое арбуз. Я говорю — это вязаная шапка. Она круглая, как арбуз. Сейчас все носят. Считается круто. Но продувает. Зима ведь еще. Мож-

но еще называть ее гондоном. Мне больше нравится арбуз. Так прикольное. Он посмотрел на меня и говорит — ладно, позанимайся пока с репетитором. Я договарюсь с твоей школой.

18 февраля 1998 года

Снова был у Марины. Застал ее наконец. Ее отца зовут Илья Семенович. Он сегодня опять был дома. Видимо, нигде не работает. Теперь он почему-то вел себя по-другому. Не так, как в первый раз. Сказал — извините, если я вам в прошлый раз нахамил. Такой вежливый вдруг. Я, говорит, болею сейчас, поэтому иногда несдержан. Но вам мы всегда рады. Заходите в любое время. А я думаю — странно, чего это с ним? Марина говорит — пойдём ко мне в комнату. А это мой младший брат. По имени Михаил. Я говорю — привет Михаил. Тебе сколько лет? А он говорит — сам привет. Мне уже пять. Я говорю — ты совсем взрослый. И он пошел. Такой маленький смешной медвежонок. В комнате Марина сказала — ты ему понравился. Я говорю — да? Откуда ты знаешь? Она говорит — он никому не говорит свой возраст при первом знакомстве. Я говорю — классно. Потом молча сидели, и я рассматривал ее комнату. Она говорит — ну как? Я говорю — а ты почему мне тогда в трамвае свой проездной отдала? Она помолчала и говорит — у тебя вид такой был. Я говорю — какой? Она говорит — такой... потерянный. Как будто ты потерялся. Как в детстве бывает. Знаешь, с маленькими детьми. Я говорю — да? А сам смотрю на ее лицо. Она говорит — чего ты на меня так смотришь? Я говорю — помнишь, я тебя спрашивал насчет Одри Хепберн? Она улыбнулась. Я говорю — она красивая. Я никогда в жизни таких красивых не видел. Тогда она взяла с другого кресла гитару и начала играть «Moon River» из фильма «Завтрак у Тиффани». И запела. А я смотрел на нее и думал — жалко, что Октябрина Михайловна умерла.

22 февраля 1998 года

Сегодня встретил у себя во дворе Антона Стрельникова. Не знаю, зачем он сюда приходил. Может, искал кого-нибудь. Или опять за училками бегал. Он любит за ними следить. В соседнем дворе живет одна. Историю ведет в параллельном классе. Он говорит — ты чего в школу не ходишь? Я говорю — а тебе-то что? Я же не спрашиваю, зачем ты ту-

да ходишь? Он говорит — все ходят. Я говорю — а я не хожу. Я не такой, как все. Я странный. Он говорит — а. Я говорю — и не фиг здесь акать. Он говорит — не понял. Я говорю — вали отсюда, козел. Он говорит — Серега, ты что, с ума сошел? Я говорю — это твоя мать со всеми трахается. Он замолчал и смотрит на меня. Потом говорит — что? Я говорю — трахается. Со всеми трахается.

23 февраля 1998 года

Пушкин утром спросил меня — а откуда синяк? Я говорю — сегодня День защитника Отечества. Он говорит — ну и что? Я говорю — поздравляю вас. Он говорит — спасибо. А синяк-то зачем? Я говорю — это семейная традиция. У меня отец любит старинные обычаи. Он считает, что настоящий мужчина должен легко переносить боль. Поэтому на 23 февраля всегда бьет меня кулаками. Пушкин говорит — как бьет? Я говорю — да вы не бойтесь. Мне совсем не больно. Просто у нас обычай такой. Мой дед тоже так его бил. И прадед. Отец часто вспоминает, как они собирались вдвоем и дубасили его время от времени. Пушкин говорит — зачем? Я говорю — чтоб привыкал. Мало ли что в жизни бывает.

24 февраля 1998 года

Сегодня не получилось съездить к Марине. Звонил ей два раза. И она мне один раз.

Заходил отец. Долго стоял посреди комнаты и ничего не говорил. Потом сказал — а кто это? Я говорю — Одри Хепберн. Ты же видел ее. Он говорит — на всех снимках одно и то же лицо? Я говорю — точно. Он говорит — а где ты их столько взял? Я говорю — из Интернета. Это еще не всё. Просто мне другие повесить негде. Он говорит — можно я вот сюда сяду? Я говорю — подожди, я оттуда фотографии уберу. Он посидел молча. Я тоже молчал. Потом он говорит — слушай, тебе ведь экзамены надо сдавать скоро. Я говорю — ну и что? Он говорит — ты без Пушкина не сумеешь. Я говорю — я не сумею? Он говорит — может, все-таки в школу пойдешь? Я говорю — давай на спор: ты выгоняешь Пушкина, а я сам готовлюсь к экзаменам. Он говорит — провалишь. Я говорю — давай на спор? Он говорит — вообще-то, он мне тоже не нравится. Я говорю — значит, договорились. Потом он говорит — а что у тебя в Кузьмин-

как? Я промолчал. А он говорит — ты туда уже несколько раз ездил. Я говорю — четыре. Он говорит — вот видишь. Я говорю — можно мы об этом поговорим в другой раз? Он говорит — ты уверен? А я снова ему говорю — можно?

3 апреля 1998 года

Не писал больше месяца. Все было хорошо. Теперь снова начались сюрпризы. Отец нанял нового репетитора. Не может никак успокоиться. Только это не совсем репетитор. Это какой-то балбес. Зовут Михаил. Фамилия Воробьев. Молодой. Даже без отчества. Может, лет двадцать пять—двадцать восемь. У меня таких репетиторов еще не было. И никаких учебников, никаких занятий. Отец придумал новую систему воспитания.

Сегодня этот Михаил повез меня к какой-то женщине. Сказал, что отец так велел. Привез в Александровский парк и оставил там сидеть на скамейке. Потом она меня забрала. Пока ее ждал, я чуть не замерз там. Она говорит — тебя как зовут? Я ей сказал. Потом говорю — а вас как? Она улыбнулась и говорит — Наталья Александровна. Я говорю — красивое имя. Такое же красивое, как и вы. Она говорит — надо же, ты где научился таким вещам? Я говорю — каким? Она говорит — как с женщинами обращаться. Я говорю — в кино видел. Когда приехали к ней, она мне сказала — раздевайся. Я снял куртку и сел на стул. Она говорит — совсем раздевайся. Я говорю — зачем? Вы что, доктор? Она говорит — нет, ты какой-то странный. Я говорю — про меня все так говорят. Даже отец. Он меня хочет в психбольницу отдать. А раздеться я не могу. Она говорит — почему? Я говорю — потому что мне холодно. И еще я стесняюсь. Вы ведь стоите тут. Уходить никуда не собираетесь. Она говорит — а как же мы будем заниматься любовью? Я говорю — никак. Она говорит — ну вот, опять все сначала. Вы что, специально меня прикалываете? Я говорю — я вас не прикалываю. Где у вас туалет? Она говорит — тебе плохо? Я говорю — меня тошнит, когда я нервничаю. Она говорит — иди скорей вон туда. А то, не дай бог, на ковер вырвет. Я сходил и потом вернулся. А она говорит — ты зачем тогда поехал со мной? Я говорю — мой отец этого хочет. Она говорит — интересный какой у тебя отец. А кто он? И я рассказал.

Я ей все рассказал. Не знаю, почему так получилось. Никому до этого не рассказывал, а ей рассказал. Про маму, про Октябрину Михайловну, про Одри Хепберн и про отца. Даже про Стрельникова рассказал и про Марину. Вообще все рассказал. Не знаю, почему так получилось. Она курила сигареты, плакала. Потом сказала — бедненький, как жалко-то мне тебя. А я говорю ей — простите, что все это вам рассказал. Но я не знал, как мне вам объяснить, зачем я сюда приехал. Она говорит — ничего, все нормально. Только ты должен своей девочке все рассказать. Не обманывай ее. Перестань говорить, что ты из Калуги. Расскажи ей, как мне все рассказал. Иначе будет плохо. В таких делах нельзя врать. Расскажи ей. Я говорю — я не знаю. Она говорит — расскажи. А то потом пожалеешь. Я говорю — ладно. А потом она отвезла меня в Александровский сад. Обратно на ту скамейку. А когда пришел Михаил, она дала ему сто долларов. И тогда я подумал — раз папа так хочет, чтоб я стал мужчиной, надо оправдать его ожидания. И говорю Михаилу — а давай возьмем проститутку. Видно было, что он удивился. Потом посадили на Тверской в машину какую-то девушку и поехали к Михаилу домой. Она по дороге много болтала. Видимо, нервничала. Тоже, наверное, в первый раз. Когда приехали, Михаил остался в машине. У него квартира однокомнатная. А девушке я сказал, чтобы она чай попила. Она говорит — не будем трахаться? Я говорю — не будем. Только ему ничего не говори. Она говорит — а деньги? Я говорю — вот, возьми. Она говорит — странные вы какие-то. Я говорю — надо посидеть минут десять. Потом она ушла, и я остался один. Мне опять стало плохо. Раньше так плохо не было никогда.

4 апреля 1998 года

Машину Воробьеву, оказывается, дал отец. Это, оказывается, не его машина. Значит, я могу теперь ездить с ним, куда захочу. Не надо больше просить отцовского шофера. И отец не узнает. Главное, чтобы Воробьев не проболтался. Но ему, кажется, все равно. Его интересуют только деньги. Интересно, сколько ему платит отец? Впрочем, плевать. Важно, что теперь есть машина. Будем ездить к Марине. Всегда.

Ну ужели наконец повезло? Только бы он его не уволил.

13 июня 1998 года (почти утро уже)

На этом закончился мой старый дневник. В тетрадке больше не было места. Да и некогда было писать. К экзаменам едва приготовился. Тем более что пришлось их сдавать экстерном. Отцу так не терпится улететь в Италию. Пора ложиться спать. Хотя за окном уже явно светает. Завтра поедем жениться. На итальянской Паоле. Вернее, уже сегодня. Правда, отец говорит, что это только предварительное знакомство. Необходимо ждать до двадцати одного года. Пусть ждет, раз ему так нравится.

Когда будем в Риме, надо попросить кого-нибудь, чтобы показали те места, где снимались «Римские каникулы». Обязательно.

Интересно, что сейчас снится Марине?

14 июня 1998 года

Здесь жарко. После Москвы настоящее пекло. Крутом один футбол. Во всех окнах портреты игроков итальянской сборной. Скоро чемпионат мира. Может попросить отца, чтобы отпустил нас во Францию? Тут, в общем, недалеко.

Вчера ездили в гости. Знакомиться. Сразу, как только приехали из аэропорта. Я ему сказал — зачем так рано? А он говорит — у них тут так принято. Вежливость. Я думаю — какая вежливость, если после самолета еще тошнит? Но вслух не сказал. А какой смысл? Он так завелся по этому поводу, что его теперь фиг остановишь. Привез с собой из Москвы кучу каких-то альбомов. Вот, говорит, все что осталось от твоей мамы. Увлекалась итальянской живописью. Ренессанс. Теперь наконец пригодится. Хоть какой-то от нее толк. Она тебе не писала? А то я отправлял тут ей недавно письмо. Но она не ответила. Не писала тебе? Я говорю — нет, не писала. Он говорит — точно? Я говорю — сто процентов. Он говорит — короче, возьми, в свободное время потом полистаешь. Я говорю — ты сам полистай. Он говорит — ты как со мной разговариваешь? Я говорю — а на фига мне твой Ренессанс? Он помолчал, потом говорит — ну, проявишь где-нибудь эрудицию. Я говорю — перед кем? Он посмотрел на меня и говорит — слушай, ты мне надоел. Давай собирайся.

И мы с ним поехали.

А в машине сломался кондиционер.

Я говорю — надо было после самолета хоть душ в отеле принять, а то в этой жаре мы с тобой совсем провоняем. Два потных русских. Он говорит — перестань нести ерунду. Я и так нервничаю из-за тебя. А его переводчик Дима добавляет — три. Отец говорит — что? А Дима говорит — три потных русских, Павел Петрович. Нас ведь трое. Он смотрит на Диму и на меня, а потом говорит — вы бы, Дима, открыли лучше окно. А то ведь и вправду дышать нечем.

Этот Дима живет тут в Италии уже третий год. Постоянный представитель отцовской фирмы. Или что-то типа того. В общем, он суетится.

Когда приехали наконец, дверь нам долго не открывали. Я думаю — говорил я, — надо было в отеле сидеть. Какой идиот будет мотаться по городу в такую жару? Смотрю на отца — а он тоже начал уже смущаться. Совсем не такой как в Москве. Без понтов. Просто стоит у этих итальянских железных ворот и смущается. Ему непривычно у чужих ворот стоять. Особенно когда их долго не открывают.

В итоге появилась девчонка. Когда она вышла из-за деревьев, я подумал — зачем они нанимают такую уродливую прислугу? Она им всех гостей распугает. Страшная, как ядерная война. Подошла, спросила что-то у нас и потом дернула за ручку. Ворота открылись. Дима стал разговаривать с ней, а мы с отцом пошли к дому. Через минуту он нас догнал. Запыхался. Говорит — а синьора Пануччи еще нет. Он еще не приехал. Отец говорит — жаль. А я ничего не говорю. Молчу. Я и так все сказал. Еще в отеле. Дима добавляет — но можно его подождать. Можно познакомиться пока с его дочерью. Я думаю — наступает самое интересное. Где моя суженая? Отец говорит — ну что же, тогда пошли в дом. А эта уродина уже стоит на крыльце и нам улыбается. Я думаю — круто обошлась с ней судьба. Хорошо хоть в богатый дом попала. Здесь ее никто не видит. Только придурки миллионеры. А их уже фиг чем удивишь.

Мы прошли за ней в большую комнату, и она принесла туда нам попить. Потом позвала с собой Диму. Я взял бутылку «Хайнекен» и стакан. А отец говорит — подожди, она сейчас совсем уйдет. А то расскажет хозяевам, что их будущий зять

хлещет пиво. И вообще, ты где это научился? Я говорю — меня Воробьев научил. Он сказал, что это была твоя идея.

В этот момент вернулась уродина. Дима с ней. Принесли какой-то специальный столик.

Мы сели вокруг него и сидим. Отец налил мне пепси-колы. Я думаю — спасибо тебе. А Дима с уродиной говорят о чем-то по-итальянски. Отцу наконец надоело, и он вмешался в их разговор. А где, говорит, синьорина Паола? Она спустится к нам или нет? Я думаю — ни фига, папа крутой. Знает слово «синьорина Паола». А Дима так странно посмотрел на него и потом говорит — так вот она, Павел Петрович. Это и есть дочь синьора Пануччи. Синьорина Паола.

Отец поперхнулся своим лимонадом, а потом посмотрел на меня. Видимо, ему наконец стало меня жалко. Но мне было уже все равно.

15 июня 1998 года

Плевать я хотел на его жалость. Пусть он ею подавится. Сажу в отеле. Никуда не хожу. На улице тротуары плавятся от жары. По телевизору ничего не понятно. Все на итальянском. Завтра приедет Марина.

16 июня 1998 года

Они не приехали.

17 июня 1998 года

Снова ездил на вокзал встречать поезд из Вены. Дима всю дорогу ныл, что эти пробки его доконают. У него желчный пузырь. И поджелудочная железа. Раз сто, наверное, повторил. Но я не могу без него ездить. Даже расписание поездов толком не смогу прочитать. Я ему сказал, что он может выходить из машины, пока мы стоим в пробках. Он говорит — большое спасибо. Злится.

А кондиционер так и не починили.

Полчаса стоял на перроне, после того как все пассажиры ушли. Дима говорит — все уже ушли. Больше никого нету. Я говорю — спроси у проводников. А он говорит — что я у них спрошу?

18 июня 1998 года

Отец сказал — зря ты отказываешься ехать к Пануччи. Мы вчера у них здорово посидели. Паола спрашивала о тебе. Я говорю — может быть, хватит? А он говорит — чего ты заводишься так из-за своего Воробьева? Я говорю — я не из-за него завожусь.

Между прочим, правду сказал.

А отец говорит — слушай, ну я ведь не знал, как она выглядит. Но когда привыкаешь, то она, в общем, нормальная. Я говорю — в общем? Он говорит — она хорошо поет.

Дима сказал, что сегодня со мной не поедет. У него запланирован визит к врачу. Это он так выразился — «запланирован». Любит такие слова.

19 июня 1998 года

Они не приехали. Я уже не знаю, что происходит. Может, у них поезд сошел с рельс?

20 июня 1998 года

Меня достала эта гостиница. И Италия меня достала тоже. Сказал отцу, что не поеду к Пануччи, пока не появится Воробьев. Он говорит — слушай, ну это же неприлично. А я ему говорю — да?

21 июня 1998 года

Отец говорит — ты что, каждый день на вокзал ездить будешь? Я говорю — поезд из Вены приходит каждый день. А что? Он говорит — ничего. Просто Дима жалуется. Может, ты сегодня отпустишь его?

22 июня 1998 года

Дима уже не нужен. Я на этом вокзале без него знаю все сам. Сегодня чуть не опоздал к венскому поезду. Пробки. Если они не приедут завтра, я сойду с ума.

23 июня 1998 года

Носильщики угощают меня лимонадом. На перроне стоят слишком жарко. Все время что-то говорят и смеются. Без Ди-

мы я их не понимаю. Наверное, они уже запомнили меня. Один все время размахивает руками и целует воздух. Другие смеются. Ненавижу итальянский язык.

24 июня 1998 года

Отец сказал, что из-за меня, видимо, все сорвется. Я сказал, что не из-за меня. Тогда он сказал, что красота — не самое важное. С лица воду не пить. А я ему сказал — с какого лица? Он сказал — слушай, ну, может, все-таки поедешь? Неудобно. Мы ведь уже десять дней здесь торчим. Я говорю — сколько? Он говорит — десять дней. Я говорю — ни фиги себе. Где же они застряли? А он говорит — кто?

25 июня 1998 года

После того как все пассажиры венского поезда сегодня ушли, носильщики опять надо мной смеялись. Один изображал женщину, а другой как будто к нему приставал. Видимо, поняли, зачем я сюда приезжаю. Скоро начнут делать между собой ставки — дождусь я или не дождусь.

Пусть смеются.

Я дождусь.

26 июня 1998 года

Утром спустился в фойе, а там стояла Марина. И рядом с ней Воробьев. Я подошел к ним и говорю — привет. Они говорят — о, привет. Ты что так рано встаешь? Я говорю — на вокзал ехать хотел. Они говорят — да? Зачем? Я говорю — вас встречать. Скоро придет венский поезд. А они говорят — мы не из Вены приехали. Мы там были давно. Я говорю — да? А откуда? Они говорят — из Венеции. Знаешь, как там красиво? Решили по дороге заехать в Венецию. Я говорю — представляю себе. Они говорят — жалко, что ты с нами не поехал. Надо было всем на поезде ехать. Очень удобно. Можно пересаживаться в любом городе, где захотел. Я говорю — а я вас тут уже десять дней жду. Марина смотрит на меня и говорит — ты же на нас не сердись? А я думаю — десять дней. Десять поездов из Вены. Сколько тысяч людей, интересно, на них приехало?

Она говорит — знаешь, как там красиво? В Венеции.

26 июня 1998 года (вечер)

Отец сказал — поселим Михаила с его девушкой в одном номере. Я говорю — как? А он говорит — очень просто. Ты ведь сам сказал, что они скоро поженятся. Я говорю — я сказал? А он говорит — или Михаил. Я уже не помню, кто сказал. Кто-то из вас. А что? Это важно? Я говорю — да нет, вроде бы. Не важно. Только они еще не женаты. А он говорит — да перестань. Кого это в наше время волнует? Михаил будет нам только признателен. Вот увидишь. В таких делах всегда важно чуть-чуть подтолкнуть. Я говорю — кого? Он смотрит на меня и улыбается. Потом говорит — не «кого», а «что». Я говорю — что подтолкнуть? Он говорит — обстоятельства. А вообще эта Марина очень симпатичная девушка. Передай Михаилу, что у него хороший вкус. Кого-то она мне напоминает. Ты не знаешь — кого? Я говорю — нет, не знаю. Он говорит — ну, ладно. Но насчет вкуса ты ему все-таки передай.

А потом я пошел к Марине и сказал ей про идею отца. Она просто пожала плечами. Я говорю ей — а как это будет? Она говорит — да ничего. Говорит — я потерплю. Я говорю — а я? Она снова пожимает плечами. Я, говорит, видела этот номер. Там кровать и еще диван есть. Он как бы в другой комнате. Я говорю — двухкомнатный, что ли, номер? А она говорит — ну не совсем. Там есть такой как бы предбанничек. И я говорю — Воробьев в этом предбаннике будет спать? Она смотрит на меня и говорит — а ты хотел, чтобы я там спала? Я говорю — нет. И потом мы долго молчали.

27 июня 1998 года

Пришлось сегодня поехать к Пануччи. Отец говорит — ты же обещал. Сидели у них в гостиной, смотрели на стены. Дима без конца с ними разговаривал. Тоска зеленая. Отец перед этим сказал — ну, если не хочешь, ты, конечно, на ней не женись. Но времени-то все равно еще много. Сейчас надо просто познакомиться. Мало ли что произойдет за три года.

А я потом сижу у них в гостиной и думаю — действительно, мало ли что.

Воробьев говорит, что в Венецию — это Марина предложила поехать. Сказала, что надо дать мне немного времени.

Я говорю — зачем? Воробьев говорит — я не знаю. Ты у нее спроси. Я говорю — а что вы там делали? Он говорит — ну ничего. Я говорю — как ничего? Он говорит — голубей кормили. Я говорю — а еще? Он говорит — на пароходе катались. Я говорю — на каком? Он говорит — маленький такой. Ходит по всей лагуне. На нем можно уехать на остров Лидо. Я говорю — а что там, на острове? Он говорит — ну, рестораны. Туристы там. Всякая чепуха. Я говорю — а еще что вы там делали? Он говорит — да больше, в общем-то, ничего. Сидели на площади святого Марка. Я говорю — на какой площади? Он говорит — святого Марка. Там вообще все сидят. Кафе всякие, голубей много. Столики стоят прямо на улице. Я говорю — классно. Он смотрит на меня и говорит — вообще-то нормально было. Жаль, что ты не поехал с нами на поезде. Я говорю — жаль. А он говорит — нет, правда.

30 июня 1998 года

Отец зашел сегодня в номер к Воробьеву с Мариной и говорит мне — опять здесь сидишь? Я говорю — в каком смысле «опять»? Он улыбается и говорит — вот когда сам соберешься жениться, тогда и узнаешь. Я говорю — что я узнаю? А он продолжает улыбаться и говорит — цену друзьям. Я говорю — в каком смысле? Он говорит — во всех. Особенно в том, насколько они будут готовы оставить тебя наедине с твоей избранницей. Так ведь, Марина? Она говорит — нет, что вы, Павел Петрович. Сережа нам совсем не мешает. Нам здесь так весело втроем. А он говорит — втроем не бывает весело. Она смотрит на него и спрашивает — а как бывает втроем? Он говорит — втроем обычно бывает очень грустно. Но это все лирика. И потом обращается ко мне — я зашел за тобой. Сегодня вечером надо поехать в гольф-клуб. Я говорю — я не играю. А он как будто меня не слышит. Какая у вас интересная кровать, говорит. И смотрит на большую резную спинку. Потом говорит — надо же, какая красота! А что, интересно, здесь такое вырезано. Тут, кажется, целая история. Подождите, я сейчас альбом принесу. У меня где-то есть там такая же резба. Или похожая. Пока он ходил к себе в номер, мы сидели и смотрели друг на друга. Потом

он принес огромный альбом. Радостный, что все-таки пригодился. По крайней мере, не зря тащил эти кирпичи из Москвы. И Диму с собой привел. Говорит — вы знаете, древние греки в спальнях молодоженов на стены вешали изображения прекрасных богов. Считалось, что если в момент зачатия влюбленные смотрят на красивые лица, то и ребенок будет красивым. Вы верите в такие вещи, Марина? Она говорит — ну, я не знаю, Павел Петрович. Это как-то... А он говорит — обязательно надо верить. Не зря ведь вы с нами поехали. Посмотрите, какая у вас великолепная кровать. На такой кровати должны зачинаться только очень красивые дети. Так и сказал — «зачинаться». Меня чуть не вырвало. А Марина смотрит на него и улыбается. И Воробьев улыбается тоже. Даже Дима начал как-то так кривить лицо. Отец говорит — ну вот, точно. Я же вам говорил. Смотрите. В этом альбоме точно такая резьба. Что тут написано? Читаем — «Житие Иакова». Интересно, а кто это? Но резьба та же самая. Слушайте, неужели у них в гостиницах стоит такая древняя мебель? Что тут написано? Смотрите — 16-й век. Да сколько же она может стоять? А Дима говорит — это кровать не настоящая, Павел Петрович. Они сейчас много таких копий делают. Модно. Стараются, чтобы под старину. Отец говорит — да? Жалко. Но все равно ведь красиво. Надо же — житие Иакова на спинке кровати. Интересно, кто же он был такой? Наверное, какой-нибудь религиозный деятель. Дима говорит — я не в курсе, но, если хотите, сегодня к вечеру все узнаю. Отец говорит — да-да, ты давай там, пожалуйста, подсуетись. И потом снова обращается к Марине — но дети все равно должны быть красивыми. А потом к Воробьеву — так что давай, Михаил. Не ленись. Через девять месяцев будем крестить итальянского мальчика. Вы, Марина, кого больше хотите? Мальчика или девочку? Она смотрит на него, потом на меня и говорит — мы как-то еще не решили, Павел Петрович. Тогда он говорит — мальчика лучше. Хотя с ними тоже проблемы. Ты идешь или нет, Сережа? Машина давно ждет. Я говорю — а у тебя там еще много альбомов? Он говорит — есть. А что? Я говорю — ничего. Я лучше в гостинице посижу. Альбомы твои полистаю.

2 июля 1998 года. Ливорно

Это уже не Флоренция. Поэтому пишу на какой-то левой бумаге. Ночевал на вилле сына министра финансов. Теперь смотрю на море. Его видно прямо из окна. И слышно. Жду, когда придет Марина. Уехала смотреть лошадей. Вдвоем с этим сыном. Он тоже лошадей очень любит.

Вчера отец сказал, что нас пригласили на вечер к министру финансов. Я сказал, что не поеду. Тогда он говорит — ты и так никуда не едешь. Я один везде за тебя отдуваюсь. А я говорю — это не моя идея была. Он говорит — собирайся, короче. Хватит болтать. Синьор Пануччи с большим трудом раздобыл для нас это приглашение. У них сегодня двойной праздник. Синьор Кавальканти отмечает свое назначение на должность министра, а его сыну исполняется двадцать один год. Я говорю — о, совершеннолетний уже! Может, лучше он тогда женится на Паоле? Отец говорит — кончай нести ерунду. Опоздаем. Я говорю — а Воробьев с Мариной? Он говорит — слушай, дай ты им хоть немного побыть вдвоем. Ты же вечно сидишь у них в номере. Имей совесть. Я говорю — а что это такое? Он говорит — давай скорее. Там уже все собрались. Я говорю — и Паола? Он смотрит на меня и потом говорит — короче, давай махом. Ты замучил меня разговорами.

Когда приехали, было уже темно. Дима всю дорогу трещал про этого Кавальканти. Потом пошли в сад, и он начал громко считать — во сколько обошлось освещение целого леса. Я говорю — а чего он тогда не в Риме живет, если он министр финансов? Дима говорит — подождите. Все еще впереди. Это знаете какой большой успех для флорентийской политики? Синьор Кавальканти ведь был простым членом парламента от Тосканы. А теперь представляете себе — как высоко он взлетел? Нет, вы представляете? Я говорю — я представляю, но, вообще-то, мне все равно. Пусть он будет хоть папой римским. А Дима говорит — не скажите. Для флорентийцев синьор Кавальканти теперь просто святой человек. Но папой он, к сожалению, стать не может. Я говорю — да? А почему? Он говорит — надо сначала быть кардиналом. А я говорю — но вы же сами сказали, что он святой человек. Тут вмешался отец и сказал — Сергей, хватит придуриваться. И перестань пить эту гадость.

Когда выпили все, что было в стеклянном ведре, Дима сказал — пора подниматься наверх. Там сейчас будут танцы. Я говорю — танцевать будут? Вот эти в смокингах будут сейчас танцевать? А он говорит — ну, не так, как вы думаете. Это ведь не ночной клуб. Там у них целый оркестр. Другие танцы. Я говорю — например? Он говорит — вальс, танго. Вы умеете? Я говорю — нет. Папа умеет. А отец говорит — Сергей, прекрати. Я говорю — чего прекрати? Сейчас папа станцует танго. А он говорит — перестань издеваться. Мне надоело уже. Я говорю — да?

Наверху Дима мне говорит — посмотрите, а это разве не Марина? Я говорю — где? Не может этого быть. А он говорит — вон там. Рядом с синьором Кавальканти. Я говорю — точно Марина. Что она здесь делает? А Дима говорит — интересно, как она попала сюда без приглашения? Я смотрю на нее, потом на этого синьора Кавальканти и говорю — а почему это он такой молодой? У них что, в Италии такие молодые министры? Дима говорит — это младший синьор Кавальканти. У него день рождения. Его отец стоит вон там. Возле колонны. Видите? Я говорю — вижу. Плевать я на него хотел. Отец говорит — Сергей, ты, кажется, много выпил. Что там они намешали в этот сироп? Дима говорит — ничего особенного, Павел Петрович. Фруктовый сок, немного вина. Это не должно быть крепким. Я говорю — нормальный сироп. Надо будет дома такой же сделать. Пойду к Марине, поговорю. Дима говорит — нельзя сейчас к ней подходить. Она ведь беседует с сыном хозяина дома. А нас еще не представили. Я говорю — ну, так пойдем и представимся. Какие проблемы? Дима говорит — нельзя, подождите.

Но я-то уже пошел.

А там народу так много. И все прямо на дороге стоят. Толкаются. Но я Марину не выпускаю из глаз. Иду как штурман. Прокладываю курс. Слышу — сзади кто-то уже закричал. Похоже, стакан уронили. За столом надо пить, господа итальянцы. Стоя пить вредно. Хорошо еще хоть танцы не начались. Если бы они начали вокруг меня танцевать, я бы тогда точно до другого конца зала уже не добрался. Закружили бы меня. А так просто стоят и болтают. А я тихонько сквозь них иду.

Как ледокол. Ориентир — голова Марины. Исчезает время от времени, но я все иду. Русские не сдаются.

Дошел.

Говорю — привет.

Она говорит — о, какие мы уже пьяные.

Я говорю — классное платье. Где взяла?

При этом стараюсь отчетливо говорить. Проговариваю все звуки. Но трудно.

Она говорит — нравится? Специально для этой вечеринки купила. Знакомься — это синьор Кавальканти. Его зовут Маттео. Я говорю — здарсьте. А мы уже знакомы. Мне про вас Дима все рассказал. Вернее, про вашего папу. У вас очень крутой отец. Почти такой же, как мой. Только еще круче. Как вы с ним справляетесь? Потому что я с моим не справляюсь никак. Неправильный такой папаша.

Марина говорит — подожди, подожди, Сергей. Он не понимает по-русски. Хочешь, переведу ему на английский язык? Я говорю — а на фига? Ты, вообще, откуда взялась? Как ты сюда попала? Ты знаешь, что я чуть не умер, пока ждал тебя из Москвы? А ты была со своим Воробьевым в Венеции. Как ты попала сюда? Чем вы там занимались?

И в этот момент прямо у меня над головой заиграла музыка. Грохнула изо всех сил.

Точно как обещал Дима.

Вальс.

Я поднял голову, чтобы посмотреть, и потолок надо мной начал кружиться. Оркестр сидел на балконе. Где-то на втором этаже. Или на третьем. Я не успел рассмотреть. Кто-то меня поймал за плечо. Если бы не поймали — я бы, наверное, упал. Потом посмотрел вокруг, а Марины уже нигде не было. И этого Кавальканти. Все кружились. Весь зал кружился вокруг меня. Я думаю — как это они не падают? Я бы на их месте точно упал. Кружатся как заведенные. Летят по всему залу. И музыка ревет прямо над головой.

А потом снова увидел Марину.

Она кружилась с этим сыном министра.

И я подумал — чтоб они сдохли, все эти сыновья. Прямо в свой день рождения. Посреди зала, где все кружатся.

Я понял, что я ненавижу вальс.

2 июля 1998 года. Ливорно (после обеда)

Марина все еще не приехала. Наслаждается лошадьми. Дима говорит — пойдете к морю. Я говорю — меня от него тошнит.

Если она не появится через два часа, я вернусь во Флоренцию. Отец звонил уже два раза. Спрашивал — присылать машину за мной или нет. Я ему говорю — а Марина? Он говорит — она все еще там? Я говорю — нет. Она уехала на конюшню. Он говорит — и Михаила до сих пор нет. В гостинице не ночевал. Ты выяснил, как она попала вчера на этот вечер?

После вальса было еще много всего. Танец за танцем. А я сидел на диванчике и думал — у них что, ноги железные? Разве можно танцевать без конца? Как будто прилипли друг к другу. Взять гранату и кинуть на балкон, где сидит оркестр. Чтоб не играл.

Или подойти и толкнуть.

А Дима говорит — когда закончатся танцы, все поедут в Ливорно. К синьору Маттео. У него там своя вилла. Я говорю — зачем? Он говорит — кататься на яхте. Синьор Маттео — великолепный яхтсмен. Я говорю — он великолепный урод. Дима говорит — не скажите. Самый завидный жених. За ним теперь охотятся все итальянские невесты. Настоящий принц. Говорят, в герцогском доме в Монако начали наводить о нем справки. У них там тоже принцессы. Я говорю — а в жопу он пошел. Дима смотрит на меня и молчит. Я говорю — чего смотришь? И ты пошел в жопу.

Потом все стали садиться в машины. Началась толкотня, и я потерял Марину из вида. Заметил их только на улице. Она сядилась с этим Маттео в спортивный автомобиль. Я нашел отца и сказал, что хочу поехать в Ливорно. Он говорит — хорошо. Тогда я отправлю Диму с тобой. Я говорю — только в другой машине.

Пока ехали, я все время искал этот спортивный автомобиль. Но в темноте ни фига ведь не видно. То одна машина обгонит, то другая. Только огоньки светятся. Я говорю шоферу — быстрее давай. А он смеется. Не понимает. Еще итальянки какие-то без конца на меня наваливаются. Чуть не за-

дохнулся от этих духов. Кончайте, говорю им, толкаться. Дуры, что ли, совсем? Сами вальс только что танцевали. Мне надо одну спортивную машину догнать. А вы мне мешаете. Понятно? А они лезут целоваться. Пьяные уже совсем. Я говорю — отвяжитесь, дуры. Мне надо в Ливорно. А они кричат — Ливорно, Ливорно! Bravo, Ливорно! Я говорю — чего разорались? В театре, что ли? Давай быстрее, шофер. А то меня сейчас вырвет.

Когда приехали, я сразу увидел этот спортивный автомобиль. Рядом с причалом. В автомобиле никого не было.

Я говорю — а где синьор Маттео? Хозяин ваш где? Вокруг все смеются. Наливают мне шампанского из разных бутылок. Облили пиджак. Я думаю — где этот дурацкий Дима? А они тянут меня в разные стороны. Потом в небе как долбанет. И начался фейерверк. Вокруг все кричат, обливают друг друга шампанским. Я им кричу — не лезьте ко мне. Где ваш Маттео? Они целуются, хохочут, хватаются за меня. Потом я смотрю — на яхте возле причала Марина стоит. Стоит и куда-то вверх смотрит. На фейерверк. А рядом этот Маттео.

2 июля 1998 года. Ливорно (почти вечер уже)

Я уезжаю отсюда. Достали они меня. Только что позвонил отцу. Сказал, чтобы прислал машину. Он говорит — Воробьев наконец появился в гостинице.

Поеду поговорю с ним. Непонятно, как она вчера попала на этот вечер.

Они вернулись часа полтора назад. Я говорю — ну, как местные лошади? Она говорит — классно. Никогда еще не каталась на таких лошадях. Умней человека. Я говорю — на человеке ездить прикольной. Она говорит — ты о чем? Я говорю — да так. Не обращай внимания. Познакомила бы ты меня со своим Маттео. А то от него тут все прямо без ума. Она говорит — он не мой. И я тебя с ним вчера уже познакомила. В это время как раз этот самый Маттео к нам подошел. Она ему что-то по-английски сказала. Он посмотрел на меня, улыбнулся и поманил за собой. Мы пришли к нему в кабинет, и Марина сказала, что он хочет сделать мне подарок. Я говорю — круто. Давно мечтал. Он открывает какой-то шкаф и

вынимает оттуда пистолет. Маленький револьвер с таким коротким дулом. Марина говорит — нравится?

А я смотрю на него и думаю — ну, наконец-то.

2 июля 1998 года. Снова Флоренция (очень поздно)

Воробьев не знает, когда Марина познакомилась с этим Маттео. Он вообще о нем ничего не слышал. Говорит — это что, такой футболист? Я говорю — при чем здесь футболист? Это совсем другой человек. Просто она откуда-то его знает. Когда я ее там увидел, она с ним уже разговаривала. А он говорит — разговаривала? Так это нормально. Ты что, Марину не знаешь? Ей только надо было туда попасть. А разговаривать она может уже с кем угодно. Хоть с принцем Уэльским. Я, правда, не знаю — есть такой? Я говорю — при чем здесь принц Уэльский? Как она туда попала? Он говорит — нормально попала. Купила себе платье и вошла. Охранникам немного мозги вправила. Они ее сначала не хотели пускать. Я говорю — а как она туда добралась? И где ты ночевал? Почему у тебя ссадины на лице? Ты что, с кем-нибудь дрался? Я вообще ничего не понимаю. Что происходит? А он смотрит на меня и говорит — ты успокойся сначала. Чего ты орешь? Таким тихим голосом сказал, а сам на меня смотрит. И я на него смотрю. Молчали, может, минуту. Потом я ему говорю — ну ладно. Как она туда попала, в конце-то концов? Он говорит — хочешь узнать? Завтра тебе расскажу. Утром. Я больше суток из-за нее не спал. Достали вы меня с этой Мариной.

3 июля 1998 года

Воробьев еще не проснулся. Дима тоже не приезжал. Может, он все еще в Ливорно? А Марина?

Отец говорит — чего так рано вскочил? Я говорю — а сколько времени? Он говорит — пять утра. Я говорю — в соседнем номере шумят очень сильно. А он говорит — это американцы. Позавчера еще начали свой День независимости отмечать. Как русские, ей богу. Я говорю — ты спи. Я пока один посижу. А он говорит — слушай, ты в последнее время какой-то странный. Чего ты нервничаешь? Ну не хочешь жениться — так не женись. Никто тебя заставлять не будет. Я ведь не знал, что она

такая, ну, не красивая. Я говорю — да-да, я понимаю. А он говорит — опа. Это они драться, что ли, там решили с утра? Слышишь? Я говорю — слышу. А он говорит — их уже разнимали. Полиция приезжала в тот вечер, когда ты уехал в Ливорно. Никого с собой не забрали. Любят американцев. Или рассчитывают на их доллары. Они тут на свои праздники много оставят. Как там было-то? Я говорю — где? Он говорит — в Ливорно. Я говорю — нормально. Салют смотрели. Он говорит — а еще? На яхте катались? Я говорю — я не успел. Может, они потом без меня поплыли. Он говорит — а Марина? Я говорю — что? Он говорит — она-то там с какого боку? Я говорю — я не знаю. Он говорит — надо же какая сообразительная девушка оказалась. Меня даже сам министр потом про нее спрашивал. Ему было интересно — с кем это его сын все время танцует. Слушай, а как она все-таки там очутилась? Ты ее об этом спросил? Я говорю — нет. Не спросил. Он говорит — а чего так? Я говорю — да плевать на нее. Не все ли равно, как она там очутилась?

3 июля 1998 года (10 утра)

Воробьев сказал — ты что, дурак, что ли? Я ведь тебе говорил, что я целые сутки не спал. Я говорю — я уже пять часов жду, когда ты проснешься. А он говорит — нет, ну ты точно дурак. На фиг ты меня разбудил? Я ведь теперь не усну больше. Кто это там орет? Я говорю — это американцев приехала полиция забирать. Из двести второго номера. А он говорит — ну, слава богу. Так им и надо придуркам. Надо было еще больше им навалить. Ладно, проходи. Так и будем торчать, что ли, здесь в коридоре? Я говорю — это ты с ними вчера подрался? Он говорит — я не дрался. Дал в морду им пару раз, чтобы знали, уроды. Я говорю — а как ты к ним в номер попал? Он говорит — это не я к ним попал. Это они меня нашли в одном месте за городом. Я там пытался машину поймать. Без денег. А они меня бесплатно довели. Узнали, что я с ними из одного отеля. У них куча бабок. Показывали их мне. Целый чемодан. Не настоящий чемодан, а знаешь, такой кейс для документов. Но полный. Придурки несчастные. Выиграли в Лас-Вегасе до фига. Всю дорогу орали — вива, Лас-Вегас! Теперь в Монте-Карло намылились. В Европу. Пусть лучше в кутузке посидят. Уроды. Я гово-

рю — а почему без денег? Я же тебе давал. В Москве еще. Целых пять тысяч. Ты что, не успел поменять? Он говорит — я-то успел. Только их уже нету. Я говорю — как это нету? Пять тысяч долларов. Я бы так быстро не смог потратить. Он говорит — и я бы не смог. А ты видел на Марине новое платье? Я говорю — черное? Он говорит — ну да. Я говорю — ну и что? Не может же платье стоить пять тысяч долларов. Он говорит — я тоже так думал. Я говорю — ни фиги себе. Она что, выпросила у тебя пять штук? Он говорит — даже и просить не стала. Просто сказала, чтобы я заплатил. Сказала, что без такого платья ей на этот долбаный вечер никак не попасть. Сказала, что ей туда надо. Хоть тресни.

Я говорю — так, значит, это ты ее туда привез. Он говорит — ну да. Последние лиры на такси истратил. Я говорю — а откуда она адрес узнала? Он говорит — Дима ваш про этот вечер три дня всем трещал. Она в итоге у него все спросила. Я говорю — понятно. А что было потом? Он говорит — я же тебе сказал. Меня нашли эти американцы и привезли обратно в отель. А по дороге я с ними подрался. Я говорю — они тебя вечером привезли. А до этого где ты был? Где ты ночевал? Он говорит — нигде. Шарахался там вокруг этой виллы. Я говорю — всю ночь? Он говорит — а ты как хотел? Я же тебе говорю — у меня денег не было ни копейки. А Марина твоя меня бросила. Только ручкой махнула из-за ворот. Тебя же, говорит, все равно туда не пустят. Ты в джинсах. А там все в смокингах, типа. Все при делах. Короче, я там всю ночь тусовался. Среди ночных холмов Италии.

Я смотрю на него и говорю — круто она кинула тебя, Воробьев. Он говорит — да? А тебя?

3 июля

Конец. Больше ничего не будет. Никогда. Потому что отец вышел в коридор и сказал — ты долго тут будешь маячить? И я сказал — долго. А сколько время уже? Он говорит — девять. Иди, ты же футбол собирался смотреть. Я говорю — собирался. Он говорит — ну, иди. Середина второго тайма. Я говорю — да? А когда начали? И он убежал. Потому что там гол забили. А я пошел за ним. Ноги болели уже. Но дверь в номер

оставил открытой. И все равно ее пропустил. Услышал только, когда они начали там ругаться. Я даже не знал, что она может так громко кричать. На весь коридор. Пришлось дверь к отцу в номер закрыть. Хотя телевизор у него орал как сумасшедший. А Воробьев мне говорит — стучаться, блин, надо. Она стоит напротив него и говорит — да подавись своим платьем. Он говорит — дура. Она берет себя за самый низ и стягивает его, как кожуру, через голову. Потому что ей жарко. Пошел ты — она говорит и бросает в него платьем. А я стою и смотрю на них. И она стоит между нами. Без ничего. Воробьев говорит — а трусы на память итальянцу оставила. Как его там зовут? Эй, пацан, как зовут итальянца? Я говорю — Маттео. Сын министра финансов. Воробьев смеется и говорит — клево. Теперь у нашей Марины даже министры есть. Таких, как мы с тобой, ей уже даром не надо. Я говорю — как вы меня достали. Он смотрит на меня и говорит — убери пистолет. Ты где его взял? А я говорю — Маринин друг подарил. Нравится? А он говорит — убери его. А то я не знаю, что сделаю. Я говорю — не знаешь? Он говорит — убери. Но я не убрал. Курок уже легко оттянул, потому что весь день тренировался. И говорю им — пока, придурки. Ну и достали же вы меня. И приставил его себе к уху. Они замолчали и смотрят. А потом Воробьев прыгнул и дернул пистолет на себя. А я уже надавил. И в руку толкнуло. А Марина смотрит на него и молчит. И потом опустилась рядом с ним на пол.

И тут я подумал — вот и конец. Больше ничего не будет.

ОСЕНЬ МИХАИЛ

После возвращения из Италии Павел Петрович предложил мне переехать жить к ним. Он сказал, что очень признателен и ему бы хотелось, чтобы я чувствовал себя полноправным членом семьи. Я ответил, что и так чувствую себя нормально, и тогда он просто дал мне пять штук.

Деньги оказались кстати, потому что как раз начался этот дурацкий кризис. Две тысячи долларов я отвез матери в Калининград, а когда вернулся в Москву, те три штуки, которые у меня оставались, можно было продать уже просто по баснословной цене. Поползли слухи, что в Москве скоро начнется голод. О таких вещах я читал только в детстве в книжках про войну, поэтому меня это сильно не задело.

У меня по-прежнему оставался «мой» «Лэндровер», и я каждый день, как на дежурство, приезжал к ним домой. Сергей больше не выключал при моем появлении компьютер. Он пожимал мне руку, а потом мы молча сидели в его комнате, занимаясь каждый своим делом. Вернее, он занимался своим делом, а я смотрел ему через плечо.

Мне нравилось так сидеть. Я мало что понимал во всем этом Интернете, особенно когда он заходил на англоязычные сайты, но тишина в его комнате, мягкое кресло и приглушенное жужжание компьютера убаюкивали меня как в детстве. Я закрывал глаза и видел себя маленьким мальчиком на диване, когда за

окном темнеет и густыми хлопьями идет снег. У меня температура, поэтому в школу я завтра уже не пойду. Мама укрыла меня одеялом, включила телевизор и села в наше старое кресло с клубком ниток и тонкими спицами в руках. Я могу дотронуться до нее, и тогда она поворачивает голову и улыбается мне в ответ. «Осторожно, — говорит она. — Я считаю петли. Подожди немного. Сейчас принесу тебе что-нибудь». Она встает и идет на кухню, а я прячу голову под одеялом и улыбаюсь в темноте. Мама вяжет мне свитер.

Иногда он начинал объяснять мне, что там было к чему у него в Интернете, но я плохо слушал, и в конце концов он отворачивался, оставляя меня в покое.

О Марине мы больше не говорили. Это имя было теперь под запретом. Не знаю, что у них там произошло, пока я валялся в этой частной клинике, но когда меня выписали, ее уже не было в Италии. Однажды я заикнулся насчет нее в присутствии Павла Петровича. Он ничего не ответил, но так нахмурился, что мне пришлось сделать вид будто бы я оговорился. «Нельзя так нельзя», — сказал я себе, тем более что для меня так выходило даже удобней.

В общем, все шло вполне гладко, пока однажды она вдруг не позвонила.

— Привет, — тихо сказала она, и я сразу узнал ее голос. — Как дела?

— Нормально. А у тебя как?

— У меня все хорошо.

— А-а, — сказал я, и мы помолчали.

— Ты не мог бы мне помочь?

— Я не знаю. А что нужно сделать?

— Я хочу переехать на дачу.

— Да?

— Мне нужна машина, чтобы перевезти вещи.

— Это не моя машина.

— Я знаю. Но ты можешь ничего им не говорить.

— Мне это не очень нравится.

— Что?

— Не говорить.

— Почему?

— В прошлый раз все это плохо закончилось.

— Господи, мне нужно только вещи перевезти.

— Это не Господи, а всего лишь я.

— По-прежнему любишь шутить?

— А что еще остается?

Она помолчала.

— Ты сможешь мне или нет?

— Я не знаю еще.

— А когда будешь знать?

— Может быть, попозже.

— Хорошо, я перезвоню тебе вечером.

— Не надо. Я тебе сам позвоню.

Когда она положила трубку, я подумал, что голос у нее был очень усталый. В институте, наверное, много задают.

Вернувшись вечером от Сергея, я позвонил ей и сказал, что согласен.

* * *

Если бы меня спросили, почему я согласился, я бы, наверное, ответил, что сам не знал почему. Все эти проблемы в Италии, весь этот бардак в конечном счете вышел боком не кому-нибудь, а одному только мне. Сережина пуля разбила левую ключицу, и мне до сих пор стоило большого труда делать некоторые движения. Временами было больно до слез. И главное, я прекрасно знал, кто был тому причиной. Если даже не принимать близко к сердцу тот случай с платьем за пять штук.

И все же я согласился.

Почему?

Правда, на эту тему зародилось у меня одно подозрение. Дело в том, что, пока я валялся в итальянской больнице, сердобольный Дима притащил мне целую кучу разных книг. «Не хочу, чтобы вы здесь умерли от скуки. Вы и так уже за всех нас достаточно пострадали». Надо сказать, у него был изысканный вкус. Все книжки были из школьной программы. Сначала я по привычке использовал их как снотворное, но потом, когда уже совсем не мог спать, начал, от нечего делать, их перелистывать. Благо одна рука у меня была свободна от гипса. Я лежал на спине, задрал левую руку в пионерском салюте, а правой

мусолил страницы Диминых книг, время от времени постанывая от боли.

И вот в одной из этих книжек, кажется у Толстого, был один мужичок, о котором я теперь вспомнил. Не то чтобы там была такая же ситуация, как у меня, но он тоже согласился на встречу, сам не врубившись почему. Вернее, это он так говорил. Объяснил самому себе собственную неожиданную сговорчивость. А на самом-то деле, все он врубился. Он просто хотел ее увидеть, поэтому и сказал «да». Так что, если трактовать по Толстому, у меня теперь тоже выходило что-то в этом же роде. Значит, и я хотел увидеть Марину. Короче, фиг их знает, всех этих классиков. Я совсем запутался и решил, что завтра посмотрим. Утро вечера мудренее, в конце концов.

* * *

На даче было хорошо. До этого недели две без конца моросило, а тут неожиданно выглянуло солнце. Сквозь пушистые верхушки сосен островками проглядывало синее небо. Для конца октября оно было, пожалуй, даже чересчур синим. Редкие среди зеленых елей березы светились красным и желтым.

Больше всего на свете я люблю осень. Когда наступает осень, мне хочется послать всех подальше и сидеть на траве с желтым березовым листочком в зубах. Осенью, мне кажется, я становлюсь самим собой. Правда, это все ненадолго.

Марина стала совсем другая. Она заметно осунулась и похудела. Глаза на бледном лице казались теперь значительно больше. Кожа стала почти прозрачная. Вокруг глаз наметились темные круги. В ее движениях появилась скрытая осторожность и даже как будто робость. Вначале меня это удивило, но я тут же решил, что это не мои проблемы. Может, она заболела или еще что-нибудь.

Несмотря на то что высокий бревенчатый дом спрятался в густой роще, я смог подъехать прямо к крыльцу. Маленький Мишка тут же выскочил из машины и с криком убежал куда-то назад.

— Ворота хочет закрыть, — сказала Марина.

— Понятно, — ответил я.

— Чувствуешь, какой запах? Листья уже начали опадать.

Я открыл дверцу и с наслаждением втянул воздух.

— Нравится? — сказала она.

В следующие полчаса мы не обменялись ни словом. Я молча таскал вещи, стараясь не потревожить левой руки. Марина чем-то занялась на кухне. Мишка сначала играл большим оранжевым мячом, а потом стал собирать опавшие листья.

— Слушай, — обеспокоенно сказала она, вдруг появляясь на крыльце. — Я совсем забыла про твою рану. Тебе же нельзя, наверное, тяжелое поднимать?

— Ничего. Я уже закончил.

Она долго смотрела на меня, вытирая руки о фартук. Потом заправила за ухо упавшую на глаза прядь.

— Я чуть не умерла тогда от страха.

— Могу себе представить, — сказал я.

— Я сначала подумала, что он тебя убил.

— Я сам так подумал.

— У тебя на футболке было такое большое пятно.

— Теперь все в порядке. Я купил себе новую.

— В коридоре все начали кричать, а я стою голая. Ты лежишь в луже крови, и Сережа там... с этим пистолетом в руках...

— Ужасная картина.

— Ты злишься на меня?

— Не то слово, — улыбнулся я.

Она снова заправила непослушную прядь и отвела глаза в сторону. Я видел только ее профиль, но вдруг понял, что она старается скрыть от меня слезы.

— Прости меня, — тихо сказала она. — Я этого не хотела.

— Все в порядке, — ответил я.

— Прости меня, — повторила она.

В этот момент к ней подбежал маленький Мишка и дернул ее за фартук:

— Дай спички.

— Зачем? — сказала она, стараясь не глядеть в мою сторону.

— Дай! Я буду дворник. Дворники жгут листья.

— Пойдем, — сказал я. — У меня есть зажигалка.

— Только я сам подожду!

Через десять минут весь участок заволокло горьким дымом. Мишка собрал большую кучу опавших листьев, но все они были очень сырые, и костер никак не хотел разгораться.

— Подожди, я сейчас немного бензина принесу, — сказал я, вытирая слезы.

Он остался сидеть на корточках у дымящейся кучи, ковыряясь в ней веточкой, кашляя и время от времени подбрасывая в нее шишки.

— А где Илья Семенович? — спросил я у Марины, которая снова выглянула на крыльцо. — Чего он с нами-то не поехал?

— Он умер, — сказала она.

— Как умер?

Она сообщила об этом настолько спокойно, что я вначале просто ей не поверил.

— Обыкновенно. Шел по улице, упал и умер. А ты думал — я просто так решила зимой на даче жить? Для собственного удовольствия? Хорошо, что он ее купил несколько лет назад у одного профессора. Хотел, чтобы Мишка летом свежим воздухом больше дышал.

— Почему он умер?

Ее спокойствие казалось мне сверхъестественным.

— У него было плохое сердце. Очень плохое. Но он не доверял врачам.

— Что, совсем не лечился?

— Он говорил, что они специально прописывают ему всякую дрянь, чтобы вытянуть из него побольше денег.

— Где бензин? — толкнул меня в бок маленький Мишка.

— Блин! — скривился я от боли.

— Осторожней! — закричала Марина. — Отойди от него!

— Ничего, все нормально, — прошипел я. — Просто немного неожиданно.

— Он обещал бензин.

— Прости, малыш, я совсем забыл. Сейчас мы с тобой нальем. Держи вот этот шланг. Нет, не так. Держи за другой конец. Вот молодчина. Ну, теперь беги, вылей все это прямо на кучу.

— А она загорится? — он поднял ко мне смешное перепачканное лицо.

— Куда она денется.

— Миша, иди сюда, — сказала Марина. — Надо лицо помыть.

— Сама иди!

— Эй, подожди-ка, — сказал я. — Дай мне. Я лучше сам вылью.

— Я помою лицо, — тут же с готовностью закивал он.

— Да нет, знаешь, не в этом дело.

— А в чем? — он настороженно нахмурился.

— Это опасно. Ты можешь обжечься. Любишь ходить к врачам?

— Нет. От них папа умер.

Я посмотрел на Марину. Она вздохнула и покачала головой.

— Короче, давай сюда. Ты все равно волшебный огонь не умеешь делать.

— Волшебный огонь? — в глазах у него засветился интерес. — А как это?

— Очень просто. Хочешь покажу?

Он с готовностью протянул мне банку.

— Так ты решила всю зиму на даче жить? — спросил я Марину через пять минут, поднимаясь на веранду.

Она посмотрела туда, где вокруг высокого пламени прыгал Мишка.

— Он не обожжется?

— Вроде не должен.

— Я не знаю, — вздохнула она. — А что еще остается? Денег почти нет. Когда он умер, пришли какие-то люди и забрали практически все. Они сказали, что он им очень много был должен. Вот я и сдала квартиру.

— У него же какой-то бизнес на рынке возле «Будапешта»?

— После похорон я зашла туда. — Она замолчала.

— Ну и что?

— Там были чужие люди.

— Надо было забрать хоть товар. Он же чем-то торговал. Должно ведь было что-то остаться.

— Они сказали, чтобы я уходила. Сказали, что заберут Мишку, если я появлюсь еще хоть раз.

— Такие крутые?

— Не знаю. Сказали, что заберут. Я испугалась.

— А раньше ты их видела когда-нибудь?

Она нахмурила лоб:

— Один из них, такой невысокий, однажды заходил к нам домой. Деньги приносил или еще что-то...

— Помнишь, как его зовут?

— Нет. Я запомнила его только из-за татуировки. У него вот здесь на правой руке выколот спортивный автомобиль.

— Автомобиль? — я удивился.

— Ну да. Очень красивый. «Феррари».

— А ты откуда знаешь, что это «Феррари»?

Она вдруг замолчала.

— Ты что, в машинах начала разбираться?

— Меня Маттео научил, — после небольшой паузы сказала она.

Теперь настала моя очередь смутиться.

— Да?.. Ну ладно... А эта татуировка... Странно как-то... Автомобиль...

— Сейчас в Москве много салонов, — заторопилась она, довольная, что мы поменяли тему. — Все, что хочешь, могут тебе наколоть. Причем все татуировки цветные, очень высокого качества. В принципе, есть настоящие художники.

С минуту мы помолчали.

— Так у тебя как с деньгами-то? — наконец сказал я.

— Пока хватит. В домоуправлении я оформила как будто мы с Мишкой уехали к родне. Меня там начальник один пожалел. Они с отцом выпивали. Так что за квартиру платить не надо. Телефон я отключила. Если бы не этот обвал рубля, вообще могло бы надолго хватить. На новую квартиру копили. Дров здесь запасено на всю зиму.

— У тебя все в рублях?

— Отец доллары ненавидел. Патриот.

— Надо было тебе поменять.

— Кто же знал, что у них так все обернется.

— Уроды, — сказал я.

Когда мы вышли на крыльцо, маленький Мишка все еще бегал вокруг костра.

— Как дела у Сережи? — тихим голосом спросила Марина.

- Нормально.
- Сидит у компьютера?
- Целыми днями.

Мы опять замолчали, не зная, что тут еще можно сказать.

— Может, останешься с нами чай пить? — наконец сказала она.

- Нет, спасибо, как-нибудь в другой раз.
- Ты еще заедешь?
- Не знаю.
- Заезжай. Мы теперь совсем одни.
- Не знаю. Придется Сергею что-нибудь врать.
- А что ты сегодня сказал?
- Сказал, что поехал к зубному.
- У тебя что, зубы болят?
- Нет. Надо было что-нибудь придумать.
- Не нравится врать?
- Нет, — сказал я. — Надоело.

Уже сидя в машине, я посмотрел на нее в зеркало у себя над головой. Она стояла на крыльце и куталась в большую мужскую куртку. Порыв ветра неожиданно растрепал ее волосы. Она подняла руку, чтобы привести их в порядок. Мишка наконец бросил свой костер и подбежал к ней, схватив ее за колени. Одной рукой она обхватила его, а другой помахала мне, как будто знала, что я смотрю на нее в зеркало.

«Надо что-то решать с этим татуированным», — сказал я себе.

Времени, судя по всему, оставалось не так много.

* * *

На рынке около «Будапешта» в эти дни было особеннолюдно. Народ стремился поскорее избавиться от рублей, которые с каждым днем стремительно падали в цене. В том, чтобы копить их теперь, не было ни малейшего смысла. Тот, кто не успел потратить их сегодня, завтра мог купить на них уже значительно меньше. Сбережения таяли в карманах, как серый провонявший лед, который вынули из холодильника. Дома сидели только совсем нищие и те, у кого бабки лежали на загра-

ничных счетах. Ни тем, ни другим суетиться уже было не надо. Первые давно потеряли все, что у них было. Вторые давно прикарманили все, что потеряли первые. Поэтому на рынках болталась та самая третья сила, которая все еще не определилась, куда ей приткнуться — к первым или ко вторым. Эта неопределенность нервировала людей. Делала их больными, злыми и некрасивыми.

— Да чтоб он, блядь, сдох, этот Ельцин со своим Чубайсом! — кричала на весь рынок седая старушка.

Волосы у нее выбились из-под платка, лицо побагровело, а маленьким сухим кулачком она грозила куда-то вверх и время от времени плевалась. Покупатели не обращали на нее особого внимания, лишь хмуро косились в ее сторону. Двое пацанов в форме ОМОНа вообще старались ее не замечать. Они болтали с девчонками в ярких куртках, которые то и дело выдували огромные пузыри из жевательной резинки, лопали их и громко смеялись.

— Пусть они перетрахают друг друга там у себя в Кремле! Пидорасы! — не унималась старушка. — Сожрали всю мою пенсию! Хлеба не могу купить! Внуку ноги в Чечне отрезали! Коляску бесплатную и ту дать не могут! Проклятая страна! Ебаная Россия!

Она захлебнулась криком и наконец замолчала. Я постарался быстрее проскочить в другой конец рынка.

— Купите спортивные штаны, — потянула меня за рукав женщина лет сорока.

Она стояла прямо у забора, развесив свой товар на гвоздях. Часть тряпок лежала перед ней на расстеленных на земле газетах.

— Мне не нужны спортивные штаны. Я спортом не занимаюсь.

— Купите тогда своей подруге. Хороший подарок. Итальянские, великолепного качества.

— Ну, разве что итальянские...

— Девяносто рублей. Отдаю за бесценнок.

— Это сколько на доллары будет?

— А вы долларами собираетесь платить? — интерес в ее глазах заметно усилился.

— Какой сегодня курс?

— За ним теперь не уследишь. Каждый день разный. Говорят, что может упасть обратно до семи рублей.

— До семи рублей? Вряд ли. В Белом доме не все еще наварились.

Она посмотрела туда, где по-прежнему громко разорялась матерной бранью старушка.

— До чего людей довели!

— Да уж, — поддакнул я. — Если я вам дам десять долларов, вы можете мне в одном деле?

— Ради бога! — она даже всплеснула руками. — Конечно, помогу. Что вы хотите?

— Я хочу узнать об одном человеке... Вы были знакомы с Ильей Семеновичем? Он здесь торговал...

— Так он же умер!

— Я знаю. Меня интересуют те люди, которые теперь управляют его магазином.

Женщина на секунду нахмурилась и пристально посмотрела мне в лицо.

— Вы из ФСБ?

— Нет. — Я даже рассмеялся. — С чего вы взяли?

— Теперь Сашей-Мерседесом многие интересуются.

— Кто это — Саша-Мерседес?

— Вы точно не из ФСБ?

— Могу удостоверение показать.

— Вам шуточки! А мне надо на хлеб зарабатывать. Я не могу это место потерять. И так уже на самый край загнали. Покупатели сюда почти не доходят. А кто будет моих девок кормить? Из ФСБ, наверное, не придут с денежным пособием!

— Я не работаю в ФСБ. Могу на Коране поклясться.

— Вы что, мусульманин? — она снова подозрительно уставилась мне в лицо.

— Да нет, это я просто шучу.

— Шутник... А где ваши десять долларов?

— Вот, возьмите.

Она посмотрела бумажку на свет, плюнула на нее и потерла двумя пальцами.

— Краска не слзлит? — сказал я.

— А вообще, он, конечно, гад, — вздохнула она, убирая банкноту в карман своего серого плаща.

— Кто? — я немного опешил.

— Саша-Мерседес, кто еще? Вы же про него спрашиваете. Пока Илья Семенович был жив, он так себя не вел. Куда ему! На рынке-то всего без году неделя. Это теперь он совсем распоясался. Делает, что захочет. Сгоняет людей с их законного места. У меня три года был свой прилавок в самом центре рынка. А сейчас я у забора стою. Спасибо, хоть за ворота не выгнали. Там тоже из-за этих старушек теперь не протолкнешься. Продают всякую чепуху.

— Он что, боялся Ильи Семеновича?

— Илью Семеновича все боялись. Знаете, какие у него были связи! От этого на рынке все шло по правилам. Платишь за место — и стоишь, сколько хочешь. А теперь Саша заставляет по часам платить. Выходит чуть ли не в три раза больше. А кто не может столько заплатить, тех выгоняют к забору. Да тут еще доллар подскочил как ошпаренный. За квартиру, за институт для старшей теперь нечем платить.

— Получается, этот Саша теперь занял магазин Ильи Семеновича?

— Он теперь все тут занял. И не Саша, а Саша-Мерседес.

— Странное какое-то имя. Почему его так зовут?

— А может, возьмете еще вот этот свитерочек? — неестественно громко сказала она, сделав дурацкое лицо. — За полцены уступлю. Нигде больше такой не найдете.

— Свитерочек? — озадаченно повторил я.

В этот момент откуда-то сзади вынырнул потрепанный человек с испитым лицом.

— Зайди сегодня к Саше, — буркнул он, обращаясь к испуганной продавщице. — Тебе же вчера говорили. Чего ты не пришла?

— Надо было дочку из школы встречать, — тихо ответила она.

— Ты зайди сегодня, — настойчиво повторил он. — Тебя же люди ждут.

— Дай мне покупателя обслужить!

— Обслужи, обслужи. — Он быстро скользнул по мне взглядом. — Только не задерживайся.

— Как они меня достали! — в сердцах сказала она, когда потрепанный человек исчез. — Лезут и лезут.

— А что им надо?

— А вы как думаете? Денег, конечно. Чтоб он подох, этот Саша! Вместе со своими машинами.

— Он что, любит автомобили?

— Еще как. Его поэтому Сашей-Мерседесом и зовут. Обклеил весь магазин плакатами и сидит там как прыщ, любитесь на свои машинки.

— А скажите, у него нет вот здесь, на руке, татуировки с изображением спортивного автомобиля?

— Да у него где их только нет! Если бы мог, так, наверное, на заднице бы себе машину выколол! Идиот несчастный!

— Нет, нет. Меня интересуется татуировка вот здесь, на правой руке.

— Да есть у него там наколка, — раздраженно махнула она рукой. — Чтоб он подох! Никакого житья на рынке от этих его машин не стало. Недавно соревнования устроил. На целый день торговлю у всех закрыл.

— Какие соревнования? — удивился я.

— Какие бывают соревнования? Обыкновенные. Расчертили между рядами трассу, назначили судью и стали гонять на своих машинах. Артистов даже знаменитых пригласили. Один такой, знаете, высококонький. Раньше очень известный был. Про войну все время снимался. Ему военная форма сильно идет. Чурбаков, кажется. У него еще есть любовница, певица знаменитая. Сытенькая такая. Может быть, по телевизору видели? Люба, кажется, зовут. Да, точно, Люба. Подвывает так жалобно, когда поет.

— Как же они между прилавков на машинах ездили?

— Машины-то у них были не настоящие.

— Как не настоящие?

— Конечно, не настоящие. Разве бы они смогли здесь на настоящих машинах ездить? Какой вы смешной! У них были модели. А разве я не сказала? — Она удивленно посмотрела на меня.

— Нет, — ответил я.

— Конечно, модели. Маленькие такие машинки. Вот, примерно, с эту коробку величиной. Но ездят совсем как настоящие. Даже бензином их заправляют. И сильно шумят.

— Значит, они тут устроили гонки?

— Еще какие! А потом целую ночь гуляли. Один артист, говорят, до того упился, что голый танцевал на прилавках.

— В такой холод?

— А им какая разница? Я же вам говорю: идиоты!

Она зябко передернула плечами и заискивающе посмотрела на меня.

— Может, все-таки купите свитерок? Правда задешево уступлю.

* * *

К Марине на дачу я смог выбраться только через три дня. Сергей не отпускал меня от себя ни на шаг, поэтому в конце концов мне пришлось наврать ему, что ко мне приезжает родственник из Иркутска. Я отпросился до конца недели, сославшись на неотесанность своего «двоюродного дяди» и на то, что в Москве без провожатого он пропадет. Менты на улицах с каждым днем шерстили иногородних все круче.

Подъехав к воротам, я оставил машину у забора. Калитка оказалась не заперта. Я толкнул небольшую дверцу и пошел по еле заметной тропинке к дому. Едва сделав несколько шагов, я понял, что у Марины сегодня гости. До меня долетели звуки оживленного разговора и обрывки музыки. Временами раздавался смех. Я замер на месте, пытаюсь сообразить, хочу ли я видеть ее в такой ситуации, и не лучше ли будет слинять прямо сейчас, но в эту минуту из-за куста смородины высочил маленький Мишка.

— Пойдем! — закричал он. — Марина тебя вчера целый день ждала.

Исчезнуть теперь было уже невозможно.

Когда мы вышли из-за кустов, я увидел, что гости расположились прямо среди деревьев. Они вынесли с веранды большой стол и поставили его рядом с крыльцом между двумя берегами. Разговор, очевидно, был очень важным. Они даже не заметили нашего появления. Только через минуту Марина взглянула в мою сторону.

Увидев меня, она улыбнулась и махнула мне рукой, приглашая садиться. Остальные продолжали спорить о чем-то, не

обращая на меня никакого внимания. Как только я сел на свободный стул, Мишка взгромоздился ко мне на колени.

На столе была почти пустая бутылка «Киндзмараули», несколько стаканов, тарелка с сыром и плетеная корзинка для фруктов. В ней еще оставался виноград. Темно-синие ягоды были покрыты бархатистым налетом. Я протянул руку и отщипнул одну виноградину. Сок у нее оказался удивительно сладким.

— Если бы энергия, — говорил в это время сидевший слева от меня длинноволосый молодой человек, — если бы энергия, которую ты в течение всей своей жизни затратил на поиски денег, пошла у тебя на что-нибудь другое, то, вероятно, в конце концов ты мог бы перевернуть землю.

Я как бы невзначай прислушался к его словам и вдруг подумал, что он говорит интересные вещи. Во всяком случае, я лично на эту проблему под таким углом раньше никогда не смотрел. Кто его знает, может, и правда все мы давно были бы уже какими-нибудь там гениями. Если бы из-за бабок не грузились так конкретно, как, например, сейчас. Хотя, с другой стороны, расскажите про это Черномырдину. То-то, наверное, обхохочется, толстячок. Так или иначе, я стал внимательно слушать их разговор.

— А вот Ницше... — ответил второй, к которому, собственно, и обращался длинноволосый. — Философ... величайший, знаменитейший... громадного ума человек, говорит в своих сочинениях, будто фальшивые бумажки делать можно.

— Да ты хоть читал Ницше? — усмехнулся длинноволосый.

— Ну... Мне Дашенька говорила. А я теперь в таком положении, что хоть фальшивые бумажки делай... Послезавтра триста десять рублей платить... Сто тридцать уже достал...

Он запустил руку в карман пальто, и вдруг лицо его изменилось.

— Деньги пропали! — еле слышно выдохнул он. — Потерял деньги!

Все с тревогой посмотрели на него. Он начал лихорадочно обшаривать свои карманы. Лицо его стало белым как полотно. Мне даже показалось, что на глазах у него заблестели слезы.

— Где деньги? — бормотал он. — Куда они пропали?

Все сидевшие за столом застыли в напряженном ожидании. Даже я начал волноваться. Хотя, казалось бы, мне-то что? Я этого мужика видел первый раз в жизни.

— Вот они! — наконец радостно закричал он. — За подкладкой... Даже в пот ударило...

Все облегченно вздохнули и переглянулись. На минуту за столом воцарилась полная тишина. Стало слышно, как в кустах чирикают птицы. Длинноволосый взял со стола свой пустой стакан и повертел его в воздухе. Неожиданно из дома донесся звук настраиваемой электрогитары. «Странно, — подумал я. — Они даже зачем-то усилитель с собой притащили».

— Отчего так долго нет Леонида? — заговорила вдруг девушка, которая сидела прямо напротив меня. — Что он делает в городе?

«Оказывается, еще не все собрались», — подумал я.

— Торги не состоялись, по всей вероятности, — отозвался длиноволосый, опуская стакан рядом с бутылкой.

Я был рад, что он это сделал. Потому что мне казалось — еще секунда, и он уронит его. Эквилибрист несчастный. Жонглировал бы у себя дома своими стаканами. Нельзя сказать, что я был в восторге от этих гостей. Станные какие-то. Говорят всякую ерунду. Надо было все-таки слинять в самом начале.

— И музыканты пришли некстати, — снова вздохнула девушка напротив меня. — И вообще, все мы затеяли некстати... Ну, ничего...

Она грустно улыбнулась и начала что-то напевать. На стол плавно опустился желтый березовый лист.

Марина в этот момент достала из кармана куртки колоду карт и повернулась к тому мужику, который все еще сидел и пересчитывал свои деньги.

— Задумайте какую-нибудь карту.

— Задумал, — сказал он.

— Тасуйте теперь колоду. Очень хорошо. Дайте сюда. Айн, цвай, драй! Теперь поищите, карта у вас в боковом кармане...

Тот немедленно достал из кармана карту и с удивлением посмотрел на нее.

— Восьмерка пик, совершенно верно! Вы подумайте!

Марина повернулась к длинноволосому:

— Говорите скорее, какая карта сверху?

— Что ж? — протянул он. — Ну... дама пик.

— Есть! — сказала Марина и повернулась ко мне. — Ну?

Какая карта сверху?

— Туз червовый, — не раздумывая ответил я.

— Есть! — Она хлопнула себя по ладони, и колода исчезла, как будто растворилась в воздухе. — Какая сегодня хорошая погода! — сказала Марина, блаженно улыбаясь и отщипывая сразу несколько ягод от виноградной кисти.

— Где это ты так научилась фокусы показывать? — спросил я.

К моему удивлению, все вокруг дружно рассмеялись. Что уж такого смешного я, интересно, сказал?

— Мы тебя совсем запутали, — смеясь, проговорила Марина. — Не обижайся. Просто забавно получилось. Это же Чехов.

— Какой Чехов?

— «Вишневый сад». Самое начало третьего действия. Помнишь, когда они сидят и ждут известий из города о том, кто купил сад?

— Чехов?

— Ну да. Антон Палыч.

— Да-да, вспоминаю, — сказал я. — Самое начало третьего действия. Как же...

— Потом придет Лопахин и скажет, что он купил.

— Лопахин, — повторил я. — А вы почему на даче этими вещами занимаетесь?

— Надо готовить дипломный спектакль. Ребятам нравится здесь репетировать. Лес, свежий воздух.

— Понятно.

— Вот Ира играет Любовь Андреевну.

— Очень приятно, — сказал я.

— А Петя Трофимов у нас Рамиль. — Марина кивнула в сторону длинноволосого.

— Рамиля играет Петя, — уточнил я.

— Нет, Петю играет Рамиль.

— А! Все понял. Это, значит, не Рамиль, а Петя.

— Ну да. Только наоборот.

— Так, подождите. Я, кажется, совсем потерялся. Кто Петя? Кто Рамиль?

— Все будет хорошо, — сказал мужик, который искал деньги. — Меня зовут Борис Борисович Симеонов-Пищик.

— Перестаньте его морочить, — опять засмеялась Марина. — Это Ира, это Рамиль, а это Игорь.

Тут на крыльце показался еще один человек.

— А это Лопахин, — сказал я.

— Точно, — удивился длинноволосый. — Откуда ты знаешь?

— Сами же сказали, что он должен прийти.

— Железная логика, — отозвался другой.

— Ребята, — вмешалась Марина. — Перестаньте его дразнить. Это мой хороший друг. Его зовут Михаил.

— Добрый вечер, хороший друг, — густым басом сказал человек на крыльце.

— Его зовут Михаил, — как эхо отозвался длинноволосый.

— Продан вишневый сад, — тем же басом сказал «Лопахин».

— А это наш Репа, — улыбнулась Марина. — У него самый красивый голос на курсе.

— Могу сказать: «Упал — отжался» на два порядка ниже, чем генерал Лебедь.

— Врешь, — махнул рукой длинноволосый. — Репа всегда заливаает.

Человек на крыльце откашлялся, уперся руками в перила и совершенно невероятным голосом произнес:

— А тех, кто не будет отжиматься, — в расход!

— Круто, — сказал я. — Даже у Лебеда так не получится.

— Понял? — усмехнулся Репа. — Слушай, что тебе народ говорит. Это не какие-нибудь паршивые критики из газеты.

— А у нас вино почти кончилось, — с сожалением вздохнула Марина.

— Это все Репа один выпил, — сказал длинноволосый.

— Да что он ко мне цепляется? Еще в электричке начал...

— У меня в машине есть две бутылки «Бордо», — вставил я.

— Красное или белое? — быстро спросил Репа.

— Красное.

— Марина, у тебя правда очень хороший друг.

— Что ж ты нам раньше о нем ничего не говорила? — сказал длинноволосый.

— В сумке, на заднем сиденье, — успел крикнуть я ему вслед. — Там еще мясо и зелень, и в большом термосе мороженое.

Вскоре совсем стемнело. Марина вынесла из дома свечу, но легкие, едва уловимые порывы ветра заставляли дрожать неверное пламя и то и дело гасили наш свет. Репа принес стеклянную банку, внутри которой свеча стала гореть ровно и устойчиво, как в комнате.

— Вот и лампочка получилась, — густым басом прогудел он. — А кто будет против, два наряда вне очереди.

Вино в стаканах при таком свете казалось почти черным. Мы болтали, ели мороженое, смеялись, по очереди бегали за Мишкиным мячом, который он специально кидал куда-нибудь подальше в темноту, за деревья.

Поднимая ветви смородинового куста в поисках мячика, я случайно взглянул в ту сторону, где сидела Марина со своими друзьями. Светящийся шар давал света ровно настолько, чтобы видеть их лица. Все остальное исчезало в непроницаемой темноте. На черном фоне светился круг улыбающихся лиц, кроме которых во всем мире ничего больше не существовало. Я застыл на месте, позабыв про Мишкин мяч, как будто мне открылось что-то самое важное. Эти обращенные друг к другу лица светились настоящим золотом. Они поворачивались, сближались, раскачивались словно были совершенно независимы, словно им не требовалось никакой поддержки, и они могли вот так свободно парить в темноте, улыбаясь друг другу, кивая, временами на мгновение исчезая и потом вновь расцветая неизвестно откуда в этом золотом сиянии.

— Спасибо, что приехал, — сказала Марина, когда все ее друзья уже сидели у меня в машине. — Мишка вчера целый день про тебя спрашивал.

— Мишка? — сказал я.

— Он любит, когда ты приезжаешь.

— А ты?

— Я?.. — она на секунду замолчала. — Я тоже.

— Вам не страшно тут одним оставаться?

— Скоро привыкнем. — Она зябко поежилась под курткой.

— Холодает, — сказал я.

— Ничего, сейчас печку затопим.

Из машины кто-то постучал по стеклу.

— Смотри, — сказала Марина и рассмеялась.

Я повернулся. Длинноволосый Рамиль прижал лицо к стеклу, и его губы расплущились как у негра. Он скосил глаза и несколько раз чмокнул стекло этими вывороченными губами.

— Придурки, — смеясь, сказала Марина.

— Любовь! — прокричал Рамиль приглушенным голосом. — Любовь!

— Водитель, — прогудел из темноты Репа. — Поехали. А то под трибунал отдам.

— Придурки, — повторила Марина.

— Вот у меня тут триста баксов, — сказал я.

— Не надо. Я не могу их взять.

— Почему?

— Я не могу их взять у тебя.

— Именно у меня?

— Я не могу их взять, Миша.

— Водитель, — снова загудел Репа. — В какой части службу несете?

— Поезжай, — сказала Марина. — Они все равно не дадут поговорить. Я тебе потом как-нибудь все объясню.

В темноте я почти не видел ее лица.

— Ты уверена?

— Да, я уверена. Но все равно, большое спасибо.

Она привстала на цыпочки, и по щеке у меня скользнул легкий летящий поцелуй.

— Ты чудо, — шепнула она.

* * *

На следующий день я отправился навестить Сашу-Мерседеса. На переднем сиденье у меня лежал журнал с фотографией Шумахера на обложке. Гонщик стоял на пьедестале с сияю-

щим лицом и поливал публику шампанским из огромной бутылки. На такую фотографию Саша должен был пойти как щука идет на хорошую блесну. Все, что мне оставалось — лишь аккуратно подсесть и потом наблюдать, как рыба засверкает чешуей в воздухе.

Моей старой знакомой на прежнем месте не оказалось. Должно быть, она все-таки не смогла нести бремя Шашиных налогов. Ничего не поделаешь. Каждый выживает в одиночку. По крайней мере, я успел ей хоть как-то помочь с теми десятью баксами. Надеюсь, они ей пригодятся.

Я прогулялся между прилавками и почти сразу наткнулся на бывший магазинчик Ильи Семеновича. Сомнений у меня не возникало. Все окна были обклеены плакатами. На каждом постере красовался болид той или иной команды. Этот Саша явно помешался на «Формуле-1». Журнальчик мой должен был сработать на сто процентов. Знал бы Шумахер, для чего может пригодиться его фотография.

Как только я вошел внутрь, от прилавка на меня посмотрело удивительно знакомое лицо. Я где-то встречал этого человека, но где и при каких обстоятельствах — так быстро я вспомнить не мог.

— Слышь, мужик, — сказала лицо. — Где-то я тебя раньше видел.

— Такая же история, — ответил я.

— Радиатор у тебя сильно знакомый.

— В смысле?

— Мордально я тебя вроде помню, а вот кто ты — ну хоть убей... Ты не в Борзе служил?

— Где?

— В Читинской области.

— Нет. Там я точно не служил.

— Блин, да что такое! — чертыхнулся он. — Ну, вот вертится в голове! Может, этим летом в травматологии вместе лежали? Первая Градская больница, а?

— Нет. Я в другой больнице лежал. Хотя тоже в травматологии.

— Точно не в Первой Градской?

— Сто пудов.

— Блин! Где же я тебя видел?.. Может, у Николай Николаича?

— Да нет. Я даже не знаю, кто такой Николай Николаевич.

— Подожди! — его лицо неожиданно просветлело. — У тебя машина есть?

— Есть.

— Где она?

— На стоянке, у входа на рынок.

— Пошли! — Он поднялся из-за прилавка.

— Куда?

— Машину твою смотреть.

— Зачем?

— Пошли, я тебе говорю. Там разберемся. — Эй, Киря! — крикнул он в сторону приоткрытой задней двери. — Хорош мозги колупать! Иди сюда. Поработай немного.

Из подсобки показался бритоголовый Киря. Хмуро посмотрев на меня, он плюхнулся на стул за прилавком. Кожаная куртка у него на поясе подозрительно оттопыривалась.

— Сейчас мы с тобой все выясним, — сказал мой «старый знакомый». — Пошли, посмотрим на твою тачку. Вспомнил! — сказал он, как только мы подошли к машине. — Лэндровер девяносто второго года. Специальная модель для сафари. Усовершенствованная коробка передач. У тебя в салоне, кажется, над водительским сиденьем обивка немного отодралась.

От удивления я не знал, что сказать. Я все еще не мог вспомнить этого человека.

— Ты ведь Михаил, точно?

— Ну да... только...

— Мы тебя в армию провожали полгода назад. Мне еще ногу тогда сломали. А ты все-таки откосил?

У меня голова пошла кругом. Я вдруг понял, что разговариваю с тем самым дембелем, который весной устроил переполох с членовредительством на проводах моих знакомых.

— Откосил? — повторил он, заглядывая мне в лицо.

— Да нет... ты знаешь... Это не меня тогда провожали.

— Не тебя? — он хлопнул по капоту и захохотал. — А я тогда еще подумал — жалко пацана. Такую тачку придется на два года бросать. Точно не тебя провожали?

— Нет, не меня.

— Вот, блин. Видимо, я тогда сильно набрался. Ни черта не соображал. Ты помнишь, как мне ногу сломали?

— Помню.

— Уроды! Хотя, все равно жалко пацанов. Слышал, что с Петровичем приключилось?

— Нет. Я тут... уезжал на некоторое время.

— Недавно заходил к его мамке. Сидит, ревет. Я говорю, что за дела? А она мне, мол, Петровича чечены поймали. В плен Петрович попал. Прикинь, на фиг, кавказский пленник.

— Он разве в Чечне служил?

— Да нет, где-то в России. Но там рядом, на юге. Прикинь, чечены в конец оборзели. Сейчас Березовский поехал его выкупать. Вчера по телеку сообщили. Там до фига, оказывается, уже наших пацанов. А эти козлы только сейчас стали чесаться.

— А мать его что?

— А что мать? Сидит, плачет. Она боится, что они ему яйца отрежут. Внуков, говорит, никогда не увижу. Прикинь, Петрович попал.

— Да уж, — сказал я. — Ну а ты-то как? Зажила нога?

— Да сейчас вроде бы все нормально. Срасталась плохо. Аппарат Елизарова без конца перекручивали. Еще потом одна спица загнила. Короче, говно.

— Да, не повезло тебе.

— Это как посмотреть.

— В смысле?

— Я там с хорошими людьми познакомился.

— С Николаем Николаевичем?

Он посмотрел на меня с подозрением:

— А ты что, его знаешь?

— Нет. Но ты сам про него сказал десять минут назад.

— А! Ну да... Когда я сказал?

— Да когда пытался вспомнить, где меня видел.

— Да?.. А Николай Николаич здесь при чем?

— Да я-то откуда знаю! Ты спросил, может, мы встречались у Николая Николаевича.

Он задумчиво покачал головой:

— Слушай, какой человек! Настоящий мужик. Вот нам кого надо в президенты. Разбирается во всей херне. Если бы не он, я бы сейчас до сих пор у себя на заправке говно разгребал.

— Ты на заправке раньше работал?

— Ну да. Нормально, конечно, получал, но не так, как здесь, на рынке. Здесь четкие бабки. Без всяких базаров, четкая капуста. Зелеными, и всегда вовремя.

— А как ты с ним познакомился?

— В одной палате вместе лежали. У меня аппарат на левой ноге, а у него — на правой. Я ему машину диагностировал, не выходя из больницы.

— Как это?

— У него «Вольво» уже целый месяц барахлила. Он пожаловался, что его механики ни хрена сделать не могут. Я у него кое-что расспросил и сразу все понял. Объяснил ему, но он тоже запомнить не мог. Тогда я его мужикам по сотовому все рассказал, что там к чему. Они на другой день уже отремонтировали. После этого Николай Николаич мне новую работу предложил.

— Вот здесь на рынке?

— Ну. Хватит, говорит, дурочку валять. Пусть долбоебы на дядю работают. Человек, говорит, должен работать только на самого себя.

— Верная мысль.

— Ну вот, я сразу, как выписался, сюда перешел. А на заправке всем сказал, чтобы они пошли в жопу. Знаешь, как они меня там достали.

— Саня! — крикнул кто-то из ворот рынка.

Он обернулся и махнул в ту сторону.

— Иду! Ни фиги без меня не можете!

— Ну, давай, — он снова повернулся ко мне и протянул руку. — А то хочешь, я тебя на работу возьму?

— Я подумаю.

На руке у него был вытатуирован аккуратный «Феррари».

— Нравится? — сказал он, заметив мой взгляд. — Классная наколка. После больницы сделал. Ну, давай! Заходи, если чего надумаешь.

Я стоял и смотрел ему вслед, пока он не обернулся.

— Слышь, — крикнул он. — А ты чего в травматологии-то лежал?

— Да так, — махнул я в ответ. — Бандитская пуля.

Когда он исчез за воротами рынка, я выбросил в урну журнал с портретом Шумахера.

* * *

Теперь я стал ездить к Марине на дачу практически каждый день. После отъезда моего «иркутского родственника» «домоуправление неожиданно решило поменять все трубы в доме», и это, разумеется, потребовало моего присутствия. Вслед за этим мне пришлось вплотную заняться своим ранением, поскольку в Москве проездом оказался «знаменитый экстрасенс», который мог излечить последствия самых серьезных травм одним лишь прикосновением. Естественно, я не мог упустить такой шанс, поэтому Сергею еще несколько дней пришлось обойтись без моего общества. Потом я несколько раз эпизодически отлучался по менее значительным поводам, но так или иначе мне всегда приходилось что-нибудь врать. Ложь снова стала неотъемлемой частью моей жизни. А что еще мне оставалось? Не мог же я сказать, что езжу к Марине. Вряд ли Сережа понял бы меня правильно. Я уж не говорю про Павла Петровича.

На даче было хорошо. Сначала мне не совсем нравилось то, что там постоянно ошивались Маринины однокурсники, но со временем я к ним привык, и когда они не приезжали, даже без них скучал. Чаще всего появлялись Репа и длинноволосый Рамиль, с которыми я познакомился в свой второй приезд. Иногда бывали другие, но эти приезжали почти каждый день. Им надо было репетировать свой спектакль, а эти двое были заняты во всех сценах, где играла Марина. Со временем я догадался, что они приезжают на дачу из-за нее. Не в том смысле, что у них там что-то такое с ней было, а в том, что они понимали ее положение. Ей было трудно ездить каждый день в Москву из-за маленького Мишки, да и с деньгами после смерти Ильи Семеновича теперь все стало не слава богу. Я еще несколько раз пытался всучить ей сколько-то долларов, но она была как каменная стена.

— У нас еще много картошки, — улыбаясь, говорила она, и я заталкивал свои баксы в задний карман.

Короче, мне нравились эти двое. Они явно не собирались бросать Марину в беде.

Судя по всему, я им нравился тоже. Во всяком случае, они любили мой джип. Если на свой счет я еще мог сомневаться, то в их чувствах к моей машине был абсолютно уверен.

— Классная у тебя тачка, — говорил Рамиль, развалившись на заднем сиденье.

— Хороший аппарат, — одобрительно гудел Репа.

— Что бы мы без тебя делали?

— Ездили бы на электричке, — улыбался я в ответ.

— А чем ты вообще занимаешься?

— В смысле?

— Да отвяжись ты от него, — гудел Репа. — Радоваться надо, что человек нам помогает.

— Да я же так, в принципе только хотел узнать.

— Засунь свои принципы себе сам знаешь куда.

— Грубый ты, Репа. Неотзывчивый.

— Это у меня только голос такой. А на самом деле я бленький, пушистый и с хвостиком.

— Все очень просто, — смеялся я. — Мне работать не надо. Я внебрачный сын Черномырдина.

— Так мы, значит, братья, — кричал Рамиль. — У тебя вот тут есть родимое пятно?

По вечерам, когда они заканчивали репетировать, мы пили чай на веранде. Марина заваривала его со смородиновым листом, и мы подолгу болтали, не вставая из-за стола до тех пор, пока солнце не пряталось за верхушками деревьев. После заката в лесу становилось прохладно, и тогда не было ничего приятнее на свете, чем горячая кружка чая в руках. По ночам было уже по-настоящему холодно, поэтому перед отъездом мы каждый вечер добросовестно топили печку.

— А то приедем завтра, — говорил Рамиль, — а вы тут уже скукожились.

— Я и сама умею огонь разводить.

— Не знаю, не знаю. На самом деле, тут требуется профессионал. Видишь, как пламя переходит от этого полена к ос-

тальным? Видишь, как стелется? Думаешь, это само так получилось? Нет, дорогая моя. Годы усиленных тренировок плюс золотая медаль первой степени на курсах подготовки юных пожарников.

— Ты самый невероятный болтун, — смеялась Марина. — Собирайся скорей. Михаил тебя ждет уже пятнадцать минут.

— Все в порядке, — отвечал я. — Лично мне спешить некуда.

— Я не болтун, — говорил Рамиль. — Я умный, талантливый и обаятельный.

Сначала меня удивляла манера их поведения, но постепенно я к ней привык. Сама их профессия требовала от них того, чтобы они отличались от остальных людей. То, что у нормального человека считалось бы хвастовством или даже, может быть, наглостью, у этих артистов проходило как «очаровательная» выходка. Временами меня корбило от их шуток, но я смотрел на Марину, и она делала мне глазами знак, чтобы я не обращал внимания.

Вскоре трава по утрам начала покрываться инеем. Она все еще оставалась зеленой, но, когда я приезжал пораньше, на ней серебрился аккуратный белый налет. Рамиль называл его радиоактивным осадком. Мы даже не заметили, как выпал первый снег. Осенью вообще все происходит незаметно.

— Снегу-то навалило, — сказал как-то Репа, входя на веранду и стуча ботинками о порог. — Надо же, в первый раз и сразу так много.

— Сдурел, что ли, «в первый раз»? — немедленно откликнулся Рамиль, закрывая печную дверцу и поворачиваясь красным лицом. — На прошлой неделе уже был снег, и второго числа тоже.

— А сегодня какое?

— Здрасьте! Сегодня четвертое.

— Уже ноябрь?

— Проснулся! До премьеры осталось всего ничего, а ты никак текст не выучишь.

— Поехали кататься на лошадях, — подала голос Марина. — На снегу знаете как красиво.

— Поехали, — закричал Рамиль. — Достал уже этот Чехов!

— Я не знаю, — прогудел Репа. — Мне, правда, надо текст учить. Десять страниц еще... Но так-то я, в общем, не против...

Они все посмотрели на меня.

— Я вас, конечно, отвезу, — сказал я. — Но... на лошадь я больше не сяду.

— А что значит «больше»? — спросил Рамиль.

* * *

Когда мы приехали в то место, с которым у меня были связаны довольно противоречивые воспоминания, снег покрывал уже практически все. Он до сих пор продолжал падать.

— Как в сказке, — сказала Марина, ловя руками крупные медленные хлопья.

— А я что говорил, — пробурчал Репа.

— Молчал бы уж, — отозвался Рамиль. — Тебе вообще надо было дома сидеть и учить слова.

— Слушай, ну почему у меня так плохо запоминаются роли? — вздохнул Репа.

— А ты знаешь, что он учудил на последнем показе? — повернулся Рамиль ко мне.

— Да ладно тебе, — прогудел Репа. — Другие покруче делают оговорки.

— Он вышел на середину сцены и вместо того, чтобы сказать: «Кто-кто, а я-то уж знаю, что такое русский дух», взял да и брякнул: «Кто-кто, а я-то уж знаю, что такое русский бух». Прикинь! А там целая куча журналистов. У мастера в тот день юбилей отмечали. Как давай там все ржать, а Репа, главное, стоит и не уходит. Глаза сделал большие и стоит на одном месте.

— Я же говорю, я не заметил, что оговорился.

— И ты прикинь, каким он это голосом сказал! — продолжал смеяться Рамиль. — Он же раскатил это по всему залу таким басом... У всех просто мурашки побежали по телу.

— Хватит вам, — сказала Марина, запуская в Рамиля снежком. — Пошли к лошадям, пока снег не растаял.

Весь лес вокруг конюшни был в снегу. Мы шли по едва заметной тропинке сквозь пелену кружащихся хлопьев, которые плавно опускались нам на плечи.

— И главное, не ветерка, — сказал Рамиль, нагибаясь, чтобы зачерпнуть пригоршню снега. — С детства люблю его есть.

— Снег есть нельзя, — сообщил маленький Мишка, котрый, как собачонка, мотался вокруг нас взад и вперед.

— Мне тоже мама так говорила, — кивнул Рамиль. — Но я все равно его ел. Хочешь попробовать?

— Да, — сказал Мишка.

— Не вздумай, — сказала Марина. — Заставлю таблетки есть.

— Бе, — скривился Мишка и упал спиной в снег.

— Ну-ка, вставай, и так уже весь извозился.

Их голоса долетали до меня как сквозь вату. Снег приглушил все звуки, наполнив лес тишиной. Конюшня, деревья, фигуры моих спутников — все погрузилось в эту безмолвную белую массу, которая медленно скользила сверху вниз, как будто небо решило сойти на землю и улечься на ней огромным сияющим одеялом. Мне даже казалось, что я слышу, как шуршат снежинки, опускаясь на сосны, на нас, на крышу длинного деревянного дома — на все.

— Не отставай, — крикнула мне Марина, обернувшись почти у самой двери в конюшню. — Если не хочешь, можешь не ездить верхом. Я вообще могу одна покататься.

— Ну, почему же одна, — откликнулся Рамиль.

— Нет-нет, все в порядке, — сказал я. — У меня просто что-то голова закружилась.

— Это от свежего воздуха, — авторитетно сказал он. — Тебе надо вернуться к машине и подышать выхлопным газом. Сразу почувствуешь себя лучше.

Впрочем, он напрасно храбрился. Очень скоро выяснилось, что у него с лошадьми тоже были непростые отношения. Если я в прошлый раз сумел продержаться почти полчаса, то у него проблемы начались с первой минуты. Конь, которого ему выделили коварные обитатели конюшни, сразу отказался признавать его право сидеть у себя на спине. Я его вполне понимаю. Когда какой-то длинноволосый татарин захочет усесть тебе на шею, практически на самую голову, тут поневоле возникнут некоторые сомнения. Так или иначе, животное крутилось на месте, косило глазами, крипело и вообще всячески

проявляло свое неодобрение. С первого взгляда было видно, насколько ему не по душе вся эта затея. Наивный Рамиль полагал, что это сейчас пройдет, и что лошадь привыкнет к нему, и все такое. Но я-то знал, что его ожидает. Повадки местных зверей были мне знакомы.

Тем не менее упрямый татарин продолжал прыгать на одной ноге вокруг жеребца, пытаясь в то же время как можно выше поднять вторую ногу. Иногда ему удавалось занести ее над собственной головой, но это продолжалось буквально доли секунды, которых явно не хватало для того, чтобы оказаться в седле. Во всяком случае, конь не находил эти попытки вполне убедительными. Через пять минут этого яростного балета мы уже погибали от хохота, но Рамиль не хотел сдаваться. Лицо у него стало красным, а волосы разлетелись волной, накрывая временами почти всю спину теперь уже очевидно напуганного жеребца. Кто его знает, может, и вправду это был совсем молодой конь. Тогда я его вдвойне понимаю. Кто бы на его месте не испугался? Надо было видеть глаза этого Рамиля. Он просто взбесился. Еще немного, и он бы, наверное, загрыз бедную конягу. Во всяком случае, снег вокруг этой парочки так и клубился.

Репя, глядя на них, сообщил, что он подышит воздухом и сегодня не в настроении для верховой езды. Еле отдышавшись от смеха, я сказал ему, что он принял мудрое решение. Марина обозвала нас дураками и легко вскочила на свою белую лошадь. Рамиль к этому времени продвинулся настолько, что начал время от времени появляться над крупом изнуренного борьбой коня. Тот уже явно ослабил сопротивление, и неистовому татарину оставалось совсем немного. В перерывах между приступами дикого хохота мы с Репой нестройными голосами стали подбадривать товарища. Вскоре мы уже были не в силах стоять на ногах, и один за другим попадали прямо на снег, корчась от хохота. Маленький Мишка тут же присоединился к нашей куче мале. Он был абсолютно счастлив.

Наконец каким-то чудом Рамилю удалось удержаться наверху. Конь на мгновение застыл, изумленный своим поражением. Мы затаили дыхание, а Рамиль торжествующе посмотрел на нас с высоты таким взглядом, что у меня мурашки побежали по коже. Чингисхан во время Полтавской битвы. В этот мо-

мент конь, очевидно, опомнился и сделал неуловимое движение вбок, как будто собирался завалиться на спину. Рамиль неловко взмахнул руками и начал сползать влево, скрываясь от наших глаз за коричневым крупом. Последнее, что мы увидели, был его взгляд. Это был взгляд злого, но очень растерянного человека.

В конце концов мы решили не оставлять товарища в беде, тем более, что он явно не собирался сдаваться. Мы подняли его на ноги, стряхнули с него снег и пообещали, что будем держать проклятого зверя с двух сторон, пока Рамиль не сядет ему на спину, как он того хотел. Пока мы вели все эти переговоры, конь внимательно смотрел на нас большими блестящими глазами, очевидно догадываясь, что мы готовим ему новую пакость. Иногда сам удивляюсь, до чего сообразительными могут быть разные твари. Я сейчас не только лошадей имею в виду.

Короче, мы обманным путем подкрались к жеребцу с двух сторон и прихватили его за те веревочки, которые торчат у него изо рта. Теперь он уже не мог крутить башкой так, как прежде. Правда, в его распоряжении все еще оставалась задняя часть. Филейная область его лошадиного организма. И вот тут он решил не давать нам спуску. Вернее, не нам, а опять-таки упрямому Рамилю. С какой бы стороны ни подбирался к нему татарин, перед ним каждый раз оказывалась конская задница с парой таких крепких ног, что ими с одного раза можно было ухлопать взвод конкретных десантников, а не то что какого-то одного subtilного артиста с длинными волосами.

Тем не менее природа взяла свое. Поколения кочевников, дремлющие в крови этого бешеного Рамиля, восстали ото сна. Его лицо исказилось ужасной гримасой. Он отбежал от коня метров на пять, подхватил целую пригоршню снега, сунул ее себе за пазуху и завизжал, как будто кто-то резал его ножом. Конь заметно насторожился, но для него все уже было кончено. Рамиль пригнулся к земле и побежал к нему странными прыгающими шагами. Я никогда в жизни до этого не видел, чтобы кто-нибудь передвигался по земле таким образом. Когда до цели оставался один шаг, Рамиль как ракета взвился высоко в воздух. Впрочем, скорее, он даже взвился не как ракета, а как комета, потому что его волосы, словно ионный хвост,

черной лентой развевались у него за спиной. Я еще успел подумать, что это могло бы быть свежей идеей для рекламы шампуня «Head & Shoulders».

Пока Рамиль находился в воздухе, наш бедный конь стоял смирно, не ожидая никакого подвоха. Однако как только татарин дикой кошкой опустился к нему на спину, он встал на задние ноги, легко оторвав нас с удивленным Репой от земли. Меня пронзила такая боль, как будто кто-то снова выстрелил мне в ключицу. Я до этого даже не подозревал, что лошади бывают такие сильные. Повисев секунду над заснеженным полем, мы оба отпустили рассерженное животное. При этом мы, разумеется, постарались отпрыгнуть как можно дальше. Передние копыта словно две молнии просвистели над нашими головами.

В следующее мгновение освободившийся конь сделал головокружительный прыжок, пытаясь избавиться от уцепившегося за его гриву Рамиля. Однако татарина теперь уже было не испугать. Кровь забурлила в нем, не оставляя места нормальному человеческому страху. Он что-то кричал диким голосом и колотил лошадь по голове. В конце концов конь захрипел и перепрыгнул через невысокий забор. Взбрасывая задними ногами, он помчался в сторону дальнего леса. Минуту спустя до нас долетел затихающий крик Рамиля. Лично мне он напомнил прощальную песню улетающих журавлей. У меня даже сердце защемило от грусти.

— Будем надеяться, он приедет назад, — задыхаясь, сказал Репа.

— Надо вызывать «скорую», — выдавил я, потирая ключицу. — Здесь телефон, интересно, есть в этой конюшне?

* * *

Марина сказала, что звонить никому не надо и что она поедет и найдет умчавшегося на коне Рамиля.

— Правда, нужно, чтобы кто-нибудь поехал со мной. Одна я могу там искать очень долго. Кто его знает, куда он ускакал.

Мы с Репой посмотрели друг на друга. В его глазах я прочитал холодную ненависть к лошадям. В моих глазах он очевидно прочитал то же самое.

— Я, конечно, могу отправиться с тобой, — сказал я. — Но только... пешком.

— Пешком?!!

— Ну да. Я буду бежать рядом с твоей лошадкой... Слушай, а может, там джип как-нибудь пройдет?

— Ты же был там весной.

— Да уж, — вздохнул я.

Мне даже показалось, что у меня снова заболели ребра, когда я вспомнил о той поездке.

— Мы будем выглядеть с тобой как два идиота, — сказала она.

— Это гораздо лучше, чем выглядеть как один идиот и один покойник.

— А я что буду делать? — прогудел Репа, вытряхивая из карманов снег.

— Следи за маленьким, — сказала Марина. — Не дай бог еще он куда-нибудь убежит.

— Я убегу, — закричал Мишка, кувыряясь в снежной куче. — Я тоже в лес убегу.

— Попробуй только, — пригрозила она. — Я сразу Подзавдовского позову.

— А кто это? — спросил я.

— Поехали! Сейчас некогда. Я тебе потом объясню.

Рамиля мы нашли почти сразу. Он сидел под елкой и смотрел на нас печальными глазами.

— Ну как? — сказал я.

В ответ он мрачно покачал головой:

— Надо его пристрелить.

— Вот-вот, я то же самое говорил этой весной.

— Ты что, уже пробовал?

— Ездить пробовал, но скоро, может быть, попробую пристрелить.

— Кончайте молоть чепуху, — вмешалась Марина. — Куда он ускакал?

— Ничего себе, чепуха, — со стоном поднимаясь, сказал Рамиль. — Я, между прочим, запросто мог разбиться.

— Ты ведь не стоишь несколько тысяч долларов.

— Он что, такой дорогой?

— Куда он ускакал?

— Вон туда. — Рамиль махнул рукой в самую чашу.

— Хорошо. — Марина сразу успокоилась. — Оттуда он никуда не денется. Мы с Михаилом пойдем и приведем его, а ты возвращайся обратно. Сможешь дойти или я тебя подвезу?

— Ни за что на свете.

— Верный ответ, — сказал я. — Она весной у меня тоже про это спрашивала.

— Ты идешь или нет? — заторопила меня Марина.

— Иду, иду. Должны же мы проявить заботу о раненом.

— Он сам виноват. Не надо было нервировать лошадь.

— Это я ее нервировал?! — У Рамиля перехватило голос от возмущения.

— Пойдем, — крикнула она и развернула свою кобылу в сторону леса.

— Не сердись, — сказал я ему. — У женщин и лошадей вообще очень много общего.

— О чем ты с ним разговаривал? — спросила она, когда я подошел к ней поближе.

— Ни о чем.

— Только, пожалуйста, не надо мне врать.

— Я и не думал даже.

Вскоре она спустилась с лошади и повела ее под уздцы. Я шел рядом, следя за ней краем глаза. Снегопад уже почти прекратился.

— Ты в последнее время стал реже к нам приезжать, — неожиданно сказала она.

Я был настолько удивлен, что даже не сразу ответил.

— И Мишка скучает без тебя.

— Реже? — наконец сказал я. — Да я приезжаю практически каждый день.

— Разве? — она на минуту приостановилась и поправила что-то там у лошади. — Впрочем, не важно. Помнишь это место?

— Конкретно вот это?

— Да.

— Ну, как тебе сказать... Лес, в принципе, я помню, но так, чтобы именно это место... Здесь теперь все по-другому... Полгода прошло...

— Вон там ты упал. — Она указала рукой вперед и немного вправо.

— Где?

— Вон там, у того дерева. Видишь рядом большой куст?

Я вдруг и вправду узнал:

— Точно! Надо же, то самое дерево. Ну и память у тебя!

— А потом мы возвращались по той дороге.

— Я помню, — сказал я. — На тебе был тогда белый свитер.

— Да? — она пожала плечами. — Не помню.

Минуту мы шли в молчании, прислушиваясь к тому, как скрипит снег. Потом вдруг оба начали в одно и то же время: «А помнишь?..» и рассмеялись.

— Что ты хотел спросить?

— Нет, ты первая.

— Да я... Ничего важного...

— Нет-нет, давай ты. Ты первая начала.

— Я только хотела... Нет! Я так не могу.

— Кончай. Сначала ты скажи, о чем хотела спросить, а потом я.

— Хорошо. — Она похлопала лошадку по боку и улыбнулась. — Я собиралась тебя спросить насчет того поцелуя...

— Насчет того поцелуя? Какого поцелуя? Я что-то не помню.

— Мишка! — она подхватила с земли пригоршню снега и запустила ею в меня.

Снег широкой вуалью разлетелся в воздухе и медленно осел, не пролетев и полметра.

— Какого поцелуя, я тебе говорю? Первого или второго?

Она махнула в мою сторону рукой, повернулась и пошла дальше. Мне пришлось ускорить шаг, чтобы ее догнать. Еще эта лошадь вечно отталкивала меня к деревьям. Чуть глаза себе не выколол, пока ее догонял.

— О чем ты тогда думал?

— Я? Я думал о том, как бы тебя поцеловать.

— Перестань.

— Нет, правда. Ты была такая классная в белом свитере...

— Да не было у меня никакого свитера! Откуда ты его взял?

— Я его ниоткуда не брал. Он был в тот день на тебе. Можешь мне смело поверить.

- Это почему?
- Что почему?
- Почему я должна тебе верить?
- Потому что я все помню.
- Все?
- Каждую минуту.
- Не может быть. — Она остановилась и смахнула снежную пыль с моего лица.
- Почему не может быть? Правда. Хочешь — проверь. Она задумчиво нахмурила брови:
- Что у меня было на голове?
- Ничего. Ты ничего не надела. В тот день ударили заморозки, но ты забыла надеть шапку. Все думали, что зима уже кончилась.
- Правда? А я не помню.
- Ты сдавала зачет по танцу, и я заехал за тобой в институт. Потом мы разговаривали про гомосеков.
- Она сделала удивленное лицо.
- Потом мы заехали за маленьким Мишкой и отправились сюда. Но дорога подмерзла, и нам пришлось идти довольно долго пешком. От этого у тебя замерзли уши.
- Фантастика, — сказала она. — Ну у тебя и память.
- Зато я не помнил то место, где упал.
- А потом?
- Потом мы пили горячий кофе, и это было хорошо.
- А дальше?
- У меня возникли проблемы с Рыжиком.
- Ты даже имя помнишь.
- Такие вещи не забывают. Попробуй, скажи Рамилю, как зовут его сегодняшнего жеребца, а потом проверь лет через пятнадцать.
- Ты думаешь?
- Ну через десять.
- Хорошо, и что было потом?
- Потом я упал, и ты меня поцеловала.
- Подожди, подожди. — Она засмеялась и погрозила мне пальцем. — Это ты меня поцеловал.
- Я?

— А кто же еще? Набросился на меня как животное. Я думала — ты решил меня изнасиловать.

— Я не насилую девушек в белых свитерах.

— Ты точно уверен, что это был именно белый свитер?

— Сто процентов. Я никогда до этого не видел, чтобы свитера выглядели так сексуально.

— Вот видишь, — снова засмеялась она. — Сам признался, что был озабочен.

— Может быть, — сказал я. — Но потом-то ты меня поцеловала.

— Я?

— А кто же еще? Наклонилась и поцеловала.

— Ну это, наверное, как-нибудь так случайно вышло.

— Ни фига не случайно. У тебя знаешь какое серьезное было лицо.

— Какое? — Взгляд ее вдруг изменился.

— Вот как сейчас, — сказал я.

Она снова что-то поправила на своей лошади.

— Смотри. — Я показал рукой в сторону запорошенных снегом кустов. — А вот и наш конь.

Он спокойно стоял на одном месте и время от времени переступал с ноги на ногу, позвякивая уздечкой.

— Вот мы его и нашли, — сказал я.

Она сделала шаг ко мне. Я смотрел на нее, не шелохнувшись.

— У тебя тогда тоже было вот такое лицо, — сказала она, и ее глаза оказались рядом с моими. — Помнишь?

— Нет, — успел шепнуть я.

— Врешь.

Она прильнула к моим губам так сильно, что у меня закружилась голова. Еще секунда и мы бы упали.

* * *

Следующие несколько дней Рамилю пришлось отшучиваться от бесконечных намеков на его приключение.

— А я как увидел тебя на нем, — говорил Репа, — сразу подумал: «Ну, надо же, как сидит! Точно влитой!» У тебя, слу-

чайно, не было родственников-кавалеристов? Что-то в тебе такое все-таки есть.

— Давайте, давайте, — пожимал плечами Рамиль. — Отоспитесь на мне. Ваш праздник.

— У него, наверное, бабушка была кавалеристом, — подхватывал кто-нибудь другой.

— Да-да, — соглашался Рамиль. — Она служила в армии у Буденного. Конем. А тебя, кстати, в лесу с нами не было. Так что можешь отдыхать.

— Но я так живо все это представляю. Ты у меня прямо перед глазами стоишь. А может, она у тебя работала наездницей в цирке?

— Открою вам, ребята, секрет. Я по натуре всадник.

Так продолжалось довольно долго. Они мучили его буквально с утра до вечера. Передышку он получал только во время репетиций.

Нам с маленьким Мишкой в эти часы совершенно нечем было заняться, поэтому обычно мы тоже сидели где-нибудь в углу. Я не очень много понимал во всем этом их театре, но все равно делать было нечего. Так что мы спокойно ждали, когда закончится репетиция и можно будет заняться чем-нибудь интересным.

Впрочем, наши «артисты» тоже не сходили с ума от счастья на этих самых своих «репетициях». Они много спорили, иногда ругались. При этом обзывали друг друга такими словами, за которые среди нормальных людей легко можно было схлопотать в бубен. Однако они никогда почему-то не обижались. Сначала кричали визгливыми голосами, могли бросить в кого-нибудь чем придется, а потом спокойно пили на веранде чай и подсмеивались друг над другом. Лично мне нелегко было понять привычки этих людей.

Стоило одному из них произнести: «Чехов хотел сказать вот это», — как тут же кто-нибудь другой отвечал: «Пошел ты в зад!» «Это почему?» — спрашивал первый и немедленно получал в ответ: «Потому что он не был таким идиотом, как ты!» Они могли ругаться так очень долго, но почти всегда спор завершался одним и тем же выводом, что Чехов был гений и что «за свой базар он отвечает».

Я, честно говоря, не всегда был с ними согласен. Не в том смысле, что Чехов «не отвечал за свой базар», а в том, что он был вот такой уж вот гений. На самом деле, когда они не ругались или не обсуждали развод Брюса Уиллиса и Деми Мур, я изо всех сил старался следить за тем, что происходило у них в этой пьесе. Я очень честно старался. Настолько честно, что даже попросил однажды у Репы его текст. Но там ничего не происходило. Я специально взял текст, чтобы посмотреть, как там было у Чехова, но в пьесе все было точно так же, как и у них. То есть там ничего не было.

Они ходили из угла в угол со скучными лицами и произносили длинные монологи, от которых маленький Мишка почти всегда засыпал. Я вообще заметил, что по его реакции можно смело судить о том, что хорошо и что плохо. Например, когда кто-то принес компакт с музыкой Моцарта, Мишка прыгал вокруг музыкального центра как обезьянка. Бетховен прошел у него на «ура». Вивальди заставил его сидеть тихо, как мышка. Элвис Пресли превратил его в настоящего черта. Он раскачивался на своих маленьких ногах, запрокидывал голову, делал невероятные движения. Мы все собрались вокруг него и хохотали минут пятнадцать. Такое пропустить было нельзя.

Пьесу Чехова в исполнении моих новых друзей можно было пропустить почти полностью.

Они продолжали ходить со скучными лицами, сидели на стульях, смотрели друг на друга и куда-то под потолок. Каждый раз, как они смотрели под потолок, у них возникала долгая пауза, а потом кто-нибудь обязательно говорил: «Гениально», — и они все повторяли как заведенные: «Гениально! Просто гениально! Чехов был гений!» Видимо, им нравилось, когда удавалось вот так помолчать.

Но тогда этому Чехову вообще не надо было писать слов. Вышли бы на сцену, помолчали и разошлись. Вот это было бы гениально.

Главный прикол начинался, когда очередь доходила до Рамиля. Он играл натурального отморозка. Я сдерживался изо всех сил, чтобы не рассмеяться, когда он принимался подгружать остальных насчет того, что «человечество идет вперед совершенствуя свои силы». Вот тут уж точно надо было обла-

дать гением Чехова, чтобы написать такой текст. При этом лица всех остальных делались еще скучнее, но они очень внимательно смотрели на его рот. Им надо было знать, когда он закончит. А он всю задвигал им про тех, кто «называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят „ты“, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота». Меня лично больше всего добивало то, что «рабочие спят без подушек». Это было круто. Это было не в бровь, а в глаз.

Но, разумеется, мы с Мишкой всегда оживали, как только выходила наша Марина. У нее была какая-то странная роль. Странная, но очень смешная. Она всегда говорила с немецким акцентом, показывала фокусы и без конца ела огурцы. Почему она ела именно огурцы, наверное, не знал даже Чехов. Взял да заставил ее есть первое, что пришло на ум. Может быть, сам в это время помыл себе огурчик. Но так-то, вообще, было прикольно.

Больше всего мне нравилось в ее роли то место в начале второго действия, где она говорит о своих родителях. Каждый раз, как она начинала этот небольшой монолог, я испытывал к ней такую жалость, что с трудом мог смотреть в ее сторону. Приходилось отворачиваться и говорить себе, что это всего лишь пьеса, которой к тому же недавно исполнилось сто лет. Надо признать, в этом случае Чехов попал в десятку. Как будто на самом деле все знал про Марину.

Сначала она с улыбкой вспоминала свое детство и то, как «отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень хорошие». Но в следующее мгновение по ее лицу пробежала тень, она опускала глаза и говорила, что «папаша и мамаша» теперь умерли.

Нельзя сказать, что я был большим другом Ильи Семеновича, но в эти минуты я удивительно остро понимал ее одиночество. В этой сцене ей даже не надо было ничего играть. В словах, которые написал Чехов, было так много ее самой, что они выходили у нее совершенно естественно. Они звучали печально, как последний вздох, и у меня каждый раз по спине бежали мурашки.

Потом она опускала голову еще ниже и произносила глухим голосом: «Так хочется поговорить, а не с кем... Никого у меня нет». Однажды она заплакала в этом месте, а маленький Мишка соскользнул с моего колена, побежал к ней, по дороге запнулся, упал между стульев, вскочил и с такими же, как у нее слезами, обхватил ее обеими руками за ноги. Так они стояли, обнявшись, и плакали, а мы не знали, что делать, и просто сидели с серьезными лицами, стараясь не смотреть друг на друга.

Но в остальном у нее была очень смешная роль. Такая же смешная, как у Епиходова. Он тоже иногда говорил грустные вещи, но чаще просто прикалывался. Называл гитару мандолиной, рассказывал про тараканов у себя в квасе, про пауков на груди, пел песни и нес всякую чепуху. Эти две роли в спектакле мне нравились. По крайней мере, я их понимал.

Главной болью были обсуждения после репетиций. Иногда они приставали ко мне, чтобы узнать мое мнение. Их интересовал «свежий взгляд со стороны». Я постоянно отнекивался, но временами они бывали очень настойчивы.

— Ну, как тебе? — спрашивал кто-нибудь из них.

Не всегда это был тот, кто мне нравился.

— Очень актуальная вещь, — говорил я. — Жизненная. Но секса мало. И вообще, непонятно, чего они все хотят.

— Как это мало? Да здесь и не должно быть секса. Это же классика.

— Вот я и говорю. Никакого секса.

— Ну и что?

— Не знаю. Как-то не по приколу. Смысл какой им тогда собираться? Они же не на работу туда приходят.

— Ты что хочешь сказать, что «Вишневый сад» устарел?

— Я хочу сказать, что не понимаю, чего им всем надо.

— Подожди, я сейчас тебе все объясню...

И он пускался в длинные рассуждения по поводу глубокой поэтичности русской бессюжетной драматургии, гениальности психоанализа и тому подобных вещей, а я смотрел на Марину, которая переодевала маленького Мишку, потому что он изволился в пыли, ползая под кроватью. Я смотрел, как он поднимает над головой нелепые пухлые ручки, как она вертит его,

щекочет ему живот, как он прижимает локти, уворачиваясь от нее, и хихикает. В эти минуты я мог легко вынести даже самую идиотскую болтовню. Просто кивал головой и смотрел как бы в пространство.

— Да-да, конечно, — говорил я.

* * *

Но иногда Мишка становился невыносим.

— Ешь, а то Подзадовского позову, — говорила Марина раздраженным тоном.

— Не буду есть эту глину! — кричал в ответ Мишка. — Сама ее ешь!

— Это не глина, а картофельное пюре. — Она изо всех сил честно пыталась взять себя в руки.

— Глина! Глина! Я ненавижу глину! Я колбаску хочу!

— Сейчас как тресну! — срывалась она наконец. — Даже Подзадовского звать не буду.

— Подзадовского не бывает, — продолжал кричать Мишка. — Не бывает! И Деда Мороза не бывает! Все врешь! Колбаску хочу! Надоела глина!

— А ну, заткнись! — кричала она и наконец отпускала ему затрещину.

Мишка убежал из-за стола и прятался где-нибудь на чердаке, а Марина сидела на кухне и утирала слезы. Я не очень понимал, как надо обращаться с маленькими детьми, но чувствовал, что взрослым девушкам в этой ситуации тоже нужна помощь. Если честно сказать, жалко было обоих.

— Перестань, какой смысл теперь плакать?

— Я дура. Тупая дура. Он же совсем маленький.

— Ничего страшного.

— Он же не понимает. А я его стукнула. Разозлилась, как будто он во всем виноват. Господи, так стыдно.

— Все будет хорошо.

— А он вчера ночью меня спросил: «Долго еще папы с нами не будет?»

— Перестань себя мучить. Он иногда сам напрашивается.

— Он маленький.

— Это правда, — соглашался я. — А кто такой Подзадовский? Ты про него еще в лесу вспоминала.

— Подзадовский? — она в последний раз утирала слезы. — Это папа еще давно придумал. Когда я маленькая была. Если я капризничала, он всегда говорил, что у него есть такой друг, который приходит к непослушным детям и наказывает их вместо родителей. Я только потом поняла, что Подзадовский — это совсем не фамилия. Это от слова «под зад». Понимаешь? У нас тогда еще мама живая была.

Она уже улыбалась, но в глазах ее по-прежнему оставалась печаль.

— Ничего у меня не выходит. После его смерти все валится из рук. Деньги исчезают как ветер. Экономь — не экономь. Скоро на хлеб не останется. От картошки и правда уже тошнит. Что делать? Может, дачу продать?

Она тяжело вздыхала, и лицо ее становилось мрачным.

— Как в вашем спектакле, — говорил я.

— Что? — она непонимающе смотрела на меня.

— У Чехова. Там они тоже думают сад продать.

— А, — говорила она и снова опускала голову. — Еще этот спектакль не вовремя. Совсем не до диплома сейчас. Ну, почему он умер?

— Точно не возьмешь у меня пару сотен? — осторожно задавал я свой дежурный вопрос.

— Отвяжись, — устало говорила она и поднималась, чтобы идти искать Мишку. — Да и какой смысл в двух сотнях? Хотя все равно, спасибо. Ты ужасно милый. Поможешь мне его найти?

Я понимал, что так не могло продолжаться вечно. Цены с ураганной скоростью росли каждый день. В правительстве начался бесовский шабаш. В Москве и Питере политиков отстреливали одного за другим. Зачем-то убили даже Старовойтову. Финансовые боссы показали своим западным кредиторам кукиш и отказались платить по долгам. Целая страна была объявлена банкротом. Только кретин в этой ситуации мог надеяться на что-нибудь. Россия, а вместе с ней и все мы, со свистом летела псу под хвост. У меня было такое ощущение, что оставались считанные месяцы. Впрочем, вся эта долбаная страна меня не очень-то волновала. Я нервничал бук-

вально из-за четырех людей. Среди них два места принадлежали Марине и ее брату. Я должен был позаботиться об этих двоих. В конце концов я решил, что откладывать больше нельзя. Надо было наконец сделать то, о чем я думал вот уже две недели.

* * *

Сергей даже не стал спрашивать, зачем мне понадобился пистолет. Не знаю, почему он не спросил. Может, потому, что это был тот самый пистолет. А может, он просто постеснялся. Не каждый, наверное, сумеет прострелить кому-нибудь ключицу, а потом еще приставать с вопросами насчет пистолета. Я ведь не спрашивал его, как он провез эту штуку через границу и почему отец ее не отобрал. Тем более я не спрашивал его, на фига он вообще ее держал у себя. Как память, что ли? Или на случай, если я опять рядом подвернусь? При каких-нибудь непредвиденных обстоятельствах.

Короче, на эту тему можно себе придумывать разные вещи, но в кармане у меня теперь лежал револьвер. Это был факт. Классная, между прочим, штука. Правда, одного патрона в барабане уже не хватало. Итальянский хирург вырезал эту пулю из моего плеча и со звоном бросил ее в железный тазик. Наверное, мне следовало выпросить у них эту самую пулю, чтобы сделать из нее такой навороченный талисман. Может быть... Не знаю... Я лично хотел забыть обо всем этом.

Снег, выпавший три дня назад к этому времени уже весь растаял. Когда мы были в лесу, мне даже показалось, что наступила настоящая зима. Сейчас мне больше так не казалось. Мой джип напоминал теперь скорее катер. За всю дорогу до самых Кузьминок я ни разу не выехал на сухое место. Потоки талой грязи заливали всю проезжую часть.

В центре я заскочил на десять минут в «Детский мир», а потом напрямик поехал в Кузьминки. Из-за грязи дорога заняла больше времени, чем обычно. Я старался притормаживать. Не ездить же по городу совсем как свинья. Тем более что у меня в кармане лежал револьвер с боевыми патронами. Встреча с гаишниками мне сейчас точно нужна была меньше всего.

На рынке у «Будапешта» народу было немного. То ли из-за раннего утра, то ли оттого, что деньги у всех закончились. Так или иначе, в магазине у Саши-Мерседеса вообще никого не было. За прилавком стоял тот бритый амбал, которого Саша оставил вместо себя в прошлый раз.

«Сегодня у этого быка будет тяжелый рабочий день, — подумал я. — Можете на меня положиться».

Куртка у него не оттопыривалась. Значит, с оружием я тут был один. Пока, во всяком случае.

— Мне бы Сашу повидать, — вкрадчиво, как мне казалось, произнес я.

— А кто спрашивает?

«Вот как бы врезал тебе по мозгам, — мелькнуло у меня в голове. — Слеп, что ли? Я спрашиваю».

— Один старый знакомый. Мы разговаривали с ним неделю назад.

— Он занят.

«Какого же черта ты спрашивал, кто я такой?»

Я сжал в кармане рукоятку пистолета. Не то чтобы родился соблазн, но так как-то... Само получилось...

— Вы все-таки сообщите ему, что пришел Михаил. У которого «Лэндровер» девяносто второго года.

Амбал хмуро посмотрел на меня, а потом исчез за дверью в подсобку. Через минуту оттуда показался сияющий Саша.

— Здорово, — закричал он. — А я думаю, с кем это Киря базарит?

— Все нормально, — сказал он амбалу. — Это свои. Можешь идти за меня поработать. Я тут пока постою.

— Ты ему не понравился, — засмеялся он, когда амбал скрылся за дверью. — Киря очень серьезный мужик. Моя служба безопасности.

— Чем это вы так заняты? — наконец спросил я. — Конспирация, как у шпионов. Переворот готовите?

— Какой, на фиг, переворот. Бабки считаем. Я уже вторую ночь не сплю. Знаешь, какие бабульки сейчас из-за этого кризиса пошли? Народ просто сдурел. Мешками русские рубли тащат. У кого что есть. Лишь бы от деревянных поскорей избавиться. Всякую ерунду покупают. Видишь, тут почти все

вымели. А у меня только на одном этом рынке четыре точки. И еще на Рязанском проспекте. Ты-то успел русские бабки скинуть?

— Да у меня их и не было.

— В долларах все держал? — снова засмеялся он. — Умный! Чего же нас не предупредил?

— Откуда у меня доллары? Я вообще человек неимущий. Нигде не работаю.

— Кстати, насчет работы. Надумал ко мне идти?

— Да нет, я к тебе по другому поводу.

— Да? А что такое? Только давай быстрее. А то Киря считать ненавидит. Он математичке в седьмом классе руку сломал.

— В школе?

— А где еще? Очень был развитой мальчик. На занятия ходил строго с бейсбольной битой.

— И сколько у тебя таких, как он?

— Сколько есть — все мои. Тебе-то зачем?

— Да я просто так спросил. У меня к тебе вот какое дело...

В эту минуту из-за двери показалась еще одна бритая голова:

— Слышь, Саня. Иди-ка сюда скорей.

— Подожди, — быстро сказал мне Саша-Мерседес.

На целых десять минут я остался один в магазине. Если бы в мои планы входило украсть что-нибудь, я мог вынести даже прилавок. Впрочем, я приехал сюда по другому поводу. Так что оставалось только стоять и ждать.

— Слышь, земля, прости, — сказал Саша, наконец появляясь из подсобки. — Косяк у них там получился. Никак без меня не могли базар развести. Трудная вещь — деньги. Путают людей. Даже нормальные мужики из-за них между собой запросто могут пересобачиться. Так зачем ты, говоришь, приехал?

— Мне нужно показать тебе кое-что.

— Да? Ну, давай показывай.

— Да нет... Видишь ли, эта вещь... она далеко...

— Далеко? Ну и хрен с ней. Потом покажешь.

— Нет, я хочу, чтобы ты обязательно сейчас посмотрел.

— Да что у тебя там такое? Ты нормально можешь сказать?

— Надо бы нам с тобой подъехать кое-куда...

— Сейчас?

— Ну да...

— Нет, братан. Сейчас я не могу. Ты же видишь, у меня пацианы нервничают. Если я уеду, они тут друг друга перестреляют, и тогда капец моему бизнесу. А я должен сегодня к шести часам Николай Николаичу отчитаться за целую кучу бабок. Говорил им, блин, не надо жрать наркоту!

Вот к этому я не был готов. Я совершенно упустил из виду, что этот дебил может оказаться занят. Я даже понятия не имел, что на нем может лежать какая-то там ответственность.

Тем не менее факт был налицо. Он отказывался ехать со мной. Мой план рухнул в самом начале. Я мог спокойно уезжать, позабыв о карьере Робин Гуда.

— Может, все-таки поедем, а?..

— Нет, братан, не могу. В любой другой день, ладно? Кто же знал, что этот кризис так обернется. За целый год столько бабок не заработали, сколько в эти пять дней. Прикинь. Так что давай заскакивай.

Он быстро пожал мне руку, и через минуту передо мной стоял хмурый бритоголовый Киря.

— Может, купить чего? — с иронией бульдозера поинтересовался он. — Только мы уже почти все продали.

* * *

Нет, такого поворота я не ожидал. Вся идея строилась на том, чтобы Саша-Мерседес поехал со мной. Я просто представить себе не мог, что он вот так возьмет и скажет: «Я не поеду». Не мог же я вытащить свой пистолет и заставить его. Для пистолета было еще слишком рано. В моей пьесе он должен был появиться гораздо позже. Здесь в магазине он только испортил бы всю картину.

Мне ничего не оставалось делать, как развернуться и молча уйти. Ухмылку этого Кири я не столько увидел, сколько почувствовал. Никогда до этого, кстати, ничего не чувствовал спиной. Видимо, этот урод ухмыльнулся по-настоящему. Словно салом меня мазнул между лопатками.

Я вышел из магазина в самом растерянном состоянии. Что я теперь мог поделать? Не возвращаться же к ним через пять минут. Надо было что-то придумать. Я остановился на крыльце и огляделся вокруг. Весь рынок превратился в огромную грязную лужу. Из того угла, где чучмеки торговали фруктами, несло какой-то ужасной гнилью. Около своих деревянных прилавков под навесами копошились сонные продавцы. Над головами у них висели черные куртки, розовое нижнее белье, соломенные шляпы и китайские игрушечные пистолеты. Надо было что-то делать. Я должен был выманить его из магазина.

Еще раз окинув взглядом дешевые турецкие трусы, я завелся по-настоящему. Если бы только этот Саша и все его дебилы, вместе взятые, могли знать, как мне противен их рынок, их паршивая тусня и вообще все, чем они занимаются, то, наверное, они сами бы взяли и застрелились. Такой ненависти, честно сказать, я уже давно ни к кому не испытывал. Теперь мне стало плевать на то, что я им сейчас скажу. Если надо будет, слова придут сами собой. Главное, чтобы было верно по ощущениям. Во всяком случае, так говорили Маринины однокурсники.

Раз подходит Чехову, значит, должно было подойти и мне.

— Слышь, позови-ка Саню мне еще раз, — сказал я удивленному Кире, снова входя в магазин.

Вернуться стоило только ради того, чтобы посмотреть на его рожу. В первую минуту, когда он еще не успел разозлиться, вид у него был прикольный.

— Он же сказал, что занят, — наконец пробурчал Киря.

— Давай зови, а то потом сам не обрадуешься.

Я уже понял, что жлобов надо пугать. Причем их ни за что не напугаешь дубиной, но вот своего начальства они боятся больше огня. Как, впрочем, наверное, все русские люди. Этот ни в коем случае не был исключением.

— Давай, давай, — поторопил я его. — А то Сане скажу. Мы с ним с детского сада еще дружбаны. Он тебе потом мозги за меня вкрутит.

— Ну, чего ты? — недовольным голосом сказал мой «дружбан», появляясь из подсобки.

— Короче, я решил обойтись без сюрприза.

— Без какого сюрприза? — насторожился он.

Могу себе представить, что он обо мне подумал.

— Ты о чем вообще? — сказал Саша-Мерседес. — У тебя все нормально?

— У меня все нормально. Просто я хотел сделать тебе сюрприз. Но, видимо, придется все прямо тут рассказать.

— Что рассказать?

Саша-Мерседес посмотрел на Кирию, и мне показалось, что сейчас он прикажет ему вышвырнуть меня на улицу. Не сомневаюсь, что Кирия потом вспоминал бы этот день как самый удачный за всю осень. Надрать задницу такому хмырю, как я, наверняка для него было высшим кайфом. Я понял, что надо спешить. Взгляд мой упал на Сашину татуировку. Не самый лучший вариант, разумеется... Но попробовать все же стоило.

— Я насчет вот этой машины...

Саша посмотрел на свою правую кисть.

— «Феррари»?

— Ну да. Тебе же нравятся спортивные машины.

— Нравятся.

— Ну вот, я и подумал, что тебе, наверное, не запахло посмотреть на такую тачку.

— А ты знаешь, где можно увидеть F50?

В его голосе я отчетливо услышал смесь недоверия, волнения и внезапной радости. Теперь этот идиот на сто процентов был мой.

— Можно не только посмотреть.

— Дадут покататься?

Я, конечно, не мог разделить его чувств, потому что сам не настолько торчу от автомобилей, но на две-три секунды мне вдруг стало перед ним стыдно. Я обманул его как ребенка. Может, в моем обмане не было ничего плохого, но я понимал, что в его случае — это любовь. Настоящая детская трогательная любовь.

— Я точно не знаю. Но, в принципе, можно договориться.

— Я сам смогу поводить?

Мне стало совсем стыдно.

— Да... Наверное, сможешь... Там нормальные мужики.

— Сейчас, подожди. Я только куртку возьму.

— Ты же сегодня должен отчитаться, — недовольно пробурчал Киря. — Николай Николаич не любит косяков.

— Да? — Саша на мгновение остановился. — В его глазах мелькнула растерянность. Впрочем, я понимал, что это была всего лишь растерянность ребенка.

— Они сегодня увезут ее из Москвы.

Я даже сам не знал, что могу быть таким безжалостным.

— Поехали с нами, — сказал Саша своему быку.

Очевидно, он пытался найти компромисс. Ему хотелось хоть как-то успокоить свою совесть.

— Нас там неправильно поймут, — вставил я.

В мои планы Киря совершенно не вписывался.

— Короче, поехали, — от нетерпения Саша крутнулся на месте.

Теперь ему было плевать даже на простые приличия. Передо мной стоял человек, который за себя больше не отвечал.

* * *

Когда мы сели в машину, я еще не до конца верил в то, что мне удалось выманить его с собой. Сдерживая дыхание, я вынул из кармана ключи и на мгновение замер, как будто боялся, что звук мотора спугнет так неожиданно поверившего мне Саню. Тем более что выдумка была идиотская.

— Ну, чего ты? — нетерпеливо сказал он. — Давай заводь. Поехали. Нам далеко?

— Да нет, — невнятно пробормотал я. — Тут совсем рядом.

— А я, представляешь, сегодня сон видел, — продолжал он. — Как будто сижу в голубом «Порше», а мне навстречу классная телка на мотоцикле. На Харлее, прикинь! Прямо в руку сон. Только тут не «Порше» оказался, а «Феррари». Нет, ты прикинь! «Порше» голубого цвета. Такой яркий-яркий как в кино. А эта «Феррари» какого цвета?

— Что? — сказал я.

— Какой у нее цвет?

— Цвет у нее... бежевый.

— Бежевый? — удивился он. — Странно. Обычно их в бежевый цвет не красят.

— Ну... это, наверное, экспериментальная модель.

— Думаешь? Может быть... Они там чего только не придумают. Стоп! — неожиданно заорал он. — Я все понял!

От испуга я изо всех сил ударил по тормозам.

— Что ты понял?

На лбу у меня мгновенно выступила испарина.

— Я все понял, — повторил он. — Твоя тачка — это не голубой «Порше».

— Ну да, — начал я, заикаясь. — Я же тебе сказал, что это «Феррари» бежевого цвета.

— Да нет, — нетерпеливо отмахнулся он. — Твоя тачка — это та телка на мотоцикле.

— Какая телка? — выдавил я.

— Из моего сна. Я же тебе говорил. Помнишь?

— Телка?

— Ну да. Только сначала я думал, что твоя тачка — это мой голубой «Порше», а теперь понял, что это та классная телка. Она же мне навстречу ехала. Понимаешь? Я должен был ее встретить. Так было в моем сне. Вот, видишь — мы с ней сейчас встретимся. Все совпадает. Все срослось.

— В твоём сне?

— Ты что, в сны не веришь?

— Нет, почему же...

— Прикинь! — заорал он. — Натуральный сон в руку. Такая классная телка была. Я чуть не кончил. Даже проснулся от напряжения. У тебя так бывает?

Честно говоря, я совсем не ожидал такого взрыва эмоций. Этот бывший дембель опять меня удивил. Его несло, как будто он с утра успел хорошенечко обдолбиться.

— У меня вообще иногда бывают странные сны, — продолжал он, не дождавшись ответа. — Один раз, прикинь, в армии приснилось, что я сам почему-то оказался телкой. Причем внутри-то я все равно был самим собой. То есть внутри мужик, а снаружи телка. Я все хотел зайти куда-нибудь в туалет и посмотреть перед зеркалом, какие у меня титьки. Прикинь, крутой сон в армии приснился! Я потом пацанам рассказал — они вообще оття-

нулись. Завидовали мне по-черному. Им только одна жратва постоянно снилась и дембеля. Раз десять, наверное, им этот сон рассказал. Как Хазанов, блин, в каптерке концерты устраивал. А пацанам нравилось. Но это еще не все. Самый прикол в том сне у меня был, что я пошел в Военторг и купил двадцать пар погон. Такая толстая стопочка получилась. А потом отправил их самому себе в армию. Прикинь! И еще письмо написал: мол, меня погони почаще, чтоб не воняли, а то товарищи засмеют. Прикинь! А то товарищи засмеют! Типа как носки знаешь воняют? А тут, блин, погони. От такого сна вообще крыша поедет. Мы, видно, тогда сильно много жрали всякой дряни. Водки-то было нигде не найти. Ты клей разводить когда-нибудь пробовал?

Я неопределенно пожал плечами, делая вид, что поглощен дорогой. Машину и вправду без конца заносило.

— Мне так-то нравится сны смотреть, — снова заговорил он. — Иногда прикольные очень бывают. Вот как сегодня. Телка на мотоцикле приснилась, а мы теперь едем «Феррари» смотреть... Она откуда взялась-то?

— Кто?

— Откуда тачка?

— «Феррари»?.. Она... Ее один крутой барбос заказал... Из Калуги... Очень крутой. Хочет иметь свою «Феррари».

— Кто ж не хочет? — усмехнулся Саня. — Любой придурок захочет. Вопрос только — где взять полмиллиона баксов?

После этого он вывалил на меня целый ворох технической информации о той модели, которую мы ехали с ним «смотреть». Сложность состояла в том, что он каждый раз меня переспрашивал. Очевидно для него я сделался чем-то вроде эксперта. Тот факт, что я уже ее «видел», давал мне в его глазах огромный вес и неоспоримые преимущества. Он спрашивал меня о ее характеристиках, об истории создания и еще много всякой чепухи, о которой я, естественно, понятия не имел. Когда ситуация стала критической, я попытался отвлечь его внимание, переведя разговор на другую тему.

— Слушай, а как там Петрович? Выкупили его из Чечни?

Но Саша был упрям как топор.

— Да хрен с ним, с Петровичем. Что ему будет? Не выкупили, так выкупят. Ты мне вот еще что скажи...

И все начиналось снова. Он рассказывал, потом переспрашивал, я кивал, а когда уже ничего больше не оставалось, принимался нести всякую чушь. Надо было продержаться еще минут двадцать. До того места, куда я наметил его привезти, оставалось совсем немного. По моим подсчетам, в это время года там должно было оказаться пустынно.

* * *

— Так здесь нет никого, — сказал Саша, выпрыгивая из машины. — Ты куда меня привез?

— Сейчас ее сюда подгонят, — пообещал я.

Мне самому было смешно от моей тупой выдумки. Но он почему-то верил. Наверное, очень хотел, чтобы было именно так. Я снова почувствовал не совсем понятные уколы совести.

— Сюда? — переспросил он и оглянулся.

Он был совершенно прав. Местечко для «Феррари» я выбрал неподходящее. От дороги мы заехали по просеке довольно далеко в лес и теперь стояли у берега небольшого заросшего травой пруда. Слева от нас маячили кустики высохших камышей.

— Да они не хотят, чтобы ажиотаж поднимался. Ты же знаешь, сколько такая лялечка стоит.

— Базаров нет, — сказал Саша, подходя к самой кромке воды. — Смотри, уже льдом все это дело покрылось. Ты в детстве любил его ломать?

Он стукнул каблуком по темной блестящей поверхности.

— Осторожно, — сказал я. — Провалишься еще, не дай бог.

— Фигня, — махнул он рукой и продолжал колотить по твердому, неожиданно крепкому для этого времени льду.

Глядя на него, я вдруг подумал, что это, должно быть, очень странно с моей стороны привезти сюда человека ради того, что я задумал с ним сделать, а потом беспокоиться, как бы он не промочил себе ноги. Со мной всегда так. В самые ответственные моменты лезет в голову всякая чушь.

— А ты знаешь, на что это похоже? — неожиданно сказал он.

— В смысле?

— Ну вот, то, что мы с тобой сюда приехали за город, в такое заброшенное место. Ну, такая вот осень, и этот пруд, и деревья уже без листьев. Помнишь?

Я не понимал, о чем он говорит.

— Ну как! — он нетерпеливо взмахнул рукой. — «Семнадцать мгновений весны». Штирлиц. Ну?

Я помотал головой.

— Да ты помнишь! Там еще Дуров стоял у самой воды, а Штирлиц вдруг достал пистолет.

У меня на сердце похолодело.

«Не может быть, — подумал я. — Неужели он догадался?»

— Ну что, вспомнил? Там точно такое же было озеро, и деревья, и вот такие вот камыши. Вспомнил?

Я снова помотал головой.

— Да ну тебя! Ну, как ты не помнишь? Дуров стоял к нему спиной. Вот так. А Штирлиц вытащил пистолет и выстрелил, пока тот болтал без остановки. Вспомнил? Слушай, а может, они тут и снимали как раз?

Я просто потерял дар речи. Как он мог догадаться про мой пистолет? Или все-таки это была случайность?

— Вообще-то, я читал, что они снимали в Прибалтике, — продолжал говорить Саша. — А может, в газетах фигню тогда написали? Я точно озерцо это помню. Четыре раза весь фильм смотрел. Дуров оказался гнилым чуваком, и Штирлиц решил его завалить. Потому что, если его не завалить, он собирался на всех нормальных пацанов стукнуть. Ну, теперь вспомнил? Вот тут он стоял.

Я не знал, что ему ответить.

— А Штирлиц вот с этого места в него шмальнул. Вот прямо оттуда, где ты стоишь.

— Да-да, — наконец выдал я. — Теперь, кажется, припоминаю.

— Ну, вот видишь! — он радостно хлопнул руками. — Согласись, что это то самое место.

— Да... похоже на то...

— Брось ты свое «похоже»! То самое место и есть. Точно тебе говорю.

— Да, — сказал я. — Это то самое место.

— Ну вот! А ты сомневался.

От избытка чувств он хлопнул себя по ляжкам и прыгнул обеими ногами на лед.

Я не знаю, зачем он это сделал. Возможно, он был очень эмоциональным человеком. А может, ему захотелось наконец разбить неподдающийся ледяной панцирь. Я не знаю. Наверное, он любил доделывать все до конца.

Так или иначе, в следующую секунду он стоял по колено в воде и смотрел на меня испуганными глазами. Я подумал, что в более комичной ситуации мы вряд ли могли бы с ним оказаться. Теперь весь мой план принимал оттенок немного кино с участием Чарли Чаплина.

— Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! — заорал во весь голос Саша. — Провалился!

Странно было, чему он так удивляется. Если человек прыгает обеими ногами на лед для того, чтобы его сломать, то либо ему это удастся, и тогда он, естественно, должен оказаться в воде, либо у него ничего не выходит, и тогда зачем, спрашивается, вообще было прыгать?

Короче, этот человек-снаряд продолжал вопить, стоя в полуметре от берега, а мне хотелось подойти и врезать ему так, чтобы он наконец заткнулся. От агрессии меня удерживало только смутное чувство вины. Этот идиот оказался здесь по моей воле. Если бы не я, он бы сейчас спокойно сидел в тепле и считал свои деньги.

— Как я теперь поведу «Феррари»? — выкрикивал он из воды. — Они меня даже в салон не пустят! Я им всю машину изгажу!

Через две минуты он сидел на заднем сиденье моего джипа и выжимал носки, а я выливал воду из его промокших ботинок.

— Давай быстрее, — торопил он меня. — А то они сейчас приедут. И ноги у меня совсем задубели. Дверь хоть закрой. Сам-то стоишь обутый.

Я чувствовал, что еще немного — и я взорвусь. Он меня достал. Все-таки, наверное, план у меня оказался немного сыроват. И не только в том смысле, что у этого придурка были теперь мокрые ноги.

— Давай! — продолжал он. — Видишь, у меня уже пальцы посинели. Смотри, скрючились совсем!

Я бросил ему ботинки в открытую дверь. Может быть, чуть сильнее, чем требовалось.

— Эй, осторожней! — закричал он. — Чуть в башку не попал.

— Слушай, — наконец заговорил я о самом главном. — Я хотел тут тебя спросить про одну вещь.

— Что? — закричал он. — Говори громче, а то радио на полную катушку орет. Тебе нравятся эти телочки из «Блестящих»?

— Ну так выключи его! — не удержался я. — Выруби, раз не слышишь.

— Классные телки, — сказал он, убавляя звук. — Особенно длинная. У нее всегда пуп из-под рубашки торчит. Классный пупище. Я от него кончаю.

— Я хотел спросить у тебя насчет твоего магазина.

— В смысле? — пробурчал он, задирая ногу над головой, чтобы завязать длинные шнурки.

— Ты ведь недавно там командуешь?

— Ну.

— А кто был до тебя?

— Вот, блин, шнурок запутался, — проворчал он. — Хмырь один был. Тебе-то на фиг?

— Просто так. По приколу.

— Никогда раньше мокрые шнурки не завязывал. Скрипят как резиновые. Заболею, на фиг, точно воспалением легких.

— А куда он делся?

— Кто?

— Хмырь, который до тебя в магазине командовал.

— Помер.

— И тебе по наследству все хозяйство отдал?

— Не совсем, — усмехнулся Саша. — Пришлось на кое-какие рычаги надавить. Он был козел тот еще. Хорошо, что подох.

— А после него никого не осталось?

— Я остался, — заржал он.

— Нет, ну там... родственники... наследники...

— Осталась одна крыса с крысенком. — Он топнул ногой об пол. — Но я с ними разобрался... Слушай, а в правом еще вода. Ты, по ходу, не все вылил.

После его слов о Марине с маленьким Мишкой у меня исчезли последние остатки жалости. Мне больше не было стыдно перед ним. Он сам заслужил то, что с ним сейчас происходило. Каждый человек должен отвечать за свои поступки. В этом я был уверен как глубоко религиозный человек.

— Слышь, можно я теперь радио включу? — сказал он.

— Включай, — ответил я и опустил руку в карман за пистолетом.

* * *

— Ни фиги себе, классная пушка, — восхищенно сказал он. — Как настоящая! Где взял?

— Она и есть настоящая.

— Да ладно, брось ты. Откуда у тебя настоящая? Газовый, наверное. Дай посмотреть.

Он протянул руку, не отрывая восхищенного взгляда от пистолета.

— Ну, давай, чего ты? Я же не могу дотянуться.

— Он настоящий.

— Да я верю тебе. Дай посмотреть.

— Он заряжен.

— Дай посмотреть, тебе говорят.

— В нем только одного патрона не хватает.

— Слушай, подойди ближе. Я не хочу из машины вылезать.

На ботинки мокрые всякая дрянь пристанет.

— Он заряжен боевыми патронами.

— Блин, да что ты заладил. Думаешь, я оружия в руках не держал? Тем более он, по ходу, у тебя все-таки газовый. Подожди, я сейчас вылезу.

— Не надо, — быстро сказал я.

— Что не надо?

— Сиди там, где сидишь.

— В смысле? — у него в глазах мелькнуло детское удивление.

— Смотри.

Я навел пистолет на смятую банку от «Фанты», валявшуюся под деревом, и нажал на курок. Барабан плавно повернулся, грохнул выстрел, и банка отлетела шагов на десять.

— Ни фиги себе, — протянул Саша-Мерседес. — А ты ментов не боишься? Сейчас на дорогах сильно шмонают.

— Я ничего не боюсь.

— Дай посмотреть, — сказал он и выпрыгнул из машины.

— Стой! — крикнул я, наводя на него пистолет.

— Эй, осторожней! — закричал Саша. — Он же у тебя заряжен.

— Вот именно. Я же тебе говорил. Надень-ка вот это.

Я бросил ему то, за чем заезжал в «Детский мир».

— Наручники?! Ты что, сдурел? Кончай, дай сюда мне свой пистолет.

— Стой, где стоишь! — снова крикнул я. — Не двигайся!

— У тебя что, крыша поехала?!!

— Надень их!

— Не буду я ничего надевать. Пошел ты в жопу.

— Надень, — повторил я тихим голосом и поднял пистолет на уровень его лба.

— Да зачем?!!

— Надень, я тебе говорю.

— Вот, блин! — чертыхнулся он, застегивая наручники у себя на запястьях. — Странные какие-то. Чего ты задумал? С ума, что ли, сошел?

— Не дергай руками, — предупредил я его. — Стой смирно.

Я боялся, что он может их сломать. Если бы он только знал, что наручники для него я купил в «Детском мире»! Очень хорошая имитация. Для каких, интересно, детей делают такие игрушки?

— Ну а дальше-то что? — сказал он. — Ты на фиги все это сделал?

У него был очень глупый вид в этих наручниках. Боюсь, правда, что у меня с пистолетом тоже вид был не самый умный. Могу себе представить, как наша парочка смотрелась со стороны. Жаль, Маринины однокурсники нас не видели. Это уж точно было покруче их «Вишневого сада».

— Ну, и долго так будем стоять? — наконец сказал он. — Может, перестанешь целиться мне в рожу?

Но мне нужно было еще немного времени. Я все еще не совсем пришел в себя. У меня нервы разыгрались. Даже в ушах звенело.

— Подожди, — сказал я. — Можешь постоять так чуть-чуть? Сейчас я скажу тебе, что надо делать.

И тут он догадался, что я его обманул.

* * *

Люди, я заметил, вообще, странные существа. Иной так во что-нибудь поверит, что потом просто-напросто знать ничего не хочет. Даже если он стоит в лесу, и вокруг никого, и поблизости неизвестно насколько глубокий полузамерзший пруд, куда потом легко могут бросить его остывшее тело, а в голову ему наведен тяжелый черный револьвер, который один идиот незаконно протащил через таможду. Такому человеку уже объясняй не объясняй — ему все до лампочки. Единственное, что его волнует, — это то, что его накололи. Короче, он помолчал минуты две, а потом сказал:

— Ну и долго так будем стоять? Может, перестанешь целиться мне в рожу?

— Подожди, — ответил я. — Постой так чуть-чуть. Сейчас я скажу тебе, что надо делать.

— Стоп! — заорал он вдруг диким голосом.

Я раньше даже и не слышал, чтобы кто-нибудь так вот кричал. Может, их в армии этому учат.

— Стоп! — еще раз крикнул он, как будто одного раза ему было недостаточно.

Тем более прикол-то состоял в том, что мы и так оба стояли, почти без движений. Так что кому он кричал «стоп» — вообще остается загадкой.

— Стоп! — крикнул он в третий раз, и я подумал, что это уж точно был перебор.

— Чего ты? — спросил я. — Чего разорался? Можешь помолчать немного. У меня и так в ушах сильно звенит.

— Ты зачем меня сюда притащил?

— Подожди, сейчас все скажу.

— Ты меня специально сюда притащил, чтобы вот эти железки мне на руки нацепить?

— Стой смирно, а то я могу случайно нажать на курок.

— Ты меня кинул!

— Ну и что?

— Нет никакой «Феррари»?!!

— Откуда она возьмется в лесу, сам подумай.

— Я не смогу поехать на ней?!!

— Как-нибудь в другой раз.

— Ты обещал мне, что я буду водить «Феррари»!

В отчаянии он пнул ногой ствол дерева и тут же скривился от боли. На секунду я даже подумал, что все-таки придется, наверное, выстрелить в него. Он никак не мог успокоиться. Я даже не представлял, до какой степени для него все это было серьезно. Пистолет его уже практически не волновал. Он продолжал колотить ногами мой джип, и я начал серьезно волноваться, что он сломает либо ноги, либо машину.

— Эй, кончай! — крикнул я ему. — Завязывай. Ехать пора.

— Да пошел ты! — закричал он, поворачиваясь ко мне. — Козел! — В глазах у него блестели настоящие слезы. — Я из-за тебя ноги промочил!

Он продолжал ругаться без остановки, поэтому в конце концов я вынужден был достать клейкую ленту и заклеить ему рот. Не мог же я слушать его бесконечно.

Впрочем, довольно скоро выяснилось, что лучше мне было этого не делать.

Как только мы выехали на кольцевую, он начал издавать странные звуки. В детстве в деревне у бабушки я слышал такие звуки, когда закипал ее старый медный самовар. Сначала в него надо было накидать всяких щепочек, которые мы с двоюродным братом собирали по всему двору, а потом он начинал пыхтеть, окутавшись горьким дымом. Саша-Мерседес теперь пыхтел почти так же. Сидел со скованными руками и заклеенным ртом на переднем сиденье моего джипа и пыхтел, как бабушкин самовар.

В начале я решил не обращать на него внимания. Он и так мне уже всю плешь проел. То отказывался ехать, то проваливался под лед, то бампер мне чуть не погнул из-за того, что я кинул его с «Феррари». А как, спрашивается, мне было утащить его из этого паршивого магазина?!! Так нет, ему и этого было мало! Теперь он задумал пыхтеть. Ненависть с каждой минутой закипала во мне все сильнее.

Однако он не ограничился одним самоварным пыхтением. Видимо, для того, чтобы разозлить меня по-настоящему, он скоро начал выкатывать глаза. На мгновение затихал, поворачивался ко мне, чтобы я лучше видел, а потом выкатывал белки, красные, как у негра. Не знаю, как он сумел их так налить кровью, но мне было ужасно противно.

— Ты кончишь, блин, свой цирк или нет?! — заорал я.

На моем месте любой бы так закричал. Всякому терпению приходит конец. Кому будет приятно все это видеть?

— Кончай, я тебе говорю! Если не перестанешь, я тебя монтировкой по башке тресну.

Но он по-прежнему вертел головой и мычал что-то через клейкую ленту.

— Заткнись! Ты меня достал, идиот!

Я уже не знал, что с ним делать. Бить его монтировкой я бы, разумеется, не решился. Ему и так сегодня не повезло. К тому же кровь, наверное, испачкала бы сиденье.

Наконец он стал затихать, и я подумал: «Ну, слава богу». Ехать оставалось не больше пятнадцати минут.

Чуть-чуть помолчав, он вдруг захрипел и начал заваливаться на бок. Причем как раз на тот бок, где сидел я. Он навалился на меня всем телом, и мы едва не въехали в задницу темно-синей «восьмерки». Не знаю, как я сумел удержать руль. Меня прошибло таким потом, как будто я в шубе вошел в парную.

— Ты что, сдурел?! — заорал я, притормаживая у обочины. — Совсем обалдел, что ли?!

Он никак не отреагировал и продолжал лежать на моем плече. Чтобы оттолкнуть его, мне пришлось изрядно напрячься.

— Ты чего? — сказал я, когда его башка глухо стукнулась об стекло. — Ты меня слышишь?

Он бессмысленно тарачил глаза, практически не подавая признаков жизни.

— Эй, ты чего? — я вдруг забеспокоился. — У тебя все нормально?

Он так же тупо смотрел то ли на меня, то ли в пространство.

— Ты меня слышишь?

Он не отвечал.

— Ты как себя чувствуешь?

И вдруг я понял, что он умирает. Я увидел это в его глазах.

Вообще-то, я много чего не ожидал сегодня утром, но вот к этому, честно сказать, я точно не был готов. На сто процентов не был готов. На миллион процентов. На миллиард, если хотите.

* * *

— Ты что, не можешь дышать? — заорал я как сумасшедший. — Дышать не можешь? Эй, ты слышишь меня?!!

Я изо всех сил треснул его по щеке.

— Смотри на меня! Что с тобой?!! Ты меня видишь?

Он попытался поймать меня в фокус, но я понял, что ему это не удастся. Он ускользал от меня.

— Дыши! — закричал я и сорвал с его лица клейкую ленту. — Дыши! Давай дыши! Дыши глубже!

Лента оторвалась с таким ужасным треском, что мне показалось, будто вместе с ней отошел кусок кожи. Однако Саша-Мерседес даже не вздрогнул. Судя по всему, он уже почти не соображал, что с ним происходит.

— Астма, — просипел он. — Пластырь... Нельзя... Аллергия...

— У тебя астма? — закричал я. — Астма? Чего же ты раньше не предупредил?

Идиотский, конечно, вопрос, но у меня в этот момент у самого крыша чуть не поехала. В мои планы никак не входило убийство.

— Эй! Эй! — продолжал кричать я. — Не отключайся! Слушай меня!

Он захрипел и снова выкатил налитые кровью белки.

— Лекарство! У тебя должно быть какое-нибудь лекарство! Чем ты лечишься? Ты слышишь меня?

— В магазине... — прошипел он. — Киря знает...

Вот это был уже настоящий облом. Насколько я понимал, без лекарства он должен был скоро загнуться, и тогда его смерть оставалась полностью на моей совести. Впрочем, совесть была тут не самая крупная проблема. Куда я потом дену его труп? Вот от чего у меня мгновенно взмокло под мышками.

А с другой стороны, что я мог сказать Кире? «Ты знаешь, у нас вышел небольшой косячок. Я твоему боссу залепил рот клейкой лентой, и он теперь помирает. Быстрее покажи, где у него тут лекарство». Так, что ли, я должен был ему сказать?

— Слушай, — опять закричал я. — Как оно называется, это лекарство? Ты мне скажи. Может, в аптеке купим?

Но он больше не отзывался. Просто закатывал глаза и сипел, как испорченный электрический чайник. У меня от одного этого звука по коже пробивал мороз. Откуда мне было знать, что теперь делать? Я в реанимации не работал.

— Киря знает, — снова вдруг просипел он. — У Кири спроси... Помоги мне...

Вот так получилось, что я должен был спасти его жизнь. Причем времени оставалось явно немного.

* * *

— А где он? — сразу спросил меня Киря. — Где ты его оставил?

Лично я на его месте вряд ли стал бы так глубоко интересоваться географией.

— Ты давай лекарство тащи! Ему уже совсем плохо.

— Вот оно, — сказал он, появляясь через минуту из подсобки. — Я поеду с тобой. Где у тебя машина?

Оп! Это был еще один поворот, к которому я опять оказался не готов.

— Подожди, подожди. Куда ты собрался?

— Еду с тобой. Пошли скорей.

— Никуда ты не едешь.

Не мог же я позволить ему выйти из ворот рынка и увидеть его драгоценного Сашу-Мерседеса в моей машине без сознания, с окровавленным лицом и в наручниках из «Детского мира». Представляю, во что бы он тогда превратил мою физиономию. Да и не только физиономию, скорее всего.

— Как это я не еду? А ну-ка, пошли быстрее.

— Да иди ты в задницу! Будешь еще мне указывать!

Он опешил, явно не ожидая такой реакции. Что там он! Я сам ее не ожидал. А что еще мне оставалось делать?

— Чего? — наверное, ему показалось, будто он неправильно меня понял.

Ну что ж, я не гордый. Могу повторить.

— Пошел ты в жопу, козел! Командовать будешь в морге!

Насчет морга я, кажется, перебрал. Впрочем, сейчас важно было не дать ему опомниться. Тем более что лекарство он все еще держал у себя в руке.

— Давай мне его сюда!

— Что ты сказал? Ты меня назвал козлом?

— А кого же еще? Ты и есть натуральный козел. Только еще к тому же тупой в придачу. Потому что, если бы ты не был тупым, ты бы давно уже отдал мне это лекарство и не приставал бы со своими тупыми вопросами.

— Ну, вонючка, пришел тебе пиздец! — замычал он, наконец опомнившись.

Я понял, что наступает самый критический момент. Проиграть сейчас означало проиграть все.

— Только попробуй, — как можно более спокойно сказал я. — Тогда твой босс загнется через двадцать минут, и хрен я тебе скажу, где его искать. А потом за его смерть спросят с тебя. Потому что ты, козел, принял неверное решение. Думаю, Николай Николаич не спустит Сашину смерть тебе так легко. За базар придется ответить. Так что лучше давай сюда это долбаное лекарство, а сам отойди за прилавок. И чтобы я тебя видел, козел.

Я затаил дыхание, ожидая его реакции. Моя жизнь была теперь полностью в его руках. На широком, покрытом толстым слоем мяса лице нельзя было ничего прочитать. Надо быть мясником, чтобы читать по таким лицам.

— А почему я не могу поехать с тобой? — наконец разродился он от своих сомнений.

Это был хороший вопрос. По крайней мере, для меня. Он означал, что я уйду отсюда своим ходом. В том смысле, что меня не вынесут ногами вперед.

— Потому что я не хочу.

Теперь мне можно было куражиться, сколько влезет. Этот бегемот спасовал. К счастью для меня, он боялся начальства. Впрочем, я об этом уже, кажется, говорил.

— А почему?

Он пытался соблюсти приличия. Видимо, ему было важно оправдаться перед самим собой. Но я решил, что не сегодня и точно не за мой счет. Я не испытывал к нему жалости.

— Потому что ты просто шестерка. А я пускаю в свою машину только нормальных людей. Шестерки должны стоять на подхвате. Они не ездят в моей машине. Они шестерят. Достаточно того, что я трачу время на твоего босса. Потому что, в принципе, это вообще не мое дело. Такими вещами должна заниматься «скорая помощь». Давай сюда эту дрянь...

Я снова хотел назвать его «козлом», но на этот раз удержался. Кто его знает, насколько сильно он боялся начальства.

Когда он передавал синий флакончик, мне все-таки удалось прочесть кое-что на его лице. На нем было написано, что это не последняя наша встреча. Не очень ясно написано, но я сумел разобрать. Даже на таких лицах сквозь мясо иногда кое-что проступает.

* * *

— Ну как? — спросил я у Саши, когда он немного пришел в себя. — Получшело?

— Я думал — уже все, — еле слышно прошептал он. — Так сильно еще никогда не было.

— Длинный коридор видел? Яркий свет и белая дверь в конце?

— Ни хрена я не видел.

— Не ругайся, — сказал я.

— Почему? — он так удивился, что даже смог нормально держать голову.

— Когда ты ругаешься, от тебя ангел улетает. Плачет и улетает.

— Да? — он вытаращился на меня, как будто услышал глас Божий.

— Точно. Возвращается, только когда ты больше не матерись.

— Правда? А ты откуда знаешь?

— Один человек сказал. Он в церкви работает.

Не мог же я ему признаться, что я это сам сейчас выдумал. Так просто на ум вдруг пришло.

— Нет, я ничего не видел, — снова сказал он и опустил голову на спинку сиденья.

— А тебя как в армию-то забрали с твоей астмой?

— У меня ее не было тогда.

— Потом, что ли, заболел?

— Ну. Когда ногу этой весной сломал, в травматологии обкололи какой-то... херней.

Прежде чем сказать последнее слово, он на секунду загнулся и посмотрел на меня.

— Слышь, ты правду сказал насчет матерщины?

— Что ангел от тебя улетает?

— Ну.

— Сто процентов верняк. Мне очень надежный человек по секрету сказал. А когда ангел улетает, ты остаешься совсем беззащитный.

— Теперь понятно, — еле слышно пробормотал он.

— Что тебе понятно?

— Да я тут все думал, почему со мной вся эта... — он снова загнулся, — ерунда происходит.

— Какая ерунда?

— Не везет мне. Только начинает масть вроде идти, и тут — хоп! Обязательно какой-нибудь косяк вылезает. То ногу ломаю, то астму вдруг подцеплю, а теперь еще ты, блин, со своей пушкой...

Он опять на секунду задумался и тревожно посмотрел на меня.

— А «блин» можно говорить? Или все равно улетает?

Вид у него был очень обеспокоенный.

— «Блин» говорить можно, — разрешил я.

— Хорошо, — он облегченно вздохнул, — а то я думал совсем ни фиги нельзя.

— Так откуда у тебя астма?

— Говорю тебе, в больнице не тот какой-то укол воткнули. Ну и началась аллергия. А потом в астму все перешло.

— Ты же молодой совсем.

— А ты думал, астмой только старики болеют? — он усмехнулся. — Мне рассказывали у одних знакомых трехлетний пацан умер.

— Да ты что?

— Серьезно. В два года заболел, а в три уже умер.

— Ни фига себе.

— Так что зря ты мне этой штукой рот залепил. У меня от нее началась аллергия.

— Я не знал.

— И рожа вся в крови.

Он поднес руки к лицу и осторожно потрогал губы.

— Ты бил меня, что ли?

— Нет... это... — я не сразу нашелся что ему ответить. —

Лента так сильно прилипла.

— С кожей оторвал, на фиг.

— Так получилось.

У меня почему-то выходило, будто я перед ним оправдываюсь.

— Ну и что теперь делать-то будем? — сипло сказал он. —

Ты зачем все это затеял?

— Что? — переспросил я, хотя прекрасно его расслышал.

— На фига ты устроил весь этот шухер?

— Мне бабки нужны, — сказал я после небольшой паузы.

— Бабки? Это понятно. Бабки всем нужны. И ты надумал меня похитить?

— Что-то вроде того.

— Круто. Меня еще никто не похищал. И сколько тебе надо?

— Мне надо... — Я снова запнулся. — Мне надо пятьдесят штук.

— Зелеными? — уточнил он.

— Да.

— Круто. А где я столько возьму?

— Не знаю. У тебя магазин...

— С этого магазина я получаю десять процентов. Остальное идет Николай Николаичу.

— Ну, он пусть заплатит.

— Ему дешевле будет нас обоих с тобой завалить.

— Ну, я не знаю тогда. Что-то надо придумать... Короче, это не мои проблемы. Ты называешь мне телефон, а я звоню туда и прошу бабки.

— Вот так вот?

— Именно так.

— А если я сейчас открою дверцу и просто уйду?

— Тогда я выстрелю тебе в голову.

Он внимательно посмотрел мне в глаза:

— Правда выстрелишь?

— На сто процентов не знаю. Но можно проверить. Ты азартный?

Он слизнул кровь с верхней губы:

— Не настолько.

— Хорошо, — сказал я.

— Чего уж хорошего. А почему, интересно, Киря с тобой не пошел?

— Он собирался.

— Да? Ну и что?

— Я его не взял.

— И он тебя послушал?

— Не сразу.

— А ты, оказывается, крутой, — усмехнулся Саша. — Кирию обычно трудно уговорить.

— К каждому нужен индивидуальный подход.

— К нему лучше подходить сзади и с ломом в правой руке.

— Есть и другие способы.

— Он тебя убьет.

— Я уже понял.

— Нет, он серьезно тебя убьет. Насмерть.

— Для этого ему придется сначала меня найти.

— Он от тебя теперь не отстанет.

— Ничего. Как-нибудь переживем.

— А тебе зачем столько бабок?

Он задавал слишком много вопросов.

— Хочу свой бизнес открыть.

— Зря ты не пошел ко мне на рынок работать. Я бы и так тебе хорошо платил. А теперь Киря тебя убьет.

— Я это уже слышал.

Сначала я планировал заклеить ему глаза, чтобы он не видел дороги. Но потом просто откинул спинку его сиденья и набросил ему на голову свою куртку.

— Лежи смиренно, а то она упадет.

— Мне-то какое дело. Пусть падает, — глухо пробурчал он из-под куртки.

— Тогда я не смогу тебя отпустить.

— Убьешь, что ли?

— Еще не знаю. На эту тему я не думал пока... Просто не смогу отпустить.

— Так у тебя никакой жратвы не хватит. Ты сколько меня собираешься держать?

— Не знаю еще. Это не от меня зависит.

— Понятно, — сказал он. — Слышь!

— Что?

— Спасибо тебе.

— За что? — удивился я.

— За то, что глаза мне не заклеил. Все брови потом на хрен бы оторвал. Ты ведь хотел, спорим?

Он помолчал, но потом из-под куртки снова раздался его голос:

— Слушай, а «на хрен» можно говорить или нельзя?

— Я думаю, лучше не надо.

* * *

Когда мы подъехали к моему дому, мне пришлось снять с его головы куртку. Я не мог провести его от машины к подъезду в таком виде. Мало ли кто выглянул бы в этот момент из окна. Риск, что он запомнит дом, разумеется, был, но я так долго кружил по окрестностям, что найти именно это место впоследствии он мог лишь случайно.

— Только будь поосторожней с этими наручниками, — сказал я, приковывая его к батарее.

— Да? А что такое? — настороженно спросил он.

— Они не совсем обычные. Ты же видишь, у них немного другая форма.

— Вижу. Ну и что?

— Да ничего. Если ты будешь сильно дергаться, они взорвутся и разнесут мне всю кухню.

— Как это взорвутся?

— У них вот здесь, под этой штуковиной, скрыт детонатор.

— Да иди ты. — На этот раз он явно не поверил мне с первого раза.

— Сам попробуй. Дерни посильней, и увидишь. Мне лично терять нечего. Если тебе тоже без разницы, то давай.

Он внимательно посмотрел на наручники, а потом перевел недоверчивый взгляд на меня.

— Ерунда какая-то. Где ты их взял? Я про такие даже не слышал.

— Один эфэсбешник подарил. Я ему с сыном помог. Помнишь пацана, которого я притащил к Петровичу на проводы, когда мы с тобой познакомились? Вот это и был его сын. А наручники эти до прошлого года были засекречены. Поэтому ты про них ничего и не слышал. Но теперь в спецслужбы поступает на вооружение другая модель, так что эти уже не актуальны. Но ты с ними все равно поосторожней.

— Какая еще другая модель?

Надо было что-то очень быстро придумать.

— Те будут еще круче. Они впрыскивают яд. Цианистый калий. Ураганный отек легких, и задыхаешься через пятнадцать секунд. Как будто тебе в дыхательное горло влили пять литров воды.

Так нагло я, наверное, еще не врал никогда.

— Короче, я тебя предупредил. Старайся поменьше вертеться. А к телефону даже и не тянись. Его уже давно отключили.

Он облизнул губы и неожиданно улыбнулся.

— Ты чего? — спросил я.

— А я ведь кое-что видел.

— Что ты видел?

У меня похолодело на сердце. Неужели он запомнил дорогу? Сколько бы я не блефовал на этот счет, убивать его я точно не собирался.

— Ну, помнишь, ты спрашивал про свет в коридоре? Белая дверь в конце, все эти дела.

Я с облегчением перевел дух.

— Это когда ты лапты начал загибать?

— Ну. Теперь я точно вспомнил. Ясно так видел, как тебя.

— И что это было? Ангелы?

Он помолчал и еще раз улыбнулся:

— А не скажу.

— Почему?

— Да пошел ты в задницу. «Задница» ведь не матерщинное слово?

— Нет, это просто часть тела.

— Вот и пошел ты в эту часть тела. Ни фига я тебе не скажу.

* * *

Когда я приехал к Марине на дачу и спросил, можно ли остаться у нее ночевать, маленький Мишка бросил в меня мячом. Я поймал мяч и кинул его обратно. Так мы дурачились минут пять, а Марина смотрела на нас и качала головой.

— Ну, так как? — спросил я, когда Мишка убежал за своим мячиком к дальним деревьям.

Честно говоря, я специально закинул его туда.

— Ты же знаешь, — пожала она плечами. — Зачем спрашивать?

— Да? — сказал я.

За весь вечер она больше не обмолвилась на эту тему ни словом. Пока Мишка не уснул, мы молча целовались в темноте на веранде, а потом она увела меня к себе в комнату.

ЗИМА МИХАИЛ

Вообще-то, я не ожидал, что все это так получится. Не то, что я украду дебильного Сашу-Мерседеса, а то, что вдруг окажусь у Марины на даче. То есть, конечно, я хотел оказаться у нее на даче, но никто ведь не мог предположить, что это произойдет именно так. Я имею в виду, из-за того что в моей квартире теперь сидел этот узник. И главное, что все вышло как-то само собой. Саша сидел у меня в квартире, а я жил у Марины на даче.

Время от времени я наезжал в Москву, чтобы проведать его и повидаться с Сергеем. У Павла Петровича из-за финансового кризиса начались какие-то проблемы, и ему сделалось абсолютно не до меня. Сергей тоже ничего не хотел знать, кроме своего компьютера, поэтому я опять мог спокойно заниматься всем, чем угодно. И надо сказать, было чем.

Сашины боссы не хотели давать за него денег. Облом состоял в том, что я переоценил его персону. Он оказался простым исполнителем, который, в принципе, никому не был нужен. Раскошелиться из-за него никто не хотел. Они не то что пятьдесят штук, а даже тысячи за него бы не дали. Глубоко в душе я их понимал. Я уже сам был готов плюнуть на это дело, но все еще не знал, как поступить со своим «пленником». Марине я сказал, что у меня в квартире живет родственник из Сибири, который приехал в Москву на заработки, но вместо

этого начал сильно пить. Я не хотел, чтобы у нее возникло желание с ним познакомиться.

Впрочем, насчет этого я беспокоился напрасно. Если у нее и возникали какие-то желания, то все они были связаны с ее собственной жизнью. Ее совершенно перестало волновать все, что происходило за последней линией сосен, которые росли перед железнодорожной станцией. Остальной мир с поездами, скандалами, политическими убийствами для нее больше не существовал. Это было видно по ее спокойному взгляду, по ее движениям, по тому, как она отвечала на мои вопросы или вопросы маленького Мишки, по тому, как вечером она стелила постель, а утром убирала ее в ящики большого старинного шкафа. Я лично чувствовал себя точно так же. Иногда даже забывал, что у меня в квартире живет заложник.

Первый раз, кстати, когда мне в голову пришло это слово, я даже удивился. Оно совсем не подходило бедному Саше. Я привозил ему лекарства, кормил его Марининым супом, а он рассказывал мне про армию. Забавно, но он и в самом деле почти перестал материться. Много смотрел телевизор и потом рассказывал мне про какие-то драки в Гбсдуме. Я уже не приковылывал его наручниками к батарее. Просто закрывал на три оборота крабовый замок и уезжал. С двенадцатого этажа он бы ни за что не рискнул спуститься. Впрочем, иногда у меня создавалось впечатление, что он не очень-то и хотел. Не знаю почему, но у меня такое ощущение было. Может, он в этой своей армии привык сидеть на одном месте.

На даче мы, в общем, ничем особенным не занимались. Так, ходили на станцию, репетировали. Я возился с маленьким Мишкой. По вечерам Марина рассказывала ему сказки перед сном, и я удивлялся, откуда она знает так много.

— Я их не знаю, — однажды сказала она. — Я придумываю.

— Прямо так? — удивился я. — С ходу?

— Да. Они ведь все одинаковые. Добрый принц сначала попадает в беду, но потом обязательно находит свою принцессу.

— Вчера ты рассказывала про разбойника. А позавчера про Белого Волка.

— Ну и что? Все равно это тот же принц. Главное, что он находит свою принцессу.

— Можно, наверное, книжку детскую написать.

— Я об этом подумую, — говорила она и касалась пальцами моего лица.

Вообще, иногда мне было как-то странно оттого, что у меня вроде как появилась семья. Причем не просто семья, а целая семья сразу с настоящим ребенком. Правда, Марине он был не сыном, а братом, но разницы, в принципе, никакой. Поэтому я начал вдруг чувствовать себя как бы отцом. Смешно, конечно, но я правда начал. Ну, то есть любовь там, и все такое. По утрам просыпаясь и вдруг вспоминаешь, где ты вчера лег в постель. Сначала от этого вообще было очень странно. Такое ощущение, как будто всех обманул. Не в том смысле, что наколол кого-то или там кинул, а в том, что карта пришла небольшая, а ты блефанул, и тебе вдруг поверили. И при этом никто даже не злится на тебя. Лежишь утром в кровати, смотришь, как за окном падает снег, а в соседней комнате Мишка играет с собакой. Еще мне нравилось печку топить. Никогда до этого не думал, что может так вот понравиться. Марина блины все время делала по утрам. С клубничным вареньем было ужасно вкусно. А Мишка любил с вишневым.

Так у нас и прошло полтора месяца.

* * *

— Ну и погода, — сказал я, входя в квартиру и закрывая за собой дверь. — Пока до подъезда добежал, куртка успела намокнуть. Ты не знаешь, это вредно для кожи?

— У тебя турецкая? — спросил он.

— Сам ты «турецкая». В Италии покупал.

После выписки из больницы Павел Петрович действительно подогнал мне дежурную штуку баксов. Типа — премия на лекарства.

— Там тоже, наверное, полно турецких.

— Да пошел ты, — беззлобно ругнулся я. — Фирменный был магазин. Со всеми наворотами.

— Тогда ни фига ей не будет. Дождь, что ли, опять?

— Подойди к окну. Совсем уже обленился.

— А какой смысл? Я все равно на улицу уже сколько не выходил. Так что мне твоя погода без разницы.

— Такой зимы в Москве еще не было.

— В Москве еще до фи́га чего не было.

— Ну, дождь в конце декабря точно никогда раньше не шел. Надо же, может и правда конец света. В метро много про него говорят. Год, говорят, у нас всего остался.

— А сколько градусов?

— Плюс один.

— Тогда это конец света. Чего там еще говорят?

— Говорят, Ельцин скоро помрет.

— Это уже сколько лет говорят. Что еще?

— Доллар к февралю будет стоить тридцатку.

— Вот это больше похоже на правду. Еще?

— Русские договорятся с Хусейном и врежут американцам по заднице.

— Тогда точно будет конец света. Еще что?

— В Кремле одни голубые.

Саша поморщился:

— Ну, не знаю. Так-то, по телеку они нормальные мужики. Сытые такие. Довольные.

— А голубые должны быть голодными, что ли, хочешь сказать?

— Ну не знаю. Они выглядят по-другому. Не то что голодные там. Но такие знаешь не очень довольные. Как будто чего-то им надо еще.

— Понятно, чего им надо.

— А у этих, в Кремле, у них же все есть. У них жизнь по кайфу. Поэтому они такие толстые.

— В метро говорят, что скоро их тоже немного почикают.

— Никто их не будет чикать. Они сами кого хочешь почикают. В Чечне видел какой шухер конкретный навели? И хоть бы кто им слово сказал. Конкретно разобрались — с самолетами, с пушками, с танками. У этих пацанов широкий размах. Не сравнить с моим Николаем Николаичем. Хотя на своем уровне он тоже очень плотный мужик.

— Достал меня твой плотный мужик, — сказал я, проходя на кухню. — Ты почему опять суп не съел?

— Не дает бабок? — спросил Саня.

— Даже разговаривать на эту тему не хочет.

— А я что тебе говорил? У него таких, как я, наверное, полсотни. Думаешь, он будет за каждого из них по пятьдесят штук платить? Так бы уже давно у него всех пацанов переворovali. Просто заменит кем-нибудь и забудет. Вместо меня на рынке, небось, уже кто-то другой капусту стрижет.

— Киря, — сказал я, вылавливая из кастрюли мясо.

— Как Киря? — удивился он.

— А чего ты так удивляешься? Он же тебе друган.

— Ну да... Только... Поэтому и удивляюсь.

— Что друган твое место занял?

— Я его из жалости к себе на работу взял.

— А, ты об этом.

— Он же тупой.

— Перестань. Что там, так много ума надо?

— Ну, нет... Но все-таки...

— Короче, ты просто злишься.

— Я не знаю, — с глубоким вздохом сказал он. — Может, и злюсь.

— Суп зря не доел. Тут еще до фи́га мяса.

— Ты лекарство принес? У меня уже все кончилось.

— Не будет больше лекарств.

— Как это не будет? Почему? Ты что, решил меня уморить тут? Я загнусь без лекарств. У меня астма.

— Да погоди, — сказал я. — Чего ты так разорался?

— Ни фи́га себе разорался. Он мне говорит, что лекарств больше не принесет, а я молчать должен.

— Я тебя отпускаю.

Он так завелся, что сначала даже меня не понял.

— Что? Что ты сказал?

— Можешь идти и купить себе сам свои микстуры. И так вся квартира от них провоняла. Только бабок на них я тебе не дам. Можешь не просить. Знаешь, сколько я на них уже истратил?

— Ты меня отпускаешь?

Он как будто не верил своим ушам.

— Ну да, да. Я тебя отпускаю. Если хочешь, могу еще раз повторить. Похитителя из меня не вышло. Я раскаиваюсь, что взял тебя в плен.

Дурацкая, конечно, получилась фраза насчет плена, но я ведь тоже себя чувствовал не совсем в своей тарелке. Не каждый день отпускаешь заложников на свободу.

— Короче, можешь идти. Дверь открыта. Если хочешь, можешь сначала доесть суп.

— Да на фиг мне сдался твой суп.

— Ну, не хочешь как хочешь. Тогда иди сразу. Остановка прямо напротив дома. Надо только его обойти.

— У меня денег нет на автобус.

— Начинается, — сказал я и достал из кармана мелочь.

Почему-то он не выглядел очень обрадованным.

— Может, разрешишь хоть вещи собрать?

— Да какие у тебя вещи? — удивился я. — Тут все мое.

— Я, между прочим, полтора месяца в этой квартире просидел.

— Но это моя квартира. Теперь я тут буду жить.

— Да?

— Конечно. А ты как думал?

— Я никак не думал. Просто ты ведешь себя по-свински.

— Я веду себя по-свински? — моему удивлению не было границ. — Я тебя отпускаю. Можешь идти на все четыре стороны.

— А ты у меня спросил? — в его голосе явно слышалось возмущение. — Ты у меня спросил? Ты же всегда делаешь то, что тебе хочется. Пришло в голову взять заложника — хоп, достал пистолет и приставил его кому-нибудь к голове. Не вышло ни фига с выкупом — все! Сразу пошел к черту! Ты думаешь, ни у кого, кроме тебя, своих проблем нет? Или все должны только твои проблемы решать? А то, что я теперь работу потерял? И может, мне из-за этого даже жить теперь негде!

Я немного растерялся от его напора.

— Как это негде? Ты что, прямо на рынке жил?

— А где же еще?! Если бы в больницу весной не попал, давно бы уже из Москвы уехал. У меня в Рязани семья. Мамка почтальоном на почте работает. А так лето в больничке перекаптался, потом Николай Николаич меня на рынок пустил. А теперь в моей подсобке Киря живет.

— Ему что, тоже в Москве негде остановиться?

— Он квартиру снимал на 3-й улице 8-го Марта. От «Динамо» десять минут на автобусе. Теперь на фига ему та квартира?

- Смешные вы, ей богу.
- Киря не сказать, что сильно смешной.
- Ну, я не знаю, — наконец сказал я. — Поживи пока тут. Может, что-нибудь подвернется.
- Двадцать раз подвернется, — пробурчал он, однако уже более дружелюбно. — Знаешь, сколько сейчас стоит в Москве жилье?
- Денег я тебе не дам.
- Никто и не просит. Хотя, по уму, конечно, надо.
- Слушай, ты совсем обнаглел.
- Я тебя не заставлял приезжать ко мне со своим пистолетом. Еще про «Феррари» мне наврал.
- А я тебя бесплатно кормил целый месяц. По нынешним временам это много значит.
- Я в легкую мог сам прокормиться. И к тому же не месяц, а полтора.
- Тем более.
- Полтора месяца ты продержал меня взаперти, как зека.
- Я же тебе сказал, можешь идти.
- Я не о том.
- А о чем?
- У меня, между прочим, могли быть свои планы на это время.
- Ты что, хочешь, чтобы я перед тобой извинился?
- Не плохо бы. Но это сейчас не самое важное.
- А что самое важное?
- Завтра Новый год.
- Ну и что?
- Как это что? Сам-то, наверное, не будешь встречать его один в пустой квартире.
- У тебя есть телевизор.
- Засунь его... ты знаешь куда.
- Я должен елку, что ли, тебе принести?
- На фига мне сдалась твоя елка.
- А чего ты хочешь? Нормально скажи.
- Я хочу Новый год как у людей.
- В смысле?

— Чтобы компания была, чтобы весело. Я полтора месяца, кроме твоей рожи, никого не видел.

— Где я тебе возьму компанию? Совсем, что ли, сдурел?

— Ну, ты же куда-то поедешь...

— Да ты сбалдел просто! Никуда я тебя с собой брать не буду!

— А я тогда поеду и Кирию сюда привезу.

При этих словах его глаза сузились и превратились в маленькие щелчки. Видимо, он решил меня напугать. Однако я был готов к подобным штучкам. У меня на такой случай был запасен для него неприятный сюрприз.

— Попробуй. Они там почти уверены, что ты сам решил навариться на этом деле и поэтому подстроил свое похищение.

— Врешь!

— Проверь. У меня в машине есть сотовый. Можешь прямо оттуда сейчас позвонить. Увидим, сколько им надо времени, чтобы подъехать сюда и с тобой разобраться. Ты уверен, что сможешь их убедить? Не очень ведь похоже, чтобы мы с тобой были врагами. Боюсь, они тебе не поверят. Тем более что я тоже не буду молчать.

— Понтуешься. Ты вечно понтуешься!

Конечно, я понтовал. Тем более что телефон лежал у меня не в машине, а в правом кармане. Какой дурак оставит его в машине? Просто мне нужно было выиграть время и вместе с тем продолжать свой наезд. Я знал, что он быстро сдастся, когда на него наезжают.

— Проверь. Можем спуститься через минуту. Только я-то, в случае чего, сяду в свой джип и свалю, а тебе от них придется на автобусе делать ноги. Мелочь я тебе уже дал. Там, кажется, даже на метро хватит. Если сумеешь из автобуса выйти через три остановки, считай — тебе повезло. В метро они точно стрелять не будут. Там сильно много ментов.

— Блин! — прошипел он.

— Так что тебе лучше не рыпаться. Доказать им ты все равно ничего не сумеешь. А если побежишь, то они тогда точно подумают, что во всем виноват ты один. У тебя вообще нет никакого выбора. Самое мудрое — сесть на поезд и уехать к мамке в Рязань.

— Блин! — опять сказал он.

— А что, в Рязани так плохо?

— Я же только про Новый год у тебя спросил. — Он глубоко вздохнул и расстроено опустил голову. — Сказал бы просто, что нет, а то начал тут пугать... Все настроение испортил.

— Ты сам этого захотел.

— Я не хотел сидеть тут один завтра всю ночь.

Мне вдруг стало его жалко.

— Ну, хочешь, я тебе шампанского привезу?

— Да пошел ты со своим шампанским... Все равно потом будешь этими деньгами меня попрекать...

— Как хочешь, — сказал я. — Может, завтра еще заеду.

— Пошел ты, — уже без всякой злобы повторил Саша.

Когда я спустился, у меня в кармане зазвонил телефон. Хорошо, что это случилось уже на улице. Впрочем, скорее всего, я выкрутился бы даже так. Бедного Сашу загрузить было не фиг делать. Тем более что за последнее время я в этом смысле стал очень крутой. Врасплох меня застать теперь было трудно. Не знаю даже, что могло бы серьезно застать меня врасплох.

— Да, — сказал я, открывая дверцу.

— Слушай, тебе Марина давно не звонила? — раздался в трубке голос Сергея.

— Марина? — повторил я и застыл на месте, так и не сев за руль.

— Ну да... Я тут подумал... Уже почти полгода прошло... Эй, ты меня слышишь?

— Я... тебя слышу... Да-да, все нормально...

— Ты вообще куда-то пропал... Может, заедешь? Поговорим...

— Да у меня тут были кое-какие дела... Хорошо... Завтра заеду, утром... Поговорим...

— С наступающим тебя.

— Да-да, и тебя также, — сказал я. — Завтра в одиннадцать, хорошо?

— Давай. — Он положил трубку.

«Ни фига себе», — подумал я.

Больше на этот счет никаких мыслей у меня в голове не возникло.

Я приехал к нему раньше одиннадцати. Не знаю, почему так вышло. Не мог усидеть на месте. Встал очень рано и уехал с дачи, пока Марина с Мишкой еще не проснулись. Ужасно не хотелось говорить ни с кем из них. Не то чтобы как-то стало вдруг все противно, а просто я знал, что сейчас буду врать. И врать я буду именно насчет них. От этого меня даже чуть-чуть подташнивало. Не сильно, но, в общем нормально так. Меня всегда подташнивает, когда нервничаю или просто волнуясь. На первом курсе перед экзаменами всегда тошнило. Так, в принципе, никогда не рвет, но мутит как-то и вообще очень неприятно. Короче, я свалил до того, как они проснулись. Неохота было разговаривать с ними и знать, что я сейчас буду про них врать. Ну, что я их давно не видел, и все такое. Мне почему-то вдруг показалось, что это будет, как будто я скажу, что они умерли. От этого меня и тошнило, скорее всего.

— Ну что? — сказал Сережа, не поворачиваясь ко мне, когда я вошел. — Много народу с елками по улицам ходит? Дедов Морозов не видел?

— Не очень много, — ответил я. — Сейчас у всех искусственные.

— А у меня тут полно Санта-Клаусов.

— Что это?

Я сделал шаг и заглянул ему через плечо.

— Это Париж.

На экране была какая-то площадь.

— Кино, что ли? Видеодиск?

— Сам ты видеодиск. Это Интернет.

— К телевидению подключился?

— Нет, просто нашел такой сайт, куда поступает информация с видеокамер по всему миру. А камеры висят на центральных площадях всех столиц. Новогодний прикол. Классно?

— А Москва есть?

— Зачем тебе Москва? Выгляни в окно и увидишь.

— Да? Я как-то не подумал.

— Смотри, а вот Буэнос-Айрес. У них еще ночь.

— Жарко, наверное.

— Да уж. Санта-Клаусам придется попотеть. Видишь, вон он пошел!

— Странно, — сказал я. — Такая жара, а он в шубе.

— Не ходит же ему в футболке и в трусах.

— Почему бы и нет? И чего это он по ночам шляется? У них ведь еще предыдущая ночь. Или уже следующая?

— Гляди, а теперь Токио.

— Красивая елка. Какие-то непонятные игрушки на ней.

— Мы в детстве сами игрушки делали.

— Зачем? — сказал я.

Он наконец оторвался от монитора и посмотрел на меня.

— У нас елка на даче во дворе росла. Мы с отцом брали формочки для песка... Знаешь, такие рыбки и звездочки?

— Знаю.

— Наливали в них подкрашенную воду и замораживали. Самое главное было ниточку положить. Она потом внутри замерзала, и мы за нее вешали игрушку на елку. Красиво получалось, и очень долго висели. А в марте на елке оставались одни нитки.

— Чем красили воду?

— Акварельными красками. Лучше всего синие получались. Как настоящие леденцы.

— Пробовал их лизать?

— Пробовал пару раз. — Он улыбнулся. — Прилип языком. Пришлось меня поднимать, чтобы можно было стянуть с елки игрушку.

— Больно было?

— Еще как. — Он опять улыбнулся.

— Смотри, — сказал я. — Кто-то рукой машет.

— Это Наока. — Он быстро повернулся к экрану.

— Кто?

— Наока. Девочка из Японии.

— А кто она?

— Не знаю. Я сам познакомился с ней полчаса назад. Лазил по Интернету и случайно на нее наткнулся. Она мне и рассказала про этот сайт. А потом сказала, что придет на площадь и помашет рукой. Она где-то близко живет. Смотри, кажется, симпатичная.

— Нормальная, — согласился я. — Так можно до фи́га наро́ду собрать по всему миру.

— Можно, — сказал он.

— И пусть все тебе машут.

— Зачем?

— Не знаю. По приколу. Долго она так будет махать?

— Она же не знает, что мы ее видим. Сейчас, наверное, перестанет.

— Точно перестала. Сколько у них сейчас времени?

— Вечер, кажется, скоро.

— Значит, они раньше нас будут Новый год встречать?

— Ну да. Они же на Востоке.

— Понятно, — сказал я. — Это хорошо.

— В каком смысле?

— Не знаю. Просто хорошо без всякого смысла.

Я чувствовал себя теперь немного получше. Он явно не спешил со своими вопросами.

— А у меня почему-то совсем нет настроения, — со вздохом сказал он.

— Ну, давай поднимем.

— Да я не про это.

— А про что?

— Ну, знаешь, в Новый год бывает такое особое настроение. Как в «Иронии судьбы».

— А-а, — сказал я. — Раньше всегда в Новый год мандарины ели. Как только ими запахнет, у меня сразу начинала голова кружиться. Знаешь, Дед Мороз, подарки и все такое. Классно так было. А теперь мандарины круглый год продают. Я уж и не помню, какое настроение они должны вызывать.

— А у тебя есть новогоднее настроение?

— У меня? — я пожал плечами. — Есть, наверное. А на фи́г оно?

— Ну, не знаю. Должно быть какое-то... чувство.

— Зачем?

— Ну, это такой день.

— Какой?

— Я не знаю... Особенный.

— Нормальный день, — сказал я. — Только после него посуды много мыть все время приходится.

— А какой тогда у тебя особенный день?

— У меня? — я даже хмыкнул. — У меня нет особенных дней.

— Совсем?

— Практически.

— И ты никогда не чувствуешь себя по-другому?

— Как это — по-другому?

— Не так, как всегда.

— А как бывает всегда?

— Ну... — Он запнулся. — Как обычно.

— А мне по кайфу, когда как обычно.

— Правда? — он помолчал. — Тогда ты крутой.

— В смысле?

— Людям не нравится их обычная жизнь. Слишком серо.

— Думаешь?

— У любого спроси.

— Мне кажется, они врут, — сказал я.

— Зачем?

— Боятся, что их могут сглазить.

— Сглазить?

— Ну да. Сами втихую тащатся от себя, а друг друга лечат на тему, что жизнь нас совсем достала. Это такой прием самообороны. Людям нельзя верить, когда они жалуются на жизнь. В этом случае их надо либо прогонять, либо давать им деньги. А верить им ни за что нельзя.

В этот момент я вдруг подумал: «Опа! А чего это я? Расфилософствовался».

Впрочем, у меня было оправдание. Сережа совсем забыл, что хотел спросить насчет Марины. Вот я и обрадовался.

— Как же можно не верить и давать деньги? — удивленно спросил он.

— А как иначе? Я даже больше скажу. Никогда нельзя делать то, во что веришь.

— Как это?

— Очень просто. То, во что веришь, делается само. Иначе это была бы уже не вера.

— Да? — он смотрел на меня все с большим удивлением. — А что это было бы тогда?

— Ну, не знаю. Инструкция по эксплуатации. Ты же не веришь в то, что стиральная машина будет стирать белье.

— Как это не верю? Я верю.

— Нет, ты не веришь. Ты знаешь наверняка. Чувствуешь разницу? Верить и знать. Ты ведь знаешь, что ее специально сделали, чтобы стирать белье. Зачем тебе в это верить? Вот ты и действуешь согласно инструкции. А когда речь заходит о вере, о нормальной вере, я имею в виду со всеми приколами... Ну, когда веришь... Тут только ослы будут действовать по инструкции.

— Выходит, что делать надо только то, во что сам не веришь?

— Выходит, что так. Кто-то ведь должен это сделать. Само оно никак не сделается.

— Но это же чушь! — он смотрел на меня улыбаясь.

— Тем не менее. По крайней мере, совесть остается спокойная.

Он пожал плечами и уставился в свой компьютер. Правда, видно было, что ему уже на него плевать. Между прочим, такое случилось с ним в первый раз с тех пор, как мы познакомились. Он смотрел на экран, но думал о чем-то совершенно постороннем. Секунду спустя я понял, что лучше бы он об этом не думал.

— То есть если я верю в то, что рано или поздно опять встречу Марину, то мне можно ничего для этого не делать? Не надо искать встречи с ней?

Он повернулся и посмотрел на меня.

Вот тут я не знал, что ему ответить. На фиг я вообще затеял этот разговор? В институте у меня по философии никогда больше трояка не выходило.

— Ты думаешь, все само собой произойдет? — он настойчиво ждал ответа.

— Ты какие-то странные примеры приводишь... — невнятно пробурчал я. — Это ведь просто теория...

— Она тебе не звонила?

— Марина?

Вот это был точно идиотский ответ. На сто процентов не стоило уточнять ее имя. О ком еще он мог меня спрашивать!

— Ну да, Марина. Она звонила тебе, после того как мы приехали из Италии?

— Нет, — неуверенно протянул я. — В принципе, не звонила.

— Как это «в принципе» не звонила? Звонила или нет?

— В общем-то, не звонила.

— Я не понимаю тебя. Как можно «в общем-то» не звонить?

Я сам не знал как это можно, поэтому просто потряс головой, как будто у меня зазвенело в ухе. Так бывает. Вдруг ни с того ни с сего зазвенит в каком-нибудь из ушей.

— Чего ты головой трясешь? — настороженно спросил он.

— В ухе зазвенело. Сильно так. Даже тебя плохо слышу.

— Я тебя спрашивал про Марину, — громче повторил он. — Ты видел ее или нет?

— Нет, — быстро ответил я.

Хорошо, что он спросил «или нет». Его «нет» мне почему-то здорово помогло произнести свое собственное. Так тоже бывает. Опираешься на чужое слово, а потом — хоп! — прыгаешь, куда тебе надо.

— Жаль. — Он сразу потерял ко мне интерес. — Мне почему-то казалось, что ты про нее что-то знаешь.

— Странно, — сказал я и сделал удивленное лицо.

Хорошо, что он не смотрел. Потому что лицо у меня не совсем получилось.

— Ты ведь не знаешь про нее ничего?

— Нет-нет, я про нее ничего не знаю. Она не звонила, я ее не встречал, мне никто про нее не рассказывал.

— Жаль, — снова сказал он.

— Еще как, — сказал я.

Мы помолчали.

— Я даже не думал, что буду так без нее скучать. Я ей звонил — а квартиру они сдали почему-то. Совсем другие люди живут.

— Надо же.

— По-дурацки все получилось у нас в Италии.

— Не нужно было брать ее с собой, — вставил я и тут же запнулся.

Ведь это была как раз моя идея, чтобы Марина поехала с нами в Италию.

— Ты думаешь? — он посмотрел на меня. — Не знаю...

Мне кажется, без нее могло быть еще хуже.

— Хуже? — я даже немного удивился.

— Ну... я не про твою рану сейчас говорю.

— А, — сказал я. — А то я думал, ты про мою рану.

— В каком смысле? — насторожился он.

— Ну, знаешь, пуля могла ведь и не в ключицу попасть.

Могла запросто разнести мне башку.

— Ты же знаешь, что я не в тебя стрелял.

— Знаю, знаю. Ты не грузись.

— Ты тут вообще ни при чем.

— Да я знаю. Чего ты завелся?

— Может, ты думаешь, что я ревновал к тебе и поэтому в тебя стрельнул?

— С чего тебе ревновать?

— Ты ведь спал с ней в одной комнате.

— Да? — я вдруг немного растерялся.

Мне показалось, что разговор повернул не совсем туда, куда надо.

— А разве нет? И, скорее всего, в одной кровати...

Я не знал, что ему на это ответить.

— В одной кровати? Да ведь? — он настойчиво смотрел мне в глаза.

Отвернуться сейчас значило выдать себя с потрохами.

— У вас в номере ведь не было другой кровати?

— Там... такая кушеточка в прихожей была...

— И ты на ней спал? Каждую ночь?

— Ну... в общем-то... да...

Боюсь, это прозвучало не совсем убедительно.

— Каждую ночь?

На фига ему надо было повторять свои тупые вопросы?

— До тех самых пор, пока ты не выстрелил мне в ключицу.

— Я тебе уже говорил, что я стрелял не в тебя. Ты сам на меня налетел.

Вот это было круто. Мне в самом деле нравился этот пацан. Я как идиот подставил свои старые больные кости под пу-

лю, а он меня же теперь обвинял в том, что я не дал ему разнести свои мозги по всей долбаной итальянской гостинице. Нормальный пацан. Чего-чего, а благодарности от него ждать явно не приходилось.

— Конечно, я сам на тебя налетел. Извини, что так вышло.

— Ты что, обиделся? — спросил он через минуту.

— Да нет, чего обижаться? Все нормально. Ты хотел понтануться — я тебе помешал. Любой на твоём месте бы разозлился.

— Не в этом же дело совсем, — от нетерпения он даже взмахнул руками.

— Не в этом? А в чем?

Он отвернулся и ничего не ответил.

— В чем дело-то? А? Чего ты молчишь? Будешь молчать — я вообще уеду! Охота была перед Новым годом с тобой тут сидеть!

— Дело в том, что мне без нее совсем плохо, — не поворачиваясь от компьютера, глухо сказал он. — Ты даже представить себе не можешь как. Лучше бы ты не мешал мне в тот раз.

— Я же видел, что патрон как раз против бойка встал, — медленно сказал я.

— Вот я про это и говорю... Не надо было тебе в это дело вмешиваться...

— Так, — протянул я.

Честно сказать, я не думал, что все это настолько серьезно. Кто их знает, этих подростков. То они ржут без конца, а то вот так сидят спиной к тебе у компьютера. Хорошо хоть, пистолет я у него забрал.

— Ты ее правда не видел?

Лучше бы он меня об этом не спрашивал.

— Правда? Чего ты молчишь? Сам на меня наезжаешь, а потом вот так вот молчишь.

— Я не молчу.

— Ты не молчишь? А что ты тогда делаешь?

— Я думаю.

— О чем ты думаешь?

— Я думаю о том, о чем ты спросил.

— И что?

— Нет.

— Ты уверен?

— Нет.

— В смысле — ты не уверен?

— Нет. Я ее не видел.

— Хорошо. — Он глубоко вздохнул. — Если увидишь, передай... А хотя ладно... С Новым годом тебя... Ну и вообще...

— С наступающим. — Я старался не смотреть на него.

Стоял как идиот посреди комнаты и вертел головой из стороны в сторону.

— Я правда в тебя не специально тогда выстрелил.

— Ты уже говорил.

Я постоял еще минуту, потом повернулся и вышел из комнаты. А что мне оставалось делать? Не стоять же там целую вечность.

* * *

На площадке перед своей квартирой я долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Не то чтобы она была сильно маленькая, или ключ там большой, просто я как-то очень задумался и не совсем соображал, что это я вообще тут такое делаю. Так бывает, когда возьмешь в руки какой-нибудь предмет, потому что он был нужен тебе минуту назад, а потом вдруг забудешь напрочь, зачем ты его взял, и от этого стоишь как дебил, вертишь его в руках, но при этом даже не удивляешься, потому что думаешь совсем о другом. А когда проходит пара минут, потихоньку начинаешь соображать, что к чему. Вот это и называется «загрузился». Тем более что в руках у меня еще была бутылка шампанского.

Я наконец открыл дверь и сделал шаг в квартиру. Из полутьмы прихожей ко мне двинулся Саша. Я хотел сказать ему: «Привет», — но он поднял обе руки над головой и стукнул меня чем-то тяжелым. В следующее мгновение я упал прямо к его ногам. Перед глазами у меня оказались кроссовки. Это были мои кроссовки. «Надо же, — успел подумать я. — Он уже носит мою обувь. Кто его знает, к чему это приведет».

Вообще-то, я не очень часто в своей жизни терял сознание. Я имею в виду, чтобы вот так натурально грохнуться и ле-

жать как чурбан посреди комнаты. В школе баловались, конечно, веревками от ключей. Затягивали их на шее, считали до десяти и все такое в том же духе, но это было не настоящее. Падали, конечно, в коридоре на пол. Один раз моему приятелю голову разбили, так что «скорую» пришлось вызывать. Но чтобы конкретно вырубиться — так у меня еще не бывало. Не считая выстрела в Италии, разумеется. Но это как бы само собой. Когда в тебя стреляют в упор, тут вроде как выбора уже никакого не остается. Хлопаешься на спину, или на что там придется, и закатываешь глаза. А на этот раз все было совсем по-другому. Меня, в принципе, так сильно по голове еще никто не бил. Я раньше задумывался, с какой силой надо треснуть человека, чтобы он отрубился — ну вот, как у Тайсона получается, когда они начинают коленками вилять и по всему рингу шарахаться, пока не упадут замертво. Теперь оказалось, что Тайсона даже не надо. Вполне хватило Саши-Мерседеса с табуреткой в руках. Хотя еще не известно, кто будет круче. Если Тайсону врезать по башке табуреткой, он, наверное, тоже завилает коленками. А может, и нет. Кто его знает. Он же как бык. Здоровый и весь лоснится. Негры вообще конкретные пацаны.

— На фига ты мне эту тряпку на голову положил? — сказал я, открывая глаза минут, наверное, через десять.

Впрочем, может, и больше прошло. Я без сознания не очень точно время определяю.

— У тебя тут кровь, — ответил он. — Я испугался.

— Она супом воняет. Ты где ее взял?

— На кухне. Я только что твою кастрюлю помыл. Суп уже кончился.

— Блин, — сказал я и отбросил эту тряпку подальше. — Не мог полотенце в ванной комнате взять?

— Я не догадался. Ты так быстро упал. Я подумал, что ты умираешь.

— Башку мне, наверное, проломил.

— Сильно болит?

— Ты, гад, меня еще спрашиваешь?!!

Я немного привстал и тут же схватился за голову.

— Прости меня, Миша! Я думал, это Киря меня нашел!

— Киря? Он-то при чем? Совсем сдурел тут от одиночества.

— Правду тебе говорю! Сегодня ночью от него кто-то приходил. Полчаса в замке ковырялись. Открыть не смогли. Так бы уже разобрались со мной. А потом бы и тебя подловили.

Я подумал, что, видимо, немного переборщил вчера, напугав его разборками с Кирей.

— Да как он мог тебя найти? Башка, блин, теперь трещит! Точно сотрясение из-за тебя будет.

— В натуре тебе говорю. — Он склонился ко мне и взволнованно завертел руками. — Кому еще надо у твоей двери шебуршаться? Почикали бы тут меня одного, а потом бы тебя дождались. Засада.

Последнее слово он произнес уже каким-то зловещим шепотом. Похоже, он довольно серьезно по этому поводу загрузился.

— Ладно, ладно, — поморщился я. — Будем считать, что они нас нашли. Они же видели, что из магазина ты ушел со мной. Видимо, отследили по машине. Надо было поменять ее потом.

— Да в натуре тебе говорю... — возбужденно затараторил он, но я махнул на него, чтобы он заткнулся.

Голова у меня просто раскалывалась. Его голос отдавался внутри моего черепа как раскаты грома. Меня буквально сотрясало от его голоса. Вот, наверное, почему это дело называется сотрясением. Натурально сидишь на полу и сотрясаешься. Особенно когда рядом орет перепуганный балбес, который врезал тебе по голове табуреткой.

— Короче, я здесь один не останусь, — сказал Саша, нагибаясь еще ниже ко мне. — Они сегодня опять придут и тогда уже точно дверку твою откроют.

— Подожди, — сказал я. — А куда ты пойдешь?

— Я поеду с тобой.

— Со мной? — у меня даже голова перестала болеть на секунду.

— А куда мне еще идти? Из-за тебя мне теперь податься некуда.

— Ты совсем обалдел.

— Тогда доставай свою пушку и сиди тут всю ночь со мной вместе. Я лично один с ними разговаривать не хочу. В конце концов, это твои проблемы. Это ты меня, гад, подставил.

— Я тебя подставил?

— А кто? Бабай, что ли?

Мне вдруг пришло в голову, что он мог все это затеять лишь для того, чтобы поехать со мной встречать Новый год. Интересно, хватило бы у него ума на такую импровизацию? Я имею в виду, чтобы так убедительно треснуть меня табуреткой.

— Останешься? — он с вызовом смотрел на меня.

— Да пошел ты, — пробурчал я, пытаюсь наконец подняться с пола.

— Я же еще и пошел. Крутой ты мужик. У меня из-за тебя столько проблем, а ты меня теперь отправляешь. Нет, ты в натуре крутой мужик.

Я перебрался на кресло и внимательно посмотрел ему в глаза. Врал он мне или нет? Я до такой степени свыкся с постоянным враньем, что меня уже вряд ли могло удивить, если бы и этот олигофрен решил заработать несколько очков на чужом поле.

«Неужели и он туда же?» — думал я, глядя на его глупое смешное лицо.

— Где мое шампанское? — наконец сказал я. — Разбилось?

— В холодильнике. На фига тебе сейчас шампанское?

— Открой. Может, хоть голова перестанет болеть.

— От головы лучше пить водочку, — сказал он из кухни. — Тем более что это моя бутылка. Ты же мне ее притащил.

— А ты меня за это по башке треснул.

— Не фиг было так долго дверь открывать. Чего ты там столько ключом в замке ковырял?

— Задумался, — тихо сказал я.

— Что? — крикнул он, хлопнув дверцей холодильника.

— Ничего. Пошел ты в задницу.

— Грубый ты, Миша, — сказал он, входя в комнату с бутылкой в руке. — И бокалов нормальных у тебя нету.

— Я буду пить из стакана.

— Да хоть из ладошек. Все равно никакого новогоднего настроения.

— Достали вы меня со своим новогодним настроением.

— Сам-то, небось, в гости сейчас поедешь.

— Как ты меня достал.

— Это я тебя достал? — он красноречиво посмотрел на меня и сделал длинную паузу.

— Ты откроешь его или нет?

— Да пей ты свое шампанское, хоть запейся!

Он сорвал пробку так резко, что полбутылки вылилось прямо на пол.

— Хорошо, что у меня нет ковра, — пробормотал я и выпил залпом почти весь стакан.

Шампанское оказалось неплохим.

— С Новым годом, — сказал Саша, отворачиваясь от меня и растирая ногой лужу.

— Собирайся, — вздохнул я. — Поедешь со мной. Только весь вечер будешь сидеть в машине.

— А у тебя там телевизор работает? — обрадованно спросил он.

«Может, и не врет, — подумал я. — Кому охота встречать Новый год в чужом джипе?»

* * *

На самом деле я и вправду не очень люблю праздники. Все время чего-то от них ждешь, а в итоге получается совсем не то, что хотелось. Ну, то есть так-то вроде бы то, в смысле — и веселье, выпивка там, девчонки, но если по-настоящему, то всегда выходит не так, как думал в самом начале. Не знаю почему, но ждешь всегда чего-то другого. Трудно объяснить. Не Деда Мороза, конечно, но чего-то такого, не знаю... нового.

А раньше было нормально. Когда совсем еще маленький был. Чего ждал, то и получалось. Может, просто нужное время прошло. Кто его знает, насчет этого времени. Что-то меняется. Даже выпивка уже вроде так не интересует больше. В принципе, лег бы да и проспал весь этот Новый год. Особенно когда башка трещит сильнее, чем мотор у мопеда.

На даче все уже вертелось как заведенные. Рамиль с Репой распутывали гирлянду, Марина со своей однокурсницей жарили котлеты, маленький Мишка изо всех сил мешал и тем и другим. От запаха котлет меня почти сразу начало тошнить. Я набрался мужества и сказал себе, что это скоро пройдет.

На кухне, по крайней мере, не так сильно были слышны дикие звуки «Prodigy».

— Классная музыка, — сказал я, прикрывая дверь, чтобы было потише.

— Знакомься, это Лида. — Марина кивнула в сторону своей подруги.

— Мы уже знакомы, — улыбнулась Лида. — Я видела вас в институте.

Лично я ее не помнил. Но мне было без разницы. Знакомы так знакомы.

— Здравсьте, — сказал я, стараясь не морщиться от головной боли.

— А «Prodigy» уже давно вышли из моды, — продолжала она. — И вообще, это музыка для тинэйджеров. У Рамиля всегда все происходит с небольшим запозданием.

— Да? — сказал я, и посмотрел в окошко.

Плевать мне было и на Рамиля и на его музыку.

— Ты почему машину на дороге оставил? — спросила Марина.

Надо было что-то придумать, но голова была как чугунная. Здорово он мне врезал. Не башка, а пушечное ядро. Зарядить в пушку и выстрелить на Луну. Когда-то в детстве читал у Жюль Верна. Или у кого-то еще. Голова профессора Доуэля. Так, кажется, было. Голова без тела лежала в каком-то стеклянном ящике и порола всякую чушь. Мне бы сейчас эту голову. Можно даже без тела.

— Слушай, я не знаю, — наконец сказал я.

— Как это, не знаешь? — она удивленно посмотрела на меня. — Не знаешь, почему оставил машину на дороге?

— Ну да, не знаю. Просто оставил ее там и все. Решил не заезжать в ворота. А что, нельзя?

— Да нет, — медленно сказала она. — Просто как-то странно.

«Конечно, странно, — подумал я. — Знала бы ты, кто у меня там сидит».

— Лучше машину ставить поближе к дому, — вмешалась тут эта Лида. — У моих знакомых в прошлом году украли совсем новый «Рено». Только что из Франции. Вот так же остави-

ли на дороге, а утром проснулись — ничего нет. Милиция искать отказалась.

«Тебя еще не хватало», — тоскливо подумал я.

Непонятно отчего, но у меня болела уже не одна голова. Ощущение было такое, как будто этот идиот отлупил меня своей табуреткой по всему телу. Даже колени стали болеть. Может, он мне позвоночник повредил?

— Ты как себя чувствуешь? — озабоченно нахмурилась Марина. — Что-то у тебя вид нехороший.

— Нормально чувствую. Голова только болит чуть-чуть. Много беготни было в городе. Пока все купил...

— Сейчас дам тебе анальгин. Ты, кстати, не забыл привезти точилку для ножей? Мясо резать уже невозможно.

Я вспомнил, что оставил ее в машине. Бросил на заднее сиденье и оставил. Наверное, сейчас этот придурок сидел рядом с моей точилкой и смотрел «Поле чудес». Как раз для него программа. Бесплатная раздача новогодних слонов. Жалко только в бумагу не заворачивают.

— Давайте я за ней схожу, — сказала вдруг эта Лида.

Я знал ее всего пять минут, но она уже успела переесть мне всю печень. Интересно, что бы она подумала, увидев у меня в машине бедного Сашу, полного новогодних настроений?

— Я сам принесу. Мне не трудно.

— Тогда давайте я с вами схожу. Что-то у меня тоже голова разболелась.

«Настырная», — подумал я.

Теперь уже и Марина посмотрела на нее с удивлением. Вряд ли она ожидала от своей подруги такого темперамента. С друзьями всегда так. Норовят удивить в самый неподходящий момент. Я лично, вообще, никогда не понимал, для чего они нужны человеку.

— Вы знаете, я лучше сам. Нечестно будет оставить Мари-ну одну с этими котлетами.

— В аптечке еще анальгин найдется, — сказала ей Марина. — Хочешь?

Эта Лида сделала такое интересное лицо.

— У меня на таблетки аллергия.

Насчет аллергии я уже слушать не стал. Ну их к черту, эти сложные женские взаимоотношения. Лучше уж на эту тему мыльную оперу смотреть. Ее, по крайней мере, в любой момент можно выключить.

— Ну как там? — спросил Саша, когда я открыл машину.

— Хоть ты от меня отвяжись. Сидишь себе и сиди, пожалуйста.

— Я же просто спросил.

— А я тебе просто ответил.

— Какой ты все-таки злой. Сегодня ведь Новый год.

— Еще раз напомни про Новый год, и я отвезу тебя обратно в квартиру.

— Да ладно тебе. Чего ты злишься?

— Если бы у тебя башка так трещала, ты бы, наверное, вообще, матом всех крыл.

— Я больше не матерюсь.

— Да я уж заметил.

Мне никак не удавалось найти в темноте эту долбаную точилку.

— Я не специально тебя ударил, — сказал он, помолчав. — Честное слово.

— Спасибо, от этого мне стало намного легче.

— Я думал, это Киря пришел.

— Ты уже говорил.

— Я не специально тебя ударил.

Когда я поднимался на крыльцо, мне вдруг пришло в голову, что Сергей сегодня утром говорил почти же самое. Насчет «не специально», я имею в виду. Кто его знает, может, они и не ввали. Когда врежешь кому-нибудь по башке, себя-то легче всего убедить, что сделал это не специально. Может, не совсем естественно получается, зато совесть уже не мучает. Дешево и сердито. Как бесплатные подарки на «Поле чудес». Интересно все-таки, кто в конечном счете за них платит? Тоже, наверное, бьют кому-нибудь по башке табуреткой. С Листьевым, царство небесное, вообще, по-конкретному разобрались. Потом, скорее всего, тоже говорили себе: «Ой, мы не специально».

— Может быть, вы нам и ножи заодно поточите, — сказала эта Лида очень сладким голосом. — А то у нас тут явный недостаток мужской силы.

Я бы, конечно, мог ей сказать, чего у нее был недостаток, но раз уж Саша-Мерседес перестал материться, то мне тоже надо было держать себя в руках.

— В каком смысле «заодно»? — спросил я.

Так-то, в принципе, мне не хотелось ей грубить откровенно.

— Поточи, — неожиданно вмешалась Марина. — У нас совсем времени нет. Скоро уже за стол надо будет садиться.

Ну что же, в конце концов, это была не моя идея.

— А скажите, Михаил, — через минуту подала голос Лида. — Как вы познакомились с Мариной?

«Опять началось», — подумал я.

— Передай мне соль, пожалуйста, — сказала Марина.

Она явно не хотела мне помогать. Я должен был выносить это в одиночку.

— Мы вместе делали котлеты.

— Ха-ха-ха, — засмеялась наша Лида. — Ценю, когда в мужчине есть чувство юмора.

Я чуть не умер от ее смеха. Не то чтобы гиена залаяла, но, в принципе, где-то поблизости. Очаровательные подруги были у моей Марины.

— А вот скажите, — не унималась эта девушка. — Что вы больше всего цените в нас?

— В вас?

Я, видимо, произнес это таким особенным тоном, что она вдруг заметно смутилась.

— Ну, не во мне лично... А, вообще, в женщинах...

«Как бы тебе сказать, чтобы не обидеть...» — подумал я про себя.

— Ты скоро? — спросила Марина. — Мясо нечем резать. Давай быстрее.

— Больше всего в женщинах, — сказал я самым дурацким голосом, — я ценю ум, независимость и доброту.

Теперь она должна была отвязаться. После такого любой нормальный человек понимает, что над ним прикалываются.

— Не может быть, — пропихала она. — Вы правда обращаете внимание на эти стороны женской индивидуальности?

Я понял, что мне конец. Это был клинический случай. Лечить только в условиях стационара.

— Правда, — сказал я. — Я никогда не лгу.

— Не лжете? — глаза у нее округлились. — У вас что, принцип такой? Вы исповедуете буддизм?

Меня потянуло сказать, что это больше похоже на муддизм, но, слава богу, я удержался. Так-то, в принципе, я не грубый.

— Невероятно, — продолжала она меня добивать. — Впервые встречаю мужчину, который сознательно отказался ото лжи. Марине с вами ужасно повезло. Как же вам удастся избегать вранья? Мужчинам иногда это просто необходимо.

«Ты даже не можешь представить себе, до какой степени», — подумал я.

Вслух я сказал:

— Делаю над собой волевое усилие.

— Волевое усилие? А как это? Что-то вроде самовнушения?

— Ну, дилетант, очевидно, выразился бы именно так. — Я почувствовал, что меня понесло.

— А как бы выразился профессионал?

— Здесь очень важна особая система подготовки. Существует специальный набор упражнений, разработанный тибетскими монахами в конце семнадцатого века.

— Не может быть. Расскажите.

Я украдкой взглянул в сторону Марины. Она стояла ко мне спиной и резала овощи. Ничего особенного ее спина не выражала. Интересно, сколько она готова была это терпеть?

— В общем, дело заключается в особом...

В этот момент дверь на кухню распахнулась, и к нам вбежал маленький Мишка.

— Осторожно! — вскрикнула Марина. — Не урони!

Он с разбега проскочил мимо расставленных на столе хрустальных бокалов и подбежал ко мне.

— Я в машину хочу!

Это был удар ниже пояса. Я думал, что тему с машиной мы уже исчерпали.

— В машину хочу! Буду рулить!

— Михаил оставил машину за воротами, — строгим голосом произнесла Марина. — Не мешай нам. Иди поиграй с Рамилем.

— Рамиль сказал: «Иди посиди в машине».

Сегодня был явно не мой день.

— Ты, наверное, игрушку на елке разбил?

— Только две.

— Завтра утром я дам тебе порулить, — сказал я. — Сейчас у нас нет времени.

— Давайте, я поточу за вас нож, — предложила Лида. — Покатайте его немного. Такой славный малыш.

— Славный малыш, — повторил за ней Мишка счастливым голосом.

Я подумал, что зря рассказывал ей про тибетских монахов. Она этого не заслуживала.

— Никаких машин, — пришла мне на помощь Марина. — Пора уже за стол садиться.

Я вздохнул с облегчением.

— Слушай, у тебя в машине кто-то сидит, — сказал Рамиль, заглядывая в кухню.

После его слов все замолчали и посмотрели на меня. Даже у Мишки лицо стало заинтересованным.

Вот тут уж я точно не знал, что сказать. Могу себе представить, как я в этот момент выглядел.

— Не может быть, — выдавил я. — Наверное, тебе показалось.

— Сходи сам посмотри. От туалета сразу видно.

— А вы ее хорошо закрыли? — вмешалась Лида.

«Как ты меня достала», — тоскливо подумал я.

— Может, пойдем разберемся, — предложил Рамиль.

Марина молча смотрела на меня и о чем-то думала.

— Тебе показалось, — повторил я. — Там никого нет.

— Показалось? Да мы еще даже шампанское не открывали. Подождите, я сейчас схожу еще раз посмотрю.

Рамиль вышел из дома, а мы остались стоять на своих местах. За целую минуту никто не произнес ни слова. Марина по-прежнему внимательно смотрела на меня.

— Сидит, — сказал он, снова входя через минуту. — Я тебе говорю, там точно кто-то сидит. Ты почему мне не веришь? Я тебе правду говорю. Хочешь, пойдй сам посмотри.

Я даже не помню, когда я попадал в ситуацию глупее, чем эта. Отчего они вообще происходят? Вот так стоишь посреди кухни на какой-нибудь даче в Новый год, и все смотрят на тебя как на идиота, а самое главное, что ты сам чувствуешь себя идиотом. Взять бы да оказаться сейчас в другом месте. В кинотеатре, например. Или в библиотеке. С книжкой Достоевского в руках. Под названием «Идиот», к примеру.

— Это, наверное, Саша, — выдавил я наконец из себя.

— Саша? Какая Саша? — у Марины глаза немного сузились. — Почему она сидит у тебя в машине?

— Это не она... Это он... Александр... Мужчина.

— Да?

Выражение лица у нее изменилось. Она помолчала секунду.

— А почему ты не привел его с собой? Зачем ты оставил его на дороге? Ты что, собираешься уезжать куда-то? Он тебя ждет?

— Сегодня же Новый год, — подала голос Лида. — Неужели вы будете заниматься делами в такую ночь? Оставайтесь. Не бросайте тут нас одних.

Видимо она чувствовала себя одиноко в окружении четырех человек. Интересно, что бы она сказала, если бы с ней действительно никого не осталось?

— Я никуда не уезжаю. Он просто сидит там, потому что... ему нельзя в дом.

Вот тут я сказал чистую правду. Даже самому стало приятно. В последнее время получалось уже крайне редко. Просто наваждение какое-то. Врешь и врешь без конца.

— Нельзя? — повторили они все хором. — А почему?

У них были такие удивленные лица, что я чуть не засмеялся. То есть я имею в виду, что даже в этой ситуации мне стало смешно. Никогда раньше не видел, как у нескольких людей одновременно открываются рты от удивления. У маленького Мишки рот не открылся. Он им слизывал крем с торта.

— Почему нельзя? — повторила Марина.

— У него аллергия на елку. Запросто может помереть. «Скорая помощь» сюда не приедет.

Насчет аллергии было круто. Я опять не соврал. Говорить правду оказалось таким наслаждением, что я уже не мог удержаться:

— Месяц назад он чуть не умер. Если бы не я, сейчас бы уже похоронили.

Я чувствовал, как у меня прорезаются крылья. Никогда еще не получал такого удовольствия. Говоришь, а сам знаешь, что так оно и есть. Непередаваемое ощущение. Всю жизнь бы говорил только правду. Волнует, как будто первый раз влюбился.

— Подожди, но не будет же он всю ночь сидеть у тебя в джипе, — с возмущением сказала Марина. — Ты что, только за этим его сюда и привез?

— Но мы не можем привести его в дом, — возразил я, тихо радуясь гениальности своего положения.

— Как это не можем? Вынесем елку во двор, а дом проветрим.

Вот этого я не ожидал. Я совсем не принял в расчет ее деятельного характера. Марина была из тех, кто никогда не сдается.

— Да ладно, сегодня же Новый год. — Я наконец и сам сказал эту проклятую фразу. — Как мы без елки?

— Вот именно, что Новый год. Ты что, хочешь, чтоб мы так издевались над человеком? Зачем ты тогда вообще его сюда притащил?

Вот это был хороший вопрос. Жаль, что я не мог ответить на него честно.

* * *

Больше всех, пожалуй, удивился сам Саша.

— Вы не волнуйтесь, — уговаривала его Марина. — Елку мы уже вынесли.

— Да я не волнуюсь, — отвечал он, продолжая вертеть головой из стороны в сторону.

Видимо, пытался разглядеть, кто там еще стоит в темноте вокруг машины. А может быть, искал меня.

Я махнул рукой, чтобы он понял на кого ориентироваться. Он кивнул и выбрался наконец из джипа.

— А я сначала подумал, что вы разобраться со мной хотите, — сказал он, глупо посмеиваясь. — Смотрю, народ какой-то вокруг машины затусовался.

— Вы нас испугались, что ли? — спросила Марина. — Приняли нас за бандитов?

— А я откуда знаю, что за люди в темноте тусуются. Смотрю — кто-то затусовался.

— Да откуда здесь взяться бандитам. Они все в Москве. Новый год празднуют. Уже половина десятого.

— Как половина десятого? А в машине часы показывают почти полночь.

— О, забыл тебя предупредить, — сказал я. — Они у меня барахлят. Убегают вперед. Никак не соберусь починить.

— Ну, ты даешь, — хмыкнул он. — А я уже собрался Новый год отмечать. Из-за тебя встретил бы его как на Урале.

— Ничего бы с тобой не случилось. Встретил бы два раза. Так даже еще веселей.

— Ну что, пойдете скорее в дом, — предложила Марина. — Там елкой, наверное, больше не пахнет. Я все двери настежь открыла. Теперь придется сильнее топить.

Каким-то шестым чувством я понял, что этот идиот ляпнет сейчас что-нибудь насчет елки. Я сделал шаг к нему и изо всех сил давил его локоть.

— Эй, ты чего? — зашипел он от боли.

— Ничего, пойдём скорее. Ты ведь сам хотел отмечать Новый год в компании. Видишь, Дед Мороз твое желание выполнил. Ты в детстве верил в Деда Мороза?

— Раздевайтесь, — сказала Марина, когда мы вошли в дом. — Сейчас еще немного прохладно, но скоро станет тепло. У нас печка очень хорошая. Рамиль, ты закрыл дверь на веранду?

— Сейчас, — откликнулся тот.

— Снимайте свою куртку скорее, — повернулась она к Саше. — Замерзли, наверное, в машине? А вы знаете, мне кажется, я вас где-то видела. У вас очень знакомое лицо.

— Саша время от времени выступает на телевидении, — быстро сказал я.

— Да? — томным голосом произнесла Лида. — И что вы там делаете?

— Он читает сводку погоды, — снова ответил я.

— На каком канале?

— На... сразу на нескольких, — продолжал я отвечать за него, понимая, что несую полную чушь.

— Но не на первом?

— Нет, на первом он не читает... Там требуется знание языка.

— Английского?

— Любого европейского языка.

— Как странно. — Она пожала плечами. — Зачем им нужен язык? И почему именно европейский?

— А ты-то откуда знаешь все эти вещи? — заговорила Марина.

— Я... интересовался...

— Работу, что ли, искал? — прогудел Репа.

— Что-то вроде того. Но Саша оказался удачливей. Его взяли, а меня нет.

— А почему ты все время говоришь вместо него? — сказала Марина. — Ты что, у него вроде агента? Вы правда читаете сводку погоды, или наш Михаил опять шутит?

— Что значит «опять»? — сказал я.

— Да, — растерянно улыбнулся Саша. — «В Ростовской области ожидается небольшой снег...» и так далее... Погоду говорим... То есть сообщаем.

— Понятно, — сказала Марина. — Ну, раздевайтесь, чего же вы стоите? Давайте сюда ваши перчатки.

— Нет! — чуть не во весь голос закричал я. — Перчатки снимать нельзя.

Все посмотрели на меня как на сумасшедшего. Надо было что-то быстро придумать. Я не мог позволить Марине увидеть его татуировку. По ней она бы узнала его без труда.

— У него от аллергии... эти... руки покрылись коростами. Поэтому врачи наполняют ему перчатки специальной мазью... Важно, чтобы он их совсем не снимал... Только во время переязок.

Все с опаской посмотрели на Сашины руки. Сам он изумленно смотрел на меня.

— Неужели у вас это так серьезно? — тревожно спросила Лида.

— А как же он выступает на телевидении? — сказала Марина.

— Он сейчас на больничном... А когда возникает необходимость, они пользуются компьютерной графикой. Знаете, как в «Форест Гампе»... Там актеру компьютером сделали как будто у него нет левой ноги, а на самом деле у него левая нога еще круче правой. Я потом смотрел Каннский кинофестиваль. Он эту ногу там всем журналистам и, вообще, кому хочешь показывал. Нога как нога. А в кино никакой ноги нет. Ее во Вьетнаме оторвало снарядом.

Я старался нести всякую чепуху, лишь бы отвлечь их внимание от его перчаток.

— Ну, хорошо, — наконец пожала плечами Марина. — Хотите, оставайтесь так. Только есть будет неудобно.

— Есть удобно всегда, — ухмыльнулся Саша.

«Надо было выдумать ему другую профессию, — мелькнуло у меня в голове. — На телевидении так не ухмыляются. Ну и дурак же я».

— А вы скажете нам, какой будет прогноз погоды на завтра? — проворковала Лида.

— Обязательно, — ответил Саша.

Было видно, что он уже приходит в себя.

Весь вечер он был абсолютно счастлив. На некоторое время Лида даже перестала приставать ко мне и почти полностью переключилась на этого придурка. Он просто млея, оказавшись в лучах ее пристального внимания. Она объявила себя его медсестрой и с лицом сердобольного лесоруба то и дело накладывала ему салат оливье. Через час я начал прикидывать, когда его затошнит. Однако это был не тот случай. То ли я его плохо кормил в заточении, то ли эта настырная Лида знала какой-то секрет — так или иначе, он поглощал огромные порции салата без видимого ущерба для здоровья. Шампанское еще больше способствовало его отличному настроению.

К сожалению, эта идиллия не могла длиться вечно. Бедный Саша довольно быстро израсходовал весь свой словарный запас, и энергичная Лида начала заметно терять интерес. Со сто-

роны это выглядело как остановка ядерного реактора. Не сразу, но шаг за шагом огонь в ее глазах начал ослабевать, и я все чаще стал ловить на себе ее взгляды. Очень скоро эти опасные симптомы подтвердились. Теперь я испытывал противоречивые чувства талантливого врача, заранее поставившего очень сложный диагноз. С одной стороны, он доволен, что оказался прав, с другой стороны, он в отчаянии оттого, что его худшие опасения оправдались.

Мне еще повезло, что критический момент пришелся как раз на полночь. За всей этой шевбутней с бенгальскими огнями, шутихами и ракетами мне удалось скрываться от нее почти целый час. Но потом, когда все успокоилось и снова вернулись за стол, от нее уже не было никакого спасения. Она развернулась ко мне всем корпусом и с хищным блеском в глазах принялась доносить меня на тему «что такое настоящий мужчина». Тема для нее, очевидно, была очень трепетная, поскольку она считала, что настоящих мужчин в России почти не осталось. Из ее речи я понял, что небольшой их остаток еще можно найти в Санта-Барбаре, но для того, чтобы поехать туда, обязательно нужен спонсор, который, к несчастью, скорее всего тоже должен оказаться мужчиной. А так как в России настоящих уже не осталось, то для Лиды, само собой, тут выходил замкнутый круг.

Короче, меня хватило совсем ненадолго, и, как только Марина уложила маленького Мишку в постель, я сделал ей знак, что буду ждать ее у крыльца. Если бы это продолжалось еще хотя бы минут десять, я задушил бы несчастную Лиду без всякой жалости. Иногда мне бывает очень понятно, почему Отелло так круто обошелся со своей Дездемоной. Ревность тут далеко не единственная причина. Просто Шекспир, наверное, не все написал. Слабо ему было написать настоящую правду.

— Где ты ее откопала? — спросил я Марину, когда мы уже сидели в машине и я сумел перевести дыхание после самого долгого поцелуя в моей жизни.

— А зачем ты над ней издевался?

— Но она же дура.

— Если человек глуп, то это вовсе не значит, что над ним надо обязательно издеваться. Он же не виноват.

— Да? Я как-то об этом не подумал. Ты на меня злишься?

— Только совсем чуть-чуть.

— Слава богу.

На этом недоразумение с Лидой было исчерпано. По крайней мере, я надеялся, что оно было исчерпано.

— Слушай, а насчет твоего Саши, — прошептала она. — Признайся, что ты наврал. Никакой он не диктор на телевидении.

— Конечно, — так же шепотом ответил я. — На самом деле он бандит и убийца. А перчатки не снимает, потому что носит их, когда собирается душить маленьких любопытных девочек. Как Отелло. Ты когда-нибудь мечтала сыграть Дездемону?

— Да ну тебя, — тихо засмеялась она. — Ты можешь хоть раз поговорить серьезно?

— В Новый год? Ты что, с ума сошла?

Я наклонился к ней и снова поцеловал ее самым долгим поцелуем в своей жизни. Мне нравилось ее так целовать. Я слышал, как она дышит носом.

— Ты меня укусил, — прошептала она, слегка задыхаясь. — Теперь губа будет болеть.

— Я не нарочно.

— В следующий раз я тоже тебя укушу.

— Слушай, — неожиданно для себя самого заговорил я после небольшой паузы. — А что у тебя было в Италии с этим сыном министра?

— Маттео? — она рассмеялась. — Да ничего. Просто катались, и он рассказывал мне про свою жизнь. Влюбился, наверное. Откуда я знаю.

— Как он мог рассказывать тебе про свою жизнь, если ты ни слова не понимаешь по-итальянски?

— Ну, я так думаю, что он рассказывал про свою жизнь. Он на самом деле всегда много говорил, а мне нравилось его слушать. Знаешь, как красиво звучит итальянский? Тем более, что иногда он переводил все это на английский язык. — Она улыбнулась, припоминая. — А ты что, ревнуешь?

— Да нет, — сказал я. — Просто так спросил. Само как-то на ум пришло.

Мы замолчали, уставившись на крохотный экран телевизора.

— Теперь все худеют, — сказала она. — Ей ведь так, правда, намного лучше?

— А кто это?

— Долина. Ты что, не узнал?

— А почему она по-английски поет?

— Не знаю. Такой новогодний концерт. Все русские поют по-английски.

— Странная идея.

— А по-моему, ничего. Здорово у нее получилось?

— Я в этом не разбираюсь. Русские певцы меня не привлекают.

— Да я насчет того, что она похудела.

— А, в этом смысле. Конечно, здорово. Она что, очень толстая была?

— Перестань прикидываться. Ты сам разве не помнишь?

— Не помню. Я помню, что Демис Руссос толстый был. Еще Серега Крылов, и еще Лучано Паваротти.

— Да ну тебя. Ты меня специально заводишь. Точно так же, как с Лидой.

Мы опять замолчали.

— А на яхте? — сказал я.

— Что на яхте? — она непонимающе посмотрела в мою сторону.

— Дима сказал, что на яхте вы с этим Маттео надолго закрывались в капитанской каюте. Вдвоем. Без никого больше.

— Кто такой Дима?

— Человек Павла Петровича во Флоренции. Помнишь, он таскал альбомы про искусство к нам в номер? Суетливый такой.

— Ему-то какое дело до всего этого?

— Не знаю. Просто он мне об этом сказал. Вы ведь особенно ни от кого не скрывались.

Она задумчиво посмотрела в темное окно.

— Все-таки ты ревнуешь.

— Я не знаю... Может быть, да... Мне не очень понятно, что это такое...

— Вот здесь больно? — она прижала свою ладонь к моей груди. — Как будто щекочет? И мурашки бегают по спине.

— Да, — сказал я. — Только мне не понятно...

Той же ладонью она закрыла мне рот. Губами я ощутил, как подрагивают ее пальцы.

— Пусть он идет к черту, — шепнула она.

— Кто?

— Этот паршивый Дима.

Мы оба надолго замолчали. Фиг его знает, что я на самом деле чувствовал. Я в этом, правда, не очень-то разбираюсь. Неприятно как-то вдруг стало, но я бы не сказал, что противно. Я просто неожиданно понял, что ее прошлое теперь стало частью моей жизни, и все, что происходило с ней даже до того, как мы встретились, теперь почему-то касается меня.

* * *

— Смотри, — прошептала она, натягивая свитер. — Там какая-то машина.

Далеко в темноте я увидел медленно двигавшуюся между деревьев иномарку. Фары у нее не горели.

— А кто это может быть? Разве у нас есть соседи?

— Да нет, — сказала Марина. — Здесь, кроме нас, никто не зимует.

Машина остановилась. Я присмотрелся, чтобы увидеть, кто из нее появится, но из машины никто не выходил.

— Странно, — сказал я. — Давай-ка выключим телевизор.

— Ты думаешь, нам надо прятаться?

— Я ничего не думаю. Просто лучше пока посидеть в темноте.

— Может, тогда вернемся в дом?

— Подожди, — сказал я. — Там кто-то выходит.

Из машины появилось человек пять. Они о чем-то поговорили, а потом один из них направился в нашу сторону.

— Миша, — прошептала Марина.

— Все нормально, — сказал я. — Просто сиди тихо. Может, они уедут сейчас.

Человек все ближе подходил к нашей машине. В левой руке он нес большую квадратную сумку.

— Зачем он сюда идет? — обеспокоенно спросила Марина. — Что ему надо?

— Подожди, сейчас все узнаем.

Человек был от нас уже в двух шагах.

— Тихо, — шепнул я Марине. — Не шевелись.

Окна в машине были тонированы, но все-таки я подумал, что лучше сидеть совсем без движений.

Человек остановился у правой передней дверцы и прижался лицом к стеклу. Меня никогда еще не рассматривали так близко. На секунду даже возник соблазн щелкнуть ему по роже.

Наконец он отпрянул в сторону, и я потерял его из поля зрения. Судя по шорохам за спиной, он переместился куда-то назад. Видимо, решил обойти машину. Через секунду он появился с той стороны, где сидела Марина. Я почувствовал, как она напряглась. Потом отшатнулась ко мне всем телом.

— Тихо, тихо, — еле слышно прошептал я ей в самое ухо.

— Я боюсь, — одними губами, почти без звука произнесла она.

Человек тем временем исчез где-то внизу. Очевидно, он что-то делал со своей сумкой. В следующее мгновение я почувствовал сильный запах бензина. Когда он выпрямился в полный рост, в руках у него оказалась небольшая канистра. Отойдя на шаг в сторону, он начал плескать из нее прямо на мою машину.

Теперь нельзя было терять ни минуты.

Самое страшное заключалось в том, что он стоял не с моей стороны.

— Когда я скажу, выскакивай из машины и беги в дом, — прошептал я застывшей от страха Марине. — Ты меня поняла? Слышишь? Поняла или нет?

— Я... поняла.

— Толкни его изо всех сил и беги. Сможешь?

— Не знаю...

— Надо обязательно сбить его с ног. Тогда я успею обехать вокруг машины.

— Хорошо...

— Ты сумеешь?

— Я постараюсь, — шепнула она.

Я нашел в темноте ее руку. Рука была холодная как лед.

— Главное, сбей его с ног.

— Ладно.

— Приготовилась?

— Да.

— Подожди еще секунду... Подожди... Давай!

Она судорожно рванула ручку и что было сил толкнула от себя дверь. Человек с канистрой в этот момент переступил с ноги на ногу и чуть наклонился вперед. Не знаю, что уж он там хотел разглядеть, но для него это был не самый лучший момент в его жизни. Дверца со всего размаха ударила его по лицу, и он отлетел назад шага на два. Марина выпрыгнула из машины и на секунду застыла перед его неподвижным телом. Все это я успел заметить боковым зрением, в то время как сам уже двигался на полной скорости мимо радиатора.

— Беги! — крикнул я. — Беги скорее! Не стой!

От иномарки в нашу сторону уже неслись остальные бандиты.

Марина вздрогнула и бросилась к дому. В этот момент я оказался рядом с лежавшим на земле человеком. Он приподнялся и схватил меня за левую ногу. Едва не свалившись рядом с ним, я пнул его свободной ногой в голову и помчался вслед за Мариной. Главное было теперь добежать до крыльца быстрее бандитов.

* * *

Потом, когда я вспоминал все, что случилось в эту новогоднюю ночь, я часто упрекал себя за безмозглость. Останься я в машине — все потом могло пойти по-другому. Эти придурки побежали бы за Мариной, а я мог передавить их на своем джипе как кроликов. Тогда вся история развивалась бы совершенно иначе. Много проблем могло быть решено прямо в эту новогоднюю ночь.

Тем не менее все случилось именно так, как случилось, и я не остался в машине, а выскочил из нее как дурак и побежал за Мариной к дому, в котором, ничего не подозревая, продолжали веселиться наши друзья.

— Вырубайте свет! — закричал я, вбегая в дом и закрывая дверь за собой на тяжелый засов. — Скорей рубайте!

Марина с белым от страха лицом опустилась рядом со мной на пол.

— А что такое? — удивленно спросил Рамиль, держа в одной руке рюмку водки, а в другой вилку с соленым огурцом. — Мы ведь уже пускали салют. Да у нас и ракеты все кончились.

— Вырубайте! — повторил я.

В эту минуту снаружи прогремел выстрел.

— О! Кто-то еще ракеты пускает! — прогудел Репа. — Пошли посмотрим, кто это к нам приехал.

Я бросился к себе в комнату, нырнул под кровать и лихорадочно начал рыться у себя в сумке. Пистолет должен был лежать на самом дне. Я всегда ужасно боялся, как бы маленький Мишка его не нашел.

— Ты чего? — сказал Рамиль, когда увидел у меня в руке оружие.

— Это не салют, — пробормотал я, опускаясь на колени перед входной дверью. — Ни фига это не салют, ребята.

Я просунул ствол пистолета под дверь — там всегда оставалось небольшое отверстие — и нажал на курок. От моего выстрела все вздрогнули, а Лида издала звук, похожий на писк.

— Мишка, ты что, сдурел? Там же ведь люди! — закричал Рамиль.

— Надо, чтобы они знали, что у нас есть оружие, — сказал я, немного задыхаясь. — Если они будут знать, то, может быть, сразу не сунутся.

— Что происходит? Ты можешь объяснить толком?!!

— Вырубайте свет!

— Это бандиты, — тихим голосом сказала Марина. — Они хотели сжечь нас в машине.

— Вы с ума сошли!

Я больше никого не слушал. Перебегая из одной комнаты в другую и стараясь не показываться в окнах, я погасил свет во всем доме. Никто даже не двинулся из-за стола. Всех охватило оцепенение.

— Гирлянду выключи тоже, — прошептала Марина, указывая на тот угол, где раньше стояла елка.

В этот момент откуда-то из темноты прозвучал Сашин голос:

— Я говорил, что он тебя найдет, а ты мне не верил.

— Ты что, думаешь, это Киря? — сказал я.

— А кто еще? Или ты кому-нибудь другому на хвост наступил?

— Какой Киря? О чем вы? — вмешалась Марина. — Ты что, знаешь тех, кто на нас напал?

— Подожди, — ответил я. — Потом тебе все объясню.

— Как это потом? Сейчас же рассказывай мне, что происходит!

Снаружи снова раздался выстрел.

— Я бы на вашем месте не сидел там за столом, — сказал я. — А то влетит какая-нибудь шальная пуля — и конец.

— Подождите, — снова заговорил Рамиль. — Вы что это, серьезно? Они правда стреляют боевыми патронами?

— Если хочешь — выйди проверь.

— А куда нам спрятаться? — пропищала Лида. — Они убьют нас? Они убьют нас всех?

— Чего им надо? — прогудел Репа.

— Я не знаю, чего им надо, — соврал я. — Наверное, местные отморозки решили повеселиться.

— А может, они убьют не всех? — снова запищала Лида.

— Естественно. Вас они подбросят до дома. Не забудьте только им адрес сказать.

Снаружи один за другим прозвучали два выстрела.

— Встаньте лучше у окон, — сказал я. — Прижмитесь к стене и не высовывайтесь. В темный дом они лезть побоятся. Они не знают, сколько нас тут.

Пригибаясь, я снова подобрался к двери и второй раз выстрелил в темноту. Честно говоря, мне совсем не хотелось ни в кого попадать. Противно думать, что ты нажимаешь на курок, а у кого-то в теле появляется дырка. Кости ломаются, мясо торчит. Короче, я всю эту ерунду слишком хорошо помню.

— Только не высовывайтесь, — еще раз повторил я. — Может, они просто пугают. Сейчас постреляют немного и потом...

В это мгновение окно, рядом с которым стоял Репа, с грохотом разлетелось, и на пол прямо к моим ногам упало что-то тяжелое.

— Граната! — закричал Саша.

Я посмотрел в темноту — туда, где лежал этот небольшой круглый предмет, и вдруг услышал, как бьется мое сердце. «Неужели это будет вот так?! Я сейчас исчезну?!»

Я закрыл глаза и набрал полную грудь воздуха.

Прошло пять секунд, но вокруг по-прежнему царил мертвая тишина.

«Я ведь еще не умер?» — мелькнуло у меня в голове. — «А может...»

— Это же просто камень, — произнес чей-то голос.

— Боже мой, — запищала Лида. — Я чуть не описалась от страха.

— В следующий раз не забудьте с собой памперс, — прогудел Репа.

Я услышал, как в своей комнате плачет маленький Мишка.

— Иди к нему, — сказал я Марине. — Там ведь темно. Он, наверное, испугался.

Голос у меня немного дрожал. Пришлось даже прокашляться два раза. Мне раньше никогда граната к ногам не падала. Пусть даже это оказалась и не граната.

— Слышь, командир, — зашептал рядом со мной Саша-Мерседес.

Я вздрогнул, потому что не заметил, как он ко мне подобрался.

— Что?

— Я говорю, давай-ка я к ним схожу. Это ведь Киря. Схожу потрещу — может, как-нибудь разберемся.

— Ты что, сдурел? Думаешь, он будет сейчас разбираться?

— Ему тоже неохота своих пацанов под твои пули подставлять. Он ведь не знает, что у тебя только один ствол.

— А ты хочешь пойти и сказать ему об этом?

— Дурак ты. Целый месяц меня в своей квартире продержал, а так ни фига и не понял.

— Что я должен понять?

— Что не все люди из говна сделаны.

— Ты же вроде перестал ругаться.

— Это не матерщинное слово. К тому же подругу твою я с первого взгляда узнал.

— Ну и что?

— А то, что мне теперь понятно из-за чего ты подписался под это дело. Бабки-то не для себя у Николай Николаича хотел поднять?

— Нет, не для себя.

— Вот, видишь. Я, как только Марину твою сегодня увидел, сразу понял все про тебя.

— Что ты понял?

— Не твое дело. Проблемы у твоей подруги, конечно, не из-за меня получились. Решение принимали другие люди. Но я вроде как виноват вышел, потому что именно мне пришлось у нее папашины бабки отнимать. Так что по любому теперь выходит, что я должен идти. Каша-то вся, по ходу, из-за меня заварилась.

— Можешь не ходить, если не хочешь. Ты уже за свой косяк ответил.

— Что ты знаешь про мои косяки? — он даже слегка усмехнулся. — Ты лучше про свои думай. Тоже придется когда-нибудь отвечать... Короче, подожди пока со стрельбой. Я сейчас попробую до них из окна докричаться.

— Постой... — сказал я.

Но он только отмахнулся и быстрой тенью перебежал к другой стене.

— Киря! — раздался в следующую секунду его голос. — Киря! Слышь! Не стреляй! Это я — Саня! Не стреляй!

В гробовой тишине его голос прозвучал неестественно громко. Маленький Мишка уже перестал плакать, поэтому ощущение было такое, как будто Саша кричит в мегафон. А может, так получилось из-за того, что мы были в лесу. Здесь акустика совсем не такая, как в городе.

— Саня, это ты, что ли? — раздался голос снаружи.

— Я, конечно. А кто же еще?

— Откуда они его знают? — громким шепотом спросила Лида.

— Они вместе ходили во Дворец пионеров, — сказал я. — В кружок юных техников.

— Подожди! — крикнул Саня в окно. — Не стреляй! Я сейчас выйду!

В ответ не долетело ни звука.

— Ты слышишь меня? Я выхожу! — повторил Саня. — Можно?

Лес молчал, как будто там все вымерло.

— А может, они уехали? — с надеждой прошептала Лида. — Узнали Александра и просто уехали?

— Два раза они уехали, — пробормотал Саня. — Прикидывают — выпускать меня или нет.

— Зачем им прикидывать? Они же ваши друзья.

Я еле удержался от того, чтобы вместо Сани отправить наружу эту Лиду — так она меня достала.

— Давай! — долетело из леса. — Только выходи один. Медленно и так, чтобы я видел твои руки.

— Я выхожу! — ответил Саня. — У меня нет оружия.

— Закрой за мной дверь, — услышал я его шепот. — Вдруг они полезут, пока меня здесь не будет.

— Они ему ничего не сделают? — сказал Рамиль, когда Санины шаги затихли где-то у линии смородиновых кустов.

— Скоро узнаем, — ответил я.

— А может, вылезем по-тихому из окошка с другой стороны и врежем им как следует по заднице? — предложил Репа. — Пока они там беседуют.

Идея была неплохая, но я понятия не имел, сколько человек Киря мог привезти с собой. К тому же все равно одним ударом эту проблему решить было невозможно. Отобьешься от этих придурков, потом приедут другие. Киря вряд ли мог успокоиться, если бы ему просто навалили по заднице. Так вполне могло тянуться до бесконечности. Или пока они не поймают меня навверняка.

Саши не было минут двадцать. Все это время мы молча смотрели в окна, стараясь понять, что происходит снаружи. В какой-то момент мне даже показалось, что они на самом деле уехали, но, разумеется, это было не так. Я вспомнил лицо Кири и понял, что он был не тем человеком, который приедет в новогоднюю ночь на чужую дачу, чтобы с кем-то разобраться, а потом поговорит со своим бывшим боссом и спокойно уедет. Простого разговора ему явно не хватит. Он вряд ли был из тех, кого можно убедить словами. Боюсь, что даже кулаками его можно было убедить далеко не всегда. Дубиной, может быть. Или монтировкой.

Короче, к тому времени как Саша вернулся, я лично завелся уже по полной программе. Мысль о том, что я так подставил Марину с маленьким Мишкой, сводила меня с ума. Я всматривался в темноту и лихорадочно соображал, что буду делать, если они все-таки решат полезть в атаку. Всеми оставшимися патронами я мог остановить никак не более двух человек. О том, что произойдет после этого, я просто не хотел думать. Меня начинало тошнить, когда я невольно приближался к мысли об этом. Перехватив покрепче рукоять пистолета, я стал глубоко дышать и думать про совсем посторонние вещи. Снаружи по-прежнему не доносилось ни звука.

— Интересно, сколько сейчас времени? — неожиданно сказал Рамиль.

— Что? — я даже вздрогнул, когда услышал его голос.

— Я говорю, сколько мы вот так уже здесь сидим?

Я посмотрел на часы, но ничего не увидел.

— Не знаю. Может, минут двадцать или двадцать пять.

А что?

— Нет, ничего, — шепотом продолжал он. — Просто мне кажется...

— Тихо! — вмешался Репа. — Там кто-то идет.

Мы прильнули к окнам, и через мгновение я тоже разглядел приближающуюся к дому фигуру.

— Кто это? — сказал Рамиль.

Разобрать было трудно. Человек шел очень медленно, к тому же голова у него была сильно опущена вниз.

— Он ищет там что-то? — прошептал Репа.

— Или прячет лицо, — сказал я, ощутив, как у меня от напряжения взмокла правая рука.

Мне даже показалось на секунду, что пистолет из нее может выскользнуть.

— Я боюсь, — пробормотала Лида, и на этот раз я на нее совсем не разозлился.

— Кто это? — повторил Рамиль.

Я поднял пистолет и прицелился человеку в голову.

— Ты что, будешь в него стрелять?

— Михаил, это я, — сказал наконец человек, поднимаясь на крыльцо. — Открывай, а то замерз как собака.

— Я чуть тебя не убил, — сказал я, впуская Сашу в дом. — Ты чего так поздно назвался?

— Да погоди ты, — ответил он. — Закрывай скорей дверь. Я же тебе говорю — замерз совсем, на фиг.

— Ну что? — повернулся я к нему, как только дверь была надежно закрыта.

— У тебя есть место, где можно нормально поговорить?

— В комнате.

— Нет, там сильно много народу.

Я понял, что разговор предстоит серьезный.

— Пойдем на кухню. Там никто не услышит.

— Эй, подождите, — запротестовал Рамиль. — А как же мы? Мы что, так и должны сидеть тут в полнейшей неизвестности?

— Вам ничего не угрожает, — ответил Саша. — Михаил вам потом все объяснит.

* * *

Но я им ничего не объяснил. Зачем им было знать про все это? Меньше знаешь — дольше живешь. Просто у Кири было много знакомых ментов на дорогах. Кто-то из них и засек мой джип, который почти каждый день мотался по одному и тому же маршруту, проезжая пост ГАИ на выезде из Москвы. Отследить меня после этого было уже делом техники.

СЕРГЕЙ

6 января 1999 года

Год будет плохой. Три перевернутых шестерки.

Отец сказал, что вчера у Воробьева взорвали джип. Я говорю — надо же. Как интересно. А он говорит — ты знаешь, что там случилось? Я говорю — мне-то откуда знать? В последнее время он так занят. Я его не вижу почти. А он говорит — Михаил сам чуть не погиб. Уцелел по чистой случайности. Часы не успел в машине перевести. Они у него торопились. Поэтому взрыв произошел на два часа раньше. Он еще спал. Но те, кто ставил бомбу, видимо, рассчитывали, что он там будет сидеть.

Не сверились со своими часами. Присоединили механизм к часам в джипе и поставили на восемь утра. А он сработал часов в шесть. Ты представляешь, какое везение? Я говорю — да уж. А он говорит — ты, вообще, слушаешь меня или нет? Выключи свой компьютер. Я говорю — я тебя очень внимательно слушаю. Ты рассказывал о Воробьеве. Мне жаль, что все так случилось с твоей машиной. Он говорит — да при чем здесь машина? Его ведь могли убить. Интересно, кому это было надо? Ты ничего не знаешь на эту тему? Я говорю — что? Он говорит — слушай, выключи свой компьютер. Я с тобой о серьезных вещах сейчас говорю. Я ему отвечаю — я не могу сейчас выключить. Я уже полчаса качаю этот дурацкий файл. Ты что, хочешь, чтобы я потом заново все начинал? А он говорит — да оставь ты в покое свой файл. Я тебя русским языком спрашиваю — ты знаешь что-нибудь про эту историю или нет? Я говорю — или нет. Он говорит — перестань паясничать. Его ведь правда могли убить. Я говорю — но не убили же. Он везучий. Тогда он говорит — странный ты какой-то. Я говорю — я знаю. Подожди, вот, кажется, файл весь пришел. Точно. Теперь посмотрим, что там внутри. Он говорит — и что самое интересное: машину взорвали за городом. Ты знал, что Михаил живет у кого-то на даче? Я говорю — что? Он говорит — да перестань копать в своем компьютере. Я говорю — он у меня пистолет попросил. Отец замолчал, а потом говорит — тот самый? Я говорю — а какой еще? У меня других больше нет. Он говорит — лучше бы ты отдал его мне. Я говорю — похоже, ему он оказался нужнее. Тебе-то он зачем? А он говорит — перестань со мной так разговаривать. Вообще, это странная какая-то история. Получается, что он был в курсе насчет опасности. Ему что, угрожали? Я говорю — я-то откуда знаю? Он его давно взял. Осень еще была. В ноябре, кажется. Он говорит — и ты не спросил зачем? Я говорю — я постеснялся. Он говорит — а эта дача? Я говорю — в смысле? Он говорит — чья эта дача? Почему он там живет? Я говорю — ты меня спрашиваешь? А он говорит — ну, ты ведь тоже одно время ездил в ту сторону. Я говорю — в какую сторону? Он говорит — в сторону Люберец. Ты ведь ездил в Кузьминки? Я говорю — подожди, подожди. Он говорит — что? Я ему говорю — а где находится эта дача? Он говорит — не до-

езжая до Раменского. Я ездил туда с милицией. Я говорю — и кто там на этой даче живет? Он говорит — я у тебя об этом как раз и спрашивал. Я говорю — там был кто-нибудь? А он говорит — чего ты кричишь? Тебе нельзя волноваться. Врач строгонастрого запретил. Я говорю — кто там был с ним на этой даче? Он говорит — да успокойся ты. Никого не было. Детских игрушек много в доме. Но Михаил сказал, что живет там один. Там вообще вокруг все заброшено. Зима ведь. На дачах уже никого нет. Бомжи только. Я говорю — да? А игрушки?

7 января 1999 года

Утром ездил к Марине. В двадцать четвертый раз. Все то же самое. Никто ничего не знает. Старик умер. Марина квартиру сдала. Соседи уже не хотят со мной разговаривать. Пнул им дверь. Они сказали, что вызывают милицию. Я пнул им дверь еще несколько раз. Внутри заплакали дети, и я ушел. Плевать я хотел на их милицию.

7 января 1999 года (вечер)

После обеда отец сказал, что велел своим охранникам ездить с Воробьевым. Говорит, что тот вначале отказывался. Интересно — с чего бы это? Может, ему нравится, что у него взрывают машины? Или это он такой Терминатор?

8 января 1999 года

В квартире у Воробьева кто-то живет. Я сам слышал как там уронили стакан. А может, не стакан. Я не знаю. Я позвонил, и там что-то уронили. Что-то разбилось. А потом кто-то подошел к двери. Но не открыл. Я даже слышал, как он дышал. Я сказал — Воробьев, открой. Это я. Ты меня не узнал, что ли? А тот, кто стоял за дверью, ничего не сказал. Постоял немного и потом на цыпочках ушел. Я слышал, как звякнуло стекло на полу. Надеюсь, что он порезался.

8 января 1999 года (вечер)

Отец не хочет говорить, где эта дача. Он сказал — тебе нельзя ездить туда. Я говорю — почему? Он говорит — надо избегать стресса. Я говорю — кто сказал? Он говорит — доктор.

Я говорю — твой доктор может повеситься. А он говорит — тебе нельзя думать о самоубийстве. Я говорю — я не думаю. Он говорит — ты только что сам сказал. Я говорю — что я сказал? Он говорит — что доктор может повеситься. Я говорю — это не мысль о самоубийстве. Это мысль о твоём докторе. Просто мне приятно видеть его висящим под потолком. В полосатых носках. Он говорит — какого цвета? Я говорю — что? Он говорит — носки какого должны быть цвета? Я говорю — ты что, правда думаешь, что я сумасшедший? Он говорит — ни в коем случае. Доктор велел записывать твои цветовые видения. Ему важно, какой цвет ты чаще всего себе представляешь. Я говорю — твой доктор может повеситься. А он говорит — на эту дачу тебе нельзя. Слишком велика опасность стресса.

9 января 1999 года

В квартире у Воробьева — не Воробьев. Отец утром сказал, что Воробьев приедет к нему в офис. Часов в двенадцать. Они хотят подобрать ему новую машину. В десять минут первого я был у его двери. Позвонил и прислушался. Вначале ничего не было слышно, а потом я понял, что напротив меня кто-то стоит. Я слышал его дыхание. И потом кто-то посмотрел в глазок.

Отец сказал — а зачем ты к нему едешь? Я говорю — у него там кто-то сидит. Он говорит — ну и что? Нам-то какая разница? Я говорю — а почему он не открывает? Он говорит — слушай, ты уже сколько свои таблетки не пил? Я говорю — сам их пей вместе со своим доктором. Он говорит — Сережа, это лучший специалист. У него вся Госдума лечится. Я говорю — от чего? Он смотрит на меня и говорит — ну, знаешь, у всех бывают проблемы. Я говорю — а у тебя?

10 января 1999 года

Не стал подниматься к Воробьеву, а сидел во дворе, в детской песочнице. Смотрел на его окна. Тот, кто живет у него в квартире, значительно меньше, чем он сам. Два раза мелькал у окна на кухне. Это не Воробьев. Слишком маленький. Я догадываюсь, кто это может быть.

11 января 1999 года

Сегодня их было двое. Воробьев и этот второй человек. Я знаю, что первый был Воробьев, потому что у подъезда стояла его машина. Отец дал ему свой «Мерседес». Раньше сам на нем ездил. Воробьев теперь любимый сотрудник. Ездит на папином «Мерседесе».

12 января 1999 года

Сегодня их опять было двое. Один раз вместе подошли к окну. А я спрятался под железным грибочком в песочнице. Папин «Мерседес» опять у подъезда.

13 января 1999 года

Воробьева не было дома, поэтому я поднялся наверх. Постоял у двери и послушал. Там внутри говорил телевизор. Я позвонил, и телевизор затих. Потом кто-то подошел с той стороны. Очень тихо. Мы постояли минуты две, и я сказал — открой мне, Марина. Я хочу увидеть тебя. Но никто не открыл. Тогда я сказал — почему ты не открываешь мне дверь? Что я тебе такого сделал?

14 января

Не хочу больше писать «1999 года». Противная цифра. Она меня бесит. Как три очковых змеи. Три кобры с раздутыми капюшонами.

Сегодня старый Новый год. Отец сказал — что тебе подарить, сын? Я говорю — новых таблеток.

Скачал из Интернета еще несколько фотографий Одри Хепберн и поставил одну на десктоп. Плевать на отца. Пусть догадается. Зато каждое утро будет теперь начинаться с нее. Включаешь компьютер — а там Одри. Даже мурашки бегут, как они похожи друг на друга.

Мне уже восемнадцать лет. Значит, я могу жениться. Если найду — на ком.

Может, она все-таки откроет мне дверь? Сегодня поеду еще раз.

16 января

Вчера утром к отцу заехал один из тех охранников, которым он велел присматривать за Воробьевым. После того как отец его отпустил, я позвал его к себе в комнату. Он не хотел вначале идти, но я сказал, что отец не узнает. И пообещал ему дать сто баксов. За пять минут разговора. Он сказал — но только пять минут. Я спросил, как дела у Воробьева, и он сказал, что не знает. Воробьев отказался от охраны еще неделю назад. Они ездили с ним всего один день. Один день и еще полдня после этого. Я спросил, куда они ездили, и он сказал, что особенно никуда. Так, по городу, к нему домой и на дачу. Я сказал — туда, где у него взорвали джип? Он сказал — ну да, а куда же еще? Обязательно. Я говорю — а там кто-нибудь был? Он говорит — ну, обязательно. Я говорю — кто? Он говорит — я не знаю. Какие-то люди. Я говорю — много людей? Он говорит — ну, обязательно. Я думаю — зачем он все время повторяет «ну, обязательно»? А сам спрашиваю его — девушка там была? Он снова мне говорит — ну, обязательно. Я говорю — какая? Как она выглядела? И тогда он смотрит на мой компьютер и говорит — вот так.

В машине он без конца повторял, что Павел Петрович его за это убьет. Когда мне надоело его слушать, я сказал, что дам ему пятьсот долларов. Он сказал — а они у тебя есть? Я сказал — смотри, и он начал присвистывать. А я ему сказал — смотри на дорогу. А то мы убьемся с тобой. Тогда он сказал — нет, теперь не убьемся. Доедем по-царски. И больше не повторял «ну, обязательно». Просто свистел всю дорогу. А мне было уже наплевать.

Когда я поднялся на крыльцо, Марина стояла на веранде. Она смотрела на меня через стекло и ничего не говорила. И я смотрел на нее. Мы оба стояли, и я никак не мог открыть дверь. Не мог протянуть руку. Смотрел на Марину и не мог толкнуть дверь. А она смотрела на меня с веранды. И потом охранник сказал — ну что, может, я поехал? Я ему сказал — да. Но он продолжал стоять сзади, а я не мог открыть дверь. И тогда он сказал — ты мне еще сотню обещал за разговор у вас дома. Я дал ему сто долларов, и он сказал — я пошел. А Марина стояла на веранде и смотрела на нас. Как мы разговариваем у нее на крыльце. С этим охранником.

Потом она подошла к двери и потянула за ручку. Я ей сказал — привет. Она мне сказала — здравствуй. Я говорю — вот я тебя и нашел. А она говорит — да, точно.

17 января

Не смог вчера дописать. Вообще не знаю, зачем я это пишу. Просто пишу. Как будто от этого становится легче. Или не становится? Я не знаю.

Вот. И мы так стояли у нее на веранде, а потом она мне сказала — проходи в дом. Я рада, что ты приехал. Я говорю — я тоже. Она говорит — проходи. Я говорю — спасибо. А Мишка где? И вдруг испугался. Я подумал, что она может подумать, что я про Воробьева спрашиваю. А я спрашивал не про него. Но она сказала — с ним все в порядке. Он у себя в комнате играет. И я сказал — а.

Потом мы сидели на кухне. Молча. То есть я сидел, а она готовила завтрак. Чистила картошку. Я на нее смотрел. А потом во дворе зашумела машина, и я подумал — кто это? А Марина стала чистить картошку еще быстрее. Дверь открылась, и вошел Воробьев.

Я сказал — привет. А он ничего не сказал и смотрел на Марину. Марина перестала чистить картошку. Я сказал — вот, я наконец Марину нашел. Она оказывается, на даче живет. А Воробьев стоит у двери и молчит. Мы, наверное, минуту вот так молчали. А потом Марина говорит — надо же, Миша, а ты какими судьбами? И смотрит на него. Он говорит — да так, мимо проезжал. Она мне говорит — Михаил время от времени к нам заходит. Редко. Когда у него время есть. И потом к нему повернулась — как у тебя дела, Михаил? А Воробьев смотрит на нее и ничего не говорит. Потом достал из сумки какой-то сверток и сказал — я вот из-за чего к вам заехал. Специально пораньше встал. Она говорит — ой, как интересно. А что у тебя там? Он говорит — платье. Она говорит — а какое платье? Он говорит — черное. Помнишь, в Италии летом купили? Я хотел тебе его на Новый год привезти, но забыл. Дел много было. Теперь специально решил приехать. Бери. Оно твое. Марина говорит — я не могу его взять. Оно дорогое. А он смотрит на нее и говорит — нет, ты возьми. Я что, зря в такую рань поднимался? И тут

на кухню прибежал маленький Мишка. А Марина сразу ему говорит — иди-ка сюда. Я должна тебе ногти подстричь. Он говорит — не хочу. А она говорит — иди сюда, кому я сказала? А мы с Воробьевым смотрим на них. Она взяла ножницы и стала стричь ему ногти. И мы все молчим. Маленький Мишка смотрел на нее, смотрел, а потом начал морщиться. Она говорит — ты чего? Он говорит — мне больно. Она говорит — не ври. И очень сильно его руку к себе подтянула. Даже вывернула. Ему тяжело так стоять, поэтому он начал тянуться к ней и вставать на носочки. А она режет ему ногти и молчит. У него на глазах слезы, но он боится ее, поэтому старается изо всех сил не заплакать. А она, видимо, очень глубоко стрижет. Но он терпит. Только плачет уже. Но старается, чтобы было негромко. И свободной рукой лицо вытирает. Тогда Воробьев говорит — ты что, дура, что ли? Отвяжись от него. Я же тебе сказал — я из-за платья сюда заехал. Отпусти пацана. Я больше не буду сюда приезжать.

И вышел.

Она уронила ножницы на пол и стала смотреть в окно. Тогда я сказал — мне тоже пора.

А маленький Мишка стоял рядом с ней и плакал.

Когда я вышел на крыльцо, Воробьев во дворе пинал папин «Мерседес». Скаты проверяю — сказал он мне. Но пинал не только по скатам. Везде пинал. И по дверцам тоже. И по радиатору. Ну что, говорит, хочешь, я тебя домой отвезу? А то охрана твоя тебя, видно, бросила. Я говорю — я на электричке. Где тут она? А он говорит — не понтуйся. Садись в машину.

Я сел, а он говорит — ты лучше пристегнись. Быстро поедем. Не дай бог, еще стукнешься. Я говорю — ты что, куда-то торопишься? А он говорит — не то слово.

Мы выехали на проселок, и он нажал полный газ. Я до этого так быстро никогда не ездил. Только на компьютере. Но ему, видимо, было все равно. Нагнулса чуть-чуть вперед и, не отрываясь, на дорогу смотрит. А сбоку деревья как бешеные летят.

Я говорю — может, потише поедем? А он говорит — что? Я говорю — разобьемся. Он смотрит на меня и еще сильнее нажимает на газ. Я думаю — не надо с ним говорить. Пусть лучше смотрит на дорогу. А то он голову ко мне повернул и обратно ее разворачивать как будто не собирается. Я говорю — чего

ты на меня уставился? Он говорит — ничего. Я говорю — ты вперед смотри, а то мы убьемся. Он улыбнулся и ударил по тормозам. Машину закрутило как щепку. А он все смотрит на меня. Мы крутимся посреди дороги, а он смотрит.

Наконец остановились. Кругом тишина. Лес в снегу. И мы стоим поперек дороги.

Я говорю — ну и что? Он говорит — ничего. Остановились просто. Поговорим?

Потом вдруг смотрит куда-то вбок и говорит — все-таки твоя охрана тебя не бросила. Павел Петрович им по уму болты закрутил. Я туда посмотрел и говорю — это не наша машина. Я приехал совсем на другой. Тогда он говорит — да? Надо же, как интересно. Это кто у нас тут зимой в дачном поселке кроме нас с тобой ездит?

И косточки у него на пальцах слегка побелели. Руль под ними скрипнул чуть-чуть.

Потом включил скорость и медленно поехал вперед. А сам очень внимательно в зеркальце смотрит. Ждет, когда этот джип подъедет поближе. Потом что-то, видимо, разглядел и очень обрадовался. Говорит — ну, надо же, как повезло. Надо же было появиться так вовремя. Просто молодцы. Ну, давайте, ребята. Сейчас разберемся со всеми проблемами. Раз и навсегда. Одним махом.

И снова дал полный газ.

Я говорю — а кто это? Он говорит — не бойся, Серега. Сейчас все узнаешь. Надо же, как повезло.

Джип тоже начал набирать скорость и понемногу приближаться к нам. Воробьев выехал на шоссе, и спидометр показал 120 километров. Я говорю ему — не отстают. А он смеется и говорит — эти не отстанут, Серега. И это очень даже хорошо. Хорошо, что они не отстанут. Именно они мне были сегодня нужны. Просто пою от счастья.

На спидометре было уже 130.

Наконец он свернул на какую-то боковую дорогу и сказал — ну, вот сейчас. Давай приготовься.

Я уперся ногами в пол и схватился за ручку.

Воробьев говорит — видишь, сколько памятников вдоль дороги мелькает? Здесь каждый год кто-нибудь бьется. Сразу насмерть. Дорога прямая. А лес видишь какой. Чуть-чуть по-

несло — и конец. Скорость-то бешеная. Ну, держись. Сейчас одним памятником будет больше.

Он резко ударил по тормозам и развернул машину поперек дороги. Джип приближался с его стороны. Я подумал, что, когда они в нас врежутся, до меня, может, и не достанет. Но Воробьева должно было размазать по всей машине.

Он открыл дверцу, вынул из кармана пистолет и выстрелил два раза в сторону джипа. Не выходя из машины.

Сначала ничего не произошло, и джип продолжал лететь в нашу сторону. Но потом он немного вильнул, покачнулся, и его начало заносить на деревья. Огромные прямые сосны. Толстые, как колонны. Те, кто сидел в джипе, видимо, пытались выровнять его, но у них ничего не получалось. Дорога была скользкая. Через секунду их прижало к линии леса и начало бить о небольшие кусты. Джип стал вертеться из стороны в сторону и наконец ударился прямо лбом. Машина остановилась как вкопанная. Еще через секунду под ней проскочила искра, и вокруг нее загудело пламя.

Воробьев закрыл дверцу и сказал — пристегиваться надо было, придурки. Как они меня, блин, достали.

Я смотрю на него и говорю — надо их оттуда вытаскивать. А он говорит — бесполезно. Бензобак лопнул. Соляра уже горит. Сейчас взорвется.

Я выскочил из машины и побежал к джипу.

Воробьев крикнул — ложись, дурак. И джип подбросило в воздух.

Я стою рядом с ними, а доставать уже нечего. Воробьев подошел и говорит — это Кирия. Я его куртку узнал. Хорошая куртка. Жалко, что вся сгорела. Ладно, валить отсюда пора. Скоро менты подъедут. На этих уродах наверняка оружия до фига. Я говорю — ты их убил. Он говорит — они сами себя убили. Валим. Иди садись в машину скорей.

Когда отъехали, я ему говорю — это они твой джип взорвали? Он улыбается и говорит — не мой, а твоего папы. Я говорю — все равно. Он говорит — нет, теперь уже не все равно. Я говорю — они? Он смотрит на меня и говорит — что, правду узнать хочешь? Я говорю — хочу. Он говорит — ну, слушай. И рассказал мне, что они приезжали за ним еще в Но-

вый год, но он договорился, что они уедут, а он потом придет к ним сам. Второго числа. Но он не пришел. И тогда они поставили ему бомбу.

Ну а насчет часов, говорит он, этот прикол ты уже знаешь. Рассказывал Павел Петрович? Я говорю — да. Он говорит — так что, сам видишь, выбора у меня не было. Или ты хотел, чтобы это я там сейчас в лесу догорал? А? Хотел бы? Скажи, Серега? Я говорю — отвязись. Он говорит — нет, правда? Я говорю — чего они от тебя хотели? Он говорит — а вот это уже совсем другая история. И тебе лучше о ней не знать. Я говорю — а в квартире у тебя кто живет? Он посмотрел на меня и потом вдруг начал смеяться. Я говорю — ты чего? А он говорит — так это ты Сашу-Мерседеса так напугал? Я говорю — какого Мерседеса? А он дальше смеется и говорит — так это из-за тебя я от него отвязаться никак не могу? Он ведь мне каждый день говорит, что за ним Киря приходит. Всю плешь проел. Он из-за тебя боится на улицу выйти. Нет, ну надо же, блин. Сегодня отправлю его в Рязань. Первым поездом. Видит бог — отправлю.

А сам смеется и все никак не может остановиться. Он смеется, а я на него смотрю. Сижу и думаю — а Марина?

МАЛЕНЬКИЙ МИША

Я им сказал: «Поставьте меня на пол. Я сам люблю на полу стоять». Они поставили и начали раздеваться. Я подошел к стенке. Там висел Дед Мороз с красной палочкой. Я его взял. Марина сказала: «Дай мне его сюда. Это термометр». Я не дал. Она сказала: «Разобьешь». Тогда большой сверху сказал: «Пусть поиграет. Ничего страшного». А Марина сказала: «Он может порезаться». И опустилась ко мне. «Дай мне его. Мы повесим его обратно на стенку». Я сказал: «Это игрушка». Марина сказала: «Нет». Я сказал: «Детям можно». Она сказала: «Это термометр. Он чужой». Большой сверху сказал: «Ничего страшного. Пусть поиграет». Марина выпрямилась, и я не увидел, какое у нее было лицо. Большой видел. Он сказал: «Давай-ка, малыш, раздеваться». Марина сказала:

«Вы не сможете его расстегнуть. У него замок заедает на куртке». Большой сказал: «А мы ему завтра новую купим. Да ведь?» И опустил ко мне. «Ты какую курточку хочешь? Хочешь, мы тебе с Микки Маусом купим? Вот здесь, на спине. Хочешь?» У него было большое лицо. И старое. Не такое, как у Марины. Такое, как у папы. Когда он болел. Большой сказал: «А чего это мы заплакали? Не хочешь новую курточку? Ну не хочешь — значит, не будем покупать. Останется эта. Любишь старую курточку?» Марина сказала: «Он, наверное, устал. Поздно уже. Он рано обычно ложится спать. Скажите, где его комната?» Большой выпрямился, и я больше не видел, какое у него было лицо. Он сказал сверху: «Ну вот, успокоился. Сережа, отведи малыша в его комнату. Ему там будет хорошо. Он сможет один уснуть?» Марина сказала: «Я с ним посижу». Сережа сказал: «Я тоже посижу с вами». Марина сняла с меня куртку и сказала мне: «Перестань. Вот твой Дед Мороз. Никуда он не делся. Ты почему такой мокрый? Жарко тебе?» Я сказал: «Да. Еще писать хочу». Большой сказал: «А почему он все время шепчет?» Марина сказала: «Он стесняется». Большой снова опустил ко мне: «Пойдем, я отведу тебя в туалет». Марина сказала: «Вы лучше мне покажите. А то он с вами не пойдет». Большой сказал: «Что, правда со мной не пойдешь?» Я сказал: «Да». Он сказал: «А почему ты все время шепчешь?» Я сказал: «Нипочему». Он выпрямился и сказал: «Вид у него действительно очень усталый. Давайте укладывайте его спать».

Потом я пописал, и они отвели меня в комнату. Там было темно. И кровать была слишком большая. Марина сказала: «Не капризничай. Откуда они возьмут детскую кровать?» Сережа сказал: «Можно купить завтра». Марина забрала у меня Деда Мороза. Они сели в кресла и стали ждать, когда я усну. Было тихо. И потом Марина сказала: «А как ты ему объяснил?» Сережа сказал: «Никак. Просто сказал, что так надо». Я поднял голову, и Марина сказала: «Спи. Мы, что, тут целую ночь с тобой сидеть будем?» И тогда я уснул.

А на следующий день я работал.

Большой закрылся у себя в комнате и никого не пускал. Я подошел к двери, толкнул, и она открылась. Большой сказал: «Я работаю». Потом обернулся и сказал: «А, это ты. Заходи.

Не стесняйся». Я подошел к его столу. Там было много бумаги. Он сказал: «Видишь, сколько работы. Зашиваюсь». Я сказал: «Марина тоже не любит шить». Он сказал: «Да? А еще что она не любит?» Я сказал: «Когда Миши долго на даче нет». Большой взял меня на колени, и я увидел черную штучку. Она блестящая. Снизу ее не было видно. Но большой видел ее всегда. У него высокое тело. Он сказал: «А Миша долго с вами на даче жил?» Я сказал: «Долго. Пять лет. Еще до Нового года. А потом у него машина взорвалась. Он ее сильно завел. Марина говорит — нельзя сильно заводить игрушки. Они ломаются». Большой сказал: «Осторожней. Ты упадешь. Куда ты тянешься? Хочешь степлер? На вот, возьми. Им скрепляют бумаги. Давай я тебе покажу». Он щелкнул черной штучкой, и две бумаги склеились. Слиплись в углу. Он сказал: «Хочешь попробовать?» Я сказал: «Да». Потом пришел Сережа и сказал: «А он что здесь делает?» Я сказал: «Работаю». Большой сказал: «Подожди, подожди, это нельзя скреплять». А Сережа сказал: «Мне ты не разрешал входить к себе в кабинет, когда я был маленьким». Большой сказал: «Перестань». И я сказал: «Перестань». И тогда большой засмеялся.

А Марина, наоборот, не смеялась. Она сидела у себя в комнате и совсем не смеялась. Только плакала. И я ей сказал: «Не надо плакать. У меня уже пальчики не болят. Все прошло. Больше не будем подстригать ногти». А она все равно плакала. Взяла мои руки и стала их целовать. Я ей сказал: «Уже не больно». Потом пришел Сережа и сказал: «Воробьев уволился». Марина перестала плакать и сказала: «Мне все равно». Сережа сказал: «Вернул машину и деньги». А Марина еще раз сказала: «Мне все равно». И тогда я сказал: «А кто такой Воробьев?» А Марина еще два раза сказала: «Мне все равно. Мне все равно». И опять заплакала.

Потом она перестала со мной играть. Вообще ни в одну игру не играла. Ни в «щекоталки», ни в «угадай, где лежит». Я ей сказал: «Ты только сидишь и в окно смотришь. Или плачешь. А когда мы будем играть?» Она сказала: «Я с тобой потом поиграю». Я сказал ей: «Не ври. Ты всегда врешь». Она посмотрела на меня и сказала: «Правда?» Я сказал: «Да. Я на дачу хочу. Здесь плохо. Когда Миша придет?»

А потом я уже спал, и она меня разбудила. Я ей сказал: «Я еще спать хочу». А она сказала: «Тише, миленький, тише». И стала надевать мне на голову свитер. Я сказал: «Он колючий. Я его не люблю». А Марина сказала: «Только не шуми, Миша». И поцеловала меня. Я сказал: «У тебя губы соленые». А она сказала: «Где твои штанишки?»

А потом мы пошли на улицу. Марина собрала меня и сказала, чтобы я тихо стоял возле двери, пока она одевается. Я устал стоять и лег на пол, потому что возле двери было темно. Она не включила свет в коридоре. И поэтому я ждал ее в темноте. И мне стало жарко. Но я не мог снять куртку, потому что лежал. Она вышла из своей комнаты и сначала не увидела меня. А потом наткнулась на меня и увидела. Она сказала: «Ты почему на полу?» Я сказал: «Я хочу спать. И мне жарко». А Марина сказала: «Хочешь, я тебя на руках понесу?» Я сказал: «Хочу. А почему мы разговариваем шепотом?» И тогда она сказала: «Мы сбегаем».

На улице было темно. В метро нам сказали, что переходы уже не работают. Мы сели в пустой вагон, а потом Марина толкнула меня и сказала: «Малыш, просыпайся». Я открыл глаза. Вокруг было светло, но я был не в кровати. Она сказала: «Иди ко мне. Я тебя на руках понесу». И мы вышли на улицу.

Было холодно. Марина шла очень быстро, и я подпрыгивал у нее на руках. Она сказала: «Не прыгай, пожалуйста. Мне и так тяжело». Я сказал: «Ладно». И мы вошли в теплый дом. Потом поехали на лифте и постояли возле какой-то двери. Потом дверь открылась. Но я не видел, кто нам ее открыл. Потому что Марина держала меня лицом к себе. Я видел ее лицо. Когда дверь открылась, лицо стало испуганным. Как будто она разбила тарелку и боится теперь. Я всегда боюсь, когда разбиваю тарелки. А потом кто-то прижался сзади, и мне стало трудно дышать. И Марина опять заплакала. А я сказал: «Вы меня прижали. Отпустите меня». Но они так стояли. А я видел чужую руку у Марины на голове. Чужая рука гладила Марину, как будто она была маленькая девочка. А мне стало смешно. Я прокрутился у нее на руках — и это был Миша. И тогда я сказал: «Привет. Где ты так долго был? Мы без тебя совсем соскучились».

Здравствуй, Лена.

Ты знаешь, у меня в последнее время появились какие-то странные ощущения. Совсем новые для меня. Неожиданные. Вот даже сейчас — пишу это письмо, а сам отчетливо вижу, как ты его читаешь. Сидишь у окна в старом кресле, и справа от тебя горит камин. В окно виден снег на горах. Несколько голых деревьев. И сразу за ними начинается глубокий спуск. Там, где-то внизу, должна быть деревня. Людей немного, но можно купить продукты. Ты читаешь мое письмо и начинаешь хмуриться. Но потом это выражение исчезает. Потому что я больше не противен тебе.

Странное ощущение, правда? Вижу все как в кино. Не знаю, откуда у меня это появилось. Раньше таких вещей не было. Работал без конца, и все вроде было нормально.

Ты знаешь, недавно познакомился с одним человеком. Он совсем маленький. Ему еще только пять лет. Но мы как-то с ним подружились. Такой серьезный и в то же время смешной. Жаль, что наше знакомство оказалось недолгим. Несколько дней назад я держал его на коленях и вдруг подумал, что ты, наверное, была права. Надо было еще рожать мальчишек. И девчонок. Все равно кого. Лишь бы их было побольше. Потому что, в конце концов, не важно — какими они выйдут потом. Главное, чтобы они были. А мы могли держать их у себя на коленях. Ты понимаешь меня?

Сергей просил узнать, нельзя ли ему навестить тебя в Швейцарии. У него сейчас сложное время. Мне кажется, ты единственный человек, который в силах ему помочь. К тому же он все еще бредит своей Одри Хепберн. Говорит, что хочет побывать в ее доме. Примешь его? Ему сейчас очень нужна твоя поддержка.

Да и я мог бы приехать. На пару дней.

Ты как думаешь? Можно?

В издательстве О·Г·И
в серии «ОГИ Проза»
вышли из печати

А. Геласимов
Фокс Малдер похож на свинью

С. Солоух
Клуб одиноких сердец
унтера Пришибеева

С. Файбисович
Невинность

И. Балабанова, А. Гурикова, Н. Леонтьева
Декамерон женских историй

Н. Джин
Пять повестей о суете

В издательстве О·Г·И
в серии «ОГИ Проза»
готовятся к печати

А. Геласимов
Жажда

С. Вольфсон
Глаз вопиющего в пустыне

В издательстве О·Г·И

готовятся к печати

Ф. Горенштейн

Шампанское с желчью
(рассказы)

Д. Яцутко

Божество
(повесть)

Попов-Белобров

Уловки водорастов
(рассказы)

В издательстве О·Г·И

готовятся к печати

Н. Горланова
Пермский декамерон

Линор Горалик
Недетская еда

Андрей Геласимов
Год обмана

Ответственный редактор М. Шмидт
Выпускающий редактор Е. Савина
Художник А. Ирбит
Компьютерная верстка: А. Черпаков
Производство: Л. Самадшвили.

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
125009, Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3
Тел./факс: (095) 229-55-48
e-mail: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести:
Москва, м. Чистые пруды, Поталовский пер., 8/12, стр. 2, клуб «Проект О.Г.И.»;
Кафе «Пирог»: м. Площадь Революции/Лубянка, ул. Никольская, 19/21;
м. Охотный ряд/Театральная, ул. Большая Дмитровка, 12/1, стр.1.

Заказать по почте наложенным платежом книги ОГИ можно по адресу:
103009, Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3, ОГИ
e-mail для заказов: tirazh@zhurnal.ru

Оптовые продажи: Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3.

За пределами России наши книги можно купить:
www.esterum.com

Подписано в печать 15.01.2003. Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура OfficinaSerif.
Объем 8,25 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Семпак»
Москва, ул. Анненская, 21

Герой этой истории — обаятельный неудачник Михаил, мечтающий об успешной карьере и о возможности заработать миллион. Вся его жизнь состоит из забавных приключений и пустяковых неудач. Сложности начинаются, когда Михаил впервые влюбляется по-настоящему: очередной забавный случай оборачивается драмой, которая изменяет его жизнь.

